

Алекс Гарленд
Тессеракт

ТЕССЕРАКТ

АЛЕКС

ПРЕДСКАЗЫВАЮ: АЛЕКС ГАРЛЕНД ВОЙДЕТ
В ИСТОРИЮ БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК
ОДИН ИЗ САМЫХ ОДАРЕННЫХ АВТОРОВ XX–XXI ВВ.

КАДЗУО ИСИГУРО

ГАРЛЕНД

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР-ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

**Алекс Гарленд
Тессеракт**

*Паломе, Ричарду, Дмитрию, Рэю, Гарсие, Джеймсу и всем тем,
кому была посвящена моя первая книга*

Чем шире круг света, тем больше область непознаваемого.
Дик Тейлор

1-1

Черный пес

1

Комната была какой-то тусклой, зато снаружи все так и сияло. Через решетку на окне Шон видел, как солнце сверкает на кучах мусора и как его лучи пронизывают листву деревьев, освещая узкие проходы между жалкими лачугами бедняков. Но внутри были одни лишь оттенки бежевого и серо-зеленого цветов, которые не пощадило время. К тому же их искажал свет подслеповатых ламп по обеим сторонам кровати.

— Пятна, — пробормотал Шон.

Именно это объединяло гостиничный номер на втором этаже с улицей. И здесь, и там все было каким-то неопрятным и грязным, на всем виднелись следы дождя, пыли, дыма, протечек канализации и копоты от костров, которые горели прямо на мостовой. И еще была кровь. Кровь на простынях. Похоже, их пытались отстирать, но в том, что это кровь, сомнений не оставалось.

Жара.

Как внутри номера, так и за его стенами. Солнце источало жар, который обволакивал, как липкая патока. Оказаться на солнце означало изжариться живьем.

Именно это произошло сегодня утром с Шоном, когда он сидел на причале нижнего порта Манилы, разглядывая корабли, их толстые якорные цепи. До этого он находился под защитой спасительной прохлады кондиционеров «Макдоналдса». Он отправился туда позавтракать утром, часов в десять, с газетой *Asia Week* в руке. В четверть двенадцатого Шон поднялся и пошел к выходу; одетый в синюю форму охранник услужливо опустил дулом вниз помповое ружье и распахнул перед ним дверь. Или услужливо распахнул дверь и опустил дулом вниз помповое ружье. Так или иначе, но, как только с улицы дохнуло пеклом, Шон вернулся назад.

Однако через пару часов, несмотря на прохладу «Макдоналдса», Шон почувствовал, как его мозги закипают. Дело было даже не в бесконечной суете персонала с мытьем полов, протираанием столиков и заменой пепельниц, а в детском празднике, постепенно расплывшемся и уже занявшем добрую половину всего помещения. Наряженные в матроски раскормленные богатые детки сидели с недовольными лицами и покрикивали на своих нянек. Большинству из них было лет по восемь-девять, а они уже готовились к политической карьере. Интересно, с какой стати этих богатых толстячков занесло в

забегаловку с гамбургерами? — подумал Шон и в тот же момент прожег сигаретой шарик, который кто-то пустил прямо ему в лицо. На громкий звук повернулось не менее дюжины голов, а один из телохранителей быстро сунул руку под широкую филиппинскую рубашку, где на поясе угадывался пистолет. Пора было уходить.

Шон вышел из «Макдоналдса», держа в руке стакан с молочным коктейлем, и направился к набережной, где надеялся убить время, наслаждаясь свежим морским бризом. Но не было никакого свежего бриза: прямо за воротник дула струя раскаленного воздуха, будто из сушилки для рук в ванной какого-нибудь первоклассного отеля. Не успел он сделать и пары глотков, как молочный коктейль превратился в горячий шоколадный суп, от скамейки, на которую он собрался присесть, повеяло жаром, как из раскаленной печи, а растопыренные веером листья пальм совершенно не давали тени.

И все-таки Шон продержался до четырех часов дня. Он почти не помнил, как провел все это время, и просто радовался, что смог как-то его провести. Вид кораблей и воды отвлекал его, и это было весьма кстати: остановить на них взгляд, слегка нахмуриться и, взглянув на часы, убедиться, что пролетело еще полчаса. Шон запомнил только, как стоял на причале, глядя на выброшенных морем медуз и огромные кучи плавающего мусора. И еще ему пришло в голову, что качающиеся на волнах пластиковые пакеты похожи на крошечные островки. Под ним два архипелага: один такой огромный, что страшно подумать, а другой слишком большой, чтобы его увидеть.

Вернувшись в номер, он заметил, что лужи на улице начали отливать красным. Это солнце упало с неба. Именно упало, потому что в этих широтах оно не заходит, а падает. Ровно в четверть седьмого удерживающая его резинка натягивается и через пятнадцать минут лопается. Проходит еще десять минут, оранжевый диск ныряет за горизонт — и сразу наступает ночь. За этим в Маниле нужно следить. У вас всего десять минут, чтобы поймать такси и покинуть опасную часть города, что стоило бы сделать сейчас, например.

— А я остаюсь, — прошептал Шон, глядя, как красные лужи внезапно темнеют и исчезают. Он был за много километров от Эрмиты, как, впрочем, и от любого другого знакомого места. Он скрывался в гостинице, которая даже не догадывалась, что она гостиница, или давно об этом забыла.

Здесь не было постояльцев, не было кондиционера или, на худой конец, вентилятора. Не было здесь и холла, а просто стойка и стул, на котором в закатанной до груди майке сидел какой-то тип, выставив похожий на коричневый валун живот. За правым ухом, вплотную к бритому черепу, у него вечно торчала размокшая от пота сигарета. Его правую руку никогда не было видно, и тип ни разу не улыбнулся Шону в ответ, а только швырял ему ключ от номера.

Что же это за гостиница, в которой он единственный постоялец? Идя по коридору мимо мерцающих островков света, отбрасываемых голыми лампочками, Шон с растущим беспокойством отмечал царящую здесь тишину. В открытые двери виднелись комнаты без кроватей, а иногда и без стен. Вместо них были деревянные каркасы — обглоданные скелеты стен, а за ними другие комнаты, где царил такой же разгром.

Здесь все было очень странно — Шон понял это еще вчера, сразу после приезда. Станным казался каждый уголок, каждый звук, каждый предмет.

Взять хотя бы телефон на шаткой прикроватной тумбочке. Само собой, он не работает, ведь если администрации гостиницы наплевать на отсутствующие стены, то что уж говорить о телефонах. Но откуда на нем эти таинственные следы, словно его жгли сигаретой? И не просто небрежно тушили об него окурки — нет, эти следы образовывали целые рисунки, линии и завитушки, как будто кто-то оттачивал свое мастерство палача. Шон в этом нисколько не сомневался, как и в том, что телефон не работает. И тем не менее он целых пять минут тряс аппарат, нажимал на рычаг и подносил трубку к уху в надежде услышать хоть слабый гудок.

Накануне ему пришлось принять три таблетки снотворного, чтобы уснуть. С сигаретой

во рту он снова и снова вчитывался в бумажку с адресом, пытаясь обнаружить хоть какую-то неточность. Напрягая глаза, пытался прочесть Алехандро-стрит как Алехандра-стрит, а отель «Патай» — как отель «Ратай». Он продолжал эти попытки даже после того, как его глаза стали слипаться от снотворного, а губы уже не могли удержать сигарету. Это продолжалось и во сне, который стал эфемерным продолжением предыдущих часов.

Трудно поверить, но все было правильно. «Патай» оказался именно «Патаем», в этом не оставалось ни малейшего сомнения. А утром Шону передали записку. Четким почерком дона Пепе было написано, что встреча состоится в восемь вечера. Теперь до нее оставался час и восемь минут, если, конечно, метис не опоздает.

2

В семь вечера Шон отошел от окна. Когда смотришь из темной комнаты на освещенную улицу, видно все. Но из освещенной комнаты темную улицу не видно, зато с улицы все видно как на ладони. Итак, Шон отошел от окна и присел на кровать.

Самочувствие было просто отвратительным. Долгие часы, проведенные под палящим солнцем на причале нижнего порта, казалось, высосали всю воду из его организма. Он ощущал раздражение, которое не на ком было сорвать, и злился на весь мир. Напрасно он пытался успокоиться — предстоящая встреча держала его в напряжении. Обычно подобные встречи организовывал он сам, к тому же в таких местах, где непунктуальность была чертой национального характера, которой гордились. Но на этот раз Шон согласился на условия дона Пеле... как соглашаются уступить дорогу танку.

Вообще-то дон Пепе похож на танк лишь в том отношении, что заставил Шона почувствовать собственную беспомощность. Он отнюдь не здоровяк, даже по филиппинским меркам, никогда не выходит из себя и даже не повышает голос. Он просто кивает и улыбается, но собеседник чувствует себя так, будто долго пролежал в горячей ванне и совершенно обессилел.

Шон зевнул и закурил.

Странная штука — никотин. Когда Шон зажег сигарету, он просто смотрел в никуда. Но после первой же затяжки его взгляд как магнитом притянуло к дверному глазку. Никотин помог обрести ясность мыслей: глазок был заделан.

Он был закрыт небольшой стальной пластинкой со стороны коридора, и, судя по свежим царапинам на металле, пластинка была поставлена недавно. Совсем недавно, но еще до его приезда, потому что он заметил ее, когда впервые осматривал номер.

Тогда это его не насторожило, ведь заделанный глазок прекрасно сочетался со всем прочим в гостинице. А теперь это выглядело иначе и довольно странно. Шон сделал три-четыре затяжки и понял, что дверной глазок был заделан отнюдь не в интересах постояльцев, которые не могли видеть того, кто стучит в дверь. Воспользоваться глазком мог только тот, кто находился за дверью.

Вот что странно.

Шон нахмурился. Снять пластинку — не проблема: достать швейцарский армейский нож, немного поковыряться, и эта штука исчезнет навсегда, а отель станет чуть менее странным.

Он уставился на тонкий кружок глазка, продолжая лежать на кровати. Не хватало только стать параноиком от сидения под солнцем на причале и нескольких часов ожидания в таинственном отеле. Ведь если это не насторожило его вчера вечером, то с какой стати волноваться сейчас? К тому же от этих глазков все равно мало толку. Вы слышите, как кто-то подходит к двери, смотрите в глазок. И что делать, если вы решили не открывать? Не отвечать? Но ведь человек за дверью наверняка слышал, как вы подходили к глазку. Значит, вы не можете изобразить, что вас нет на месте. И если вы попали в переделку, остается только накинуть цепочку, которая лопнет от первого же сильного удара.

Сигарета догорела до фильтра. Пару секунд Шон наблюдал, как красный огонек

пожирает остатки табака, а потом загасил окурок.

Девять минут восьмого. Прошло девять минут, как он в последний раз взглянул на часы. Девять раз по шестьдесят секунд. Как просто! Десять раз по шестьдесят, минус шестьдесят секунд, получается пятьсот сорок секунд, или почти одна шестая времени до прихода метиса, если только он не опоздает. Выходит, ждать осталось пятьдесят один раз по шестьдесят секунд, то есть...

По ковру промчался таракан, похожий на крохотный скейтборд.

Крысы и комары уже давно собрали свои вещички и умотали. Очень им нужно рыскать в поисках объедков, когда под боком полный город трущоб. Паразиты могли позволить себе разборчивость. И только тараканы решили, что в гостинице еще можно кое-чем поживиться. Они остались, размножились в огромных количествах и так и кишат под кроватью, избрав себе в качестве жилища трубу давным-давно не работающего кондиционера. Им на все наплевать, они прекрасно себя чувствуют и в куче дерьма. Вряд ли можно найти существо, которому нравилось бы общество тараканов, только таракану это безразлично.

А еще их не так-то легко убить. Попробуйте поднести к ним пламя от зажигалки: они просто прошмыгнут сквозь него. Врежьте по ним газетой, так они просто рассмеются вам в лицо. Только они смогут выжить после атомного взрыва. Забавно: они лучше приспособлены к ядерному распаду, чем к хорошему удару каблуком.

Шон сполз с кровати.

Семь семнадцать, четыре раздавленных таракана плавают в унитазе. Мир стал чище.

Шон вздрогнул от шума спускаемой воды и принялся нетерпеливо притоптывать ногой, ожидая, пока бачок наполнится вновь. Шум воды был так же громок и неуместен, как кашель во время похорон. Шум был здесь не к месту. В гостинице царила такая мертвая тишина, что, казалось, она распространилась и на улицу. Трудно поверить, но машины и маршрутные такси, проезжая мимо, не сигналили, мотоциклы не газовали, а продавцы вареных утиных яиц не нахваливали свой товар. В остальной части Манилы все эти звуки раздавались день и ночь напролет, но только не на Алехандро-стрит. «Патай» существовал в коконе тишины.

Необъяснимая тишина. Но иногда ее нарушали странные звуки, гулко отдававшиеся в пустоте гостиницы. Воздушные пробки в водопроводных трубах звучали как чьи-то шаги, а собачий лай походил на лязг столкнувшихся машин.

Два таракана продолжали плавать в унитазе. Один из них, еще живой, крутился на поверхности, волоча за собой вылезающие внутренности. Задумчиво утирая пот со лба, Шон заметил, что они коричневого цвета. Верно говорят: мы то, чем мы питаемся.

Пора с этим разобраться.

Шон снова улегся на кровать, подперев рукой голову и разглядывая пятна крови на постельном белье. Все это должно быть как-то связано: кровь на простынях, телефон и глазок. Эта мысль пришла к нему ниоткуда, просто так. Но ведь ничто не приходит просто так и ниоткуда. Должна быть какая-то связь.

Шон обвел пальцем пятно.

Начнем сначала. В этой комнате кто-то жил до него, это ясно. И, судя по телефону, этот кто-то был палачом, возможно, даже профессиональным. А эта профессия уж точно делает из человека мужчину. Итак, здесь был мужчина: комната пропахла горелой пластмассой, все затянута сизым дымом, пепельница доверху полна окурков.

Человек дышал этим дымом и ощущал этот запах, когда услышал, как винты вгрызаются в сухое дерево двери.

Он резко сел и наклонил голову, чтобы лучше слышать. Широко раскрытыми глазами он обвел комнату и обнаружил наконец источник звука. Тогда он встал, стараясь двигаться бесшумно, подошел к глазку и посмотрел, но увидел лишь темноту.

Он подумал: что же там такое, чего он не должен видеть? Что происходит?

Может, он даже набросил цепочку, чтобы выиграть время, когда станут выламывать дверь. Но все это осторожно, потому что в «Патае», как и в любом другом месте, лучше всего слышен звук металла о металл. Потом он подошел к окну и дернул решетку. Бесполезно, она прочно вделана в бетон. Это, пожалуй, единственная вещь в гостинице, которая выполняет отведенную ей функцию. Затем он направился в ванную и взглянул на форточку. Слишком узко, даже обезьянка не пролезла бы.

Тогда он прекратил осторожничать. Возможно, у него был пистолет. Он достал его и держал в руке, если не сделал этого раньше.

Глазка, считай, уже не было, и он не мог знать, сколько их там, за дверью. Но он знал: пистолет ему не поможет. Ведь он сам был палачом и отлично понимал, что его ждет. Такое он видел уже не раз.

Вот именно, не раз. Тогда он вернулся к кровати, сел и выстрелил себе в голову, а его мозги забрызгали все простыни.

— Порезался во время бритья, — сказал Шон. — Неожиданно началась менструация. Пошла носом кровь. Случился выкидыш. — Першило в горле от бесконечного количества выкуренных сигарет. Шон прикурил еще одну прямо от окурка.

Семь двадцать четыре. Шону часто приходилось выслушивать шутки о швейцарском армейском ноже. В нем было так много лезвий, что не все знали, как ими пользоваться. Но Шон в первые же два месяца, как купил нож, нашел применение всем лезвиям и хотел, чтобы их было еще больше.

Он очень торопился. Пришлось выйти из комнаты и закрыть дверь, чтобы отвинтить пластинку. Шон так остро ощутил собственную незащищенность в пустынном коридоре, что по телу пробежала дрожь.

3

Стальная пластинка размером с игральную карту и толщиной с ключ от двери была грубо выпилена ножовкой по металлу. Ее края не были обработаны напильником, и о них можно было запросто порезать палец.

Ну, вот и все. Шон прикрыл за собой дверь и собрался было бросить пластинку на кровать, но вместо этого швырнул ее об стену. Когда он опустил руку, его охватила злость вперемешку с раздражением, потому что солнце все-таки его достало. Крутанувшись, стальная пластинка воткнулась в разбухшую от сырости штукатурку, как метательный нож.

И тут же раздался звонок. Резкий, прерывистый звук заполнил всю комнату.

В первый момент Шон застыл от неожиданности, но потом рванулся вперед и вытащил пластинку из стены, подумав, что она задела провод и сработала система пожарной сигнализации.

Однако сигнал продолжал звучать. Нужно было как можно быстрее соединить концы поврежденного провода, пока здесь не появился бритый привратник. Но уже через пару секунд, расковыряв дыру, Шон убедился, что никаких проводов не было и в помине. Стены оказались совершенно полыми, без кирпичной кладки. Одна только оштукатуренная дранка, от которой несло затхлым. Странно, сигнал тревоги продолжал звучать, он стал еще более частым и требовательным.

Трясущимися руками Шон, сам не зная почему, потянул за оторванный кусок обоев, но тут же сообразил, что если нет проводов, то пластинка тут ни при чем. Значит, и в самом деле случился пожар. Шон выругался и бросился через всю комнату к своей дорожной сумке, представляя, с какой скоростью пламя охватит старую гостиницу.

Внезапно он остановился у прикроватной тумбочки.

Это телефон! Звонил телефон.

— Э-э-э-э... Привет, Шон.

Шон прижал трубку к уху. Надо держать себя в руках.

Стараясь говорить ровным голосом и переводя дыхание между словами, он сказал:

— Дон Пеппе! Привет! *Kumusta po kayo?*

Дон Пеппе издал чмокающий звук. Он постоянно жевал зубочистку. Зубочистка заменяла ему оружие. Когда ему задавали вопрос, он продолжал сосать свою чертову зубочистку, выгадывая время.

— *Kumusta ha, don Pepe?* — повторил Шон, пытаясь прекратить эту игру в угадку еще до того, как она началась, но чмоканье все продолжалось.

Дон Пеппе не собирался говорить, пока ему нечего было сказать.

— Ну ладно, Шон, — сказал наконец дон Пеппе. — У меня все хорошо, парень. А как у тебя?

— У меня тоже все хорошо.

— Отлично... *din*. - Чмоканье. — Как тебе гостиница?

Шон погладил влажную ткань своей хлопковой рубашки.

— Здесь тихо.

— Да, тихо. Ты знаешь, Шон, я сделал ошибку. В прошлом году это была очень хорошая гостиница, но мой компаньон говорит, что она уже не та. Это моя ошибка. Я думал, что это по-прежнему хорошая гостиница.

— Но вы же об этом не знали, — сказал Шон, с трудом подавив нотку сомнения в голосе. — Не могли знать.

— *Talaga*, ладно. Уже поздно что-то менять, если мы встречаемся через полчаса, *di ba?*

— Ну... может быть, и не поздно. Мы могли бы встретиться в баре или в... — Шон запнулся, пытаясь вспомнить какое-нибудь знакомое заведение. — Скажем, в баре «Пингвин». Я мог бы приехать в Эрмиту через полчаса. *Madeli po*.

На этот раз чмоканье раздавалось по крайней мере секунд двадцать. Шон все сильнее прижимал трубку к уху. Он решил, что не заговорит первым, но когда костяшки его пальцев совершенно побелели, он вдруг сказал неожиданно для себя самого:

— Дон Пеппе, а может, нам встретиться в гостинице?

— Да, — ответил дон Пеппе. — Давай встретимся в гостинице. Так будет проще, и нам никто не помешает.

— Да.

— Итак, э-э-э-э, я позвонил сообщить тебе, что я, *ano*, задержусь.

— Задержитесь?.. — Да.

— Хорошо... Надолго?

— Ну, минут на пятнадцать. На четверть часа. Тебя это *ayos?*

— *Ayos na*. Никаких проблем.

— Тогда, э-э-э-э, хорошо. До скорой встречи.

— *Sige po*.

— *Sige*. - И дон Пеппе повесил трубку. Гудок слышался еще секунд шесть-семь, после чего телефон опять отключился.

Шон сражался с самим собой. Он пытался заделать дыру в стене, приладив оторванные обои, но у него ничего не получалось. Руки тряслись слишком сильно, а пальцы казались толстыми и непослушными. Они непрерывно дрожали, и это сводило на нет все его попытки. Он ничего не мог поделать и лишь отрывал новые клочки. Тогда, в порыве отчаяния, он рванул кусок обоев, оторвав их до самого плинтуса.

— Все бесполезно, — пробормотал Шон и отошел в сторону от ширящейся зоны бедствия.

Произнесенные вслух, эти слова прозвучали как приговор.

На какое-то время он забыл, что находится в «Патае». Он договорился о встрече в

гостинице, и человек был уже в пути. Кроме этого ничего не произошло, не случилось никаких сбоев. Мебель была из тикового дерева. Покрытые слоем грязи кольца штор и корпус лампы были из латуни, а спинку кровати украшала выполненная вручную резьба с изображением кокосовых пальм и рыбацких хижин из пальмовых листьев. Он стоял посреди этого поблекшего великолепия.

Потом видение исчезло. За тиковым деревом скрывалось преступление, а рыбаки оказались бедняками. Он должен встретиться с человеком, о котором завсегдатаи баров по всей Маниле вполголоса рассказывают такой мрачный анекдот: *«Какую молитву читает на ночь дон Пепе? Прости меня, Господи, ибо я есть грех»*. Это если дон Пепе вообще когда-нибудь спит.

Шон рухнул на колени, схватил дорожную сумку и быстрым движением расстегнул молнию. На ковер выпала смена белья, потом солнечные очки, которые он никогда не надевал, и непочатая пачка сигарет.

— Ну же! — пробормотал Шон и встряхнул сумку. Из нее вылетела зубная щетка, потом батарейка и запасная обойма. Он секунду помедлил, отложил обойму в сторону и снова потряс сумку. На этот раз к куче добавилась шариковая ручка, несколько затерявшихся монеток и патронов, фонарик, еще одна батарейка и амулет.

4

Этот предмет был амулетом только для Шона и не имел ничего общего с головой Будды или хрустальным черепом. Это была обыкновенная фотография на паспорт с изображением какой-то девушки, приклеенная на кусочек картона, чтобы не помялась. А ей легко было помяться, болтаясь в сумке Шона. Надо бы держать ее в бумажнике, но всем известно, что бумажник в Маниле — вещь слишком ненадежная. Карманники, бритвы, пистолеты, копы... Всего пару дней назад Шон слышал, что какие-то полицейские ограбили японского туриста неподалеку от бульвара Рохас.

Могло бы из-за этого лица разгореться морское сражение? Скорее всего, нет, но это и хорошо. В битве при Дюнкерке приняли участие тысячи кораблей, но кто сейчас об этом починит? Может, в ее улыбке есть что-то загадочное? Отнюдь нет, и это тоже хорошо. Загадочные улыбки — просто лицемерие. Они совершенно бесполезны и только кружат вам голову. Этой девушке можно верить. Ее лицо, особенно глаза, смотрят честно и открыто. Брови слегка приподняты. Похоже, она собирается задать какой-то вопрос или выслушать ответ.

Шон вздохнул и улегся прямо на ковер, положив фотографию себе на грудь. Только сейчас он заметил, что комната довольно большая, потому что, лежа на полу, мог видеть только потолок. Над ним простиралась плоская равнина бежевого цвета, на которую опускались сумерки. Плоская равнина над ним вполне могла быть и под ним. Что-то вроде пустыни, испещренной руслами высохших рек.

Ощущение покоя проникло в солнечное сплетение Шона, разливаясь по всему телу от того места, где была фотография. Минут через пять это ощущение проникнет в ноги, потом достигнет головы. Он уже почти улыбался. Хорошо бы сейчас поспать. Забавно: заснуть в то самое время, когда «мерседес» метиса направляется к нему, петляя по улицам.

Пустыня проступала все явственней по мере того, как талисман делал свое дело. Пятна сырости превратились в тени на барханах, а облупленная краска — в заросли кустарника. От барханов к кустарникам тянулась едва заметная полоска следов от каравана верблюдов. А эти ключья паутины — мираж или еще одна тропа? Шон чувствовал, что ему все труднее дать ответ на этот вопрос.

Он подумал: какая дрянь это снотворное, зря он принял его вчера вечером. Он сам себя подставил, проглотив эти дурацкие крошечные таблетки, а ведь мог бы перенестись куда-нибудь в Сахару. Жаль, тогда это не пришло ему в голову.

К черту прошлый вечер! Что было десять минут назад?

А может, пятнадцать?

Да не все ли равно, десять или пятнадцать. Он вел себя как безмозглая курица. Бился головой об стену, сходил с ума. Шон невольно улыбнулся. Он представил себе выражение своего лица, когда зазвонил телефон: челюсть отвисла, сердце готово выскочить из груди.

Зато теперь все в порядке благодаря амулету, благодаря ангелу, блокирующему выброс адреналина.

Он надеялся, что когда-нибудь встретит эту девушку. Это произойдет где-нибудь на улице, и тогда он подойдет и представится ей. Расскажет, как она помогала ему пережить трудные минуты, как успокаивала его, отводила от него беду. Он поблагодарит ее очень вежливо и одновременно искренне, тепло и от всей души. А потом они попрощаются, и каждый пойдет своим путем.

Какое острое ощущение! От этой мечты наяву перехватило горло. Именно потому, что эта мечта никогда не станет явью. Шон не знал ни имени, ни адреса девушки, ни даже ее национальности. Он нашел фотографию на полу в кабинке экспресс-фото в порту Гавра. Все просто.

Шон продолжал разглядывать потолок. Справа от него — сеть рек с притоками. А слева... Но что это? Кратер от падения метеорита?

Преодолевая сонливость, на пару секунд он обрел остроту зрения.

— Ну и ну, — прошептал Шон, глядя на след от пули. Его это не особо удивило. Неожиданная менструация оказалась выдумкой, а порез во время бритья — просто глупостью.

Значит, тип, который пытал телефон, выстрелил вверх, приставив дуло к подбородку. Или направил в рот, но при малой начальной скорости пуля, возможно, задела кость и изменила траекторию, а не вышла с противоположной стороны. А может, он промахнулся, когда выстрелил в первый раз. Промахнулся потому, что нервничал и вообще был идиотом. Вот и пришлось сделать еще одну попытку.

Возможно, все так и было, с удовлетворением отметил Шон. Да, этот тип был идиотом. Совершенно ясно, что он кого-то ждал, ведь никто не станет останавливаться в «Патае» ради собственного удовольствия. Итак, чего он ждал? Инструкций? Гостиница в полном упадке, судя по пустым номерам и простыням в пятнах крови. Если он не заметил этого сразу, значит, чутье его подвело...

Пустыня померкла и исчезла. Шон сел, и с его груди упала забытая фотография. На полу лежала покрытая пылью и кусками штукатурки стальная пластинка. В ней холодным блеском отражался свет прикроватных ламп.

— Вы, — сказал Шон и погрозил пальцем. — Вы все против меня.

Луна вращается вокруг Земли. Ее притяжение вызывает приливы и отливы, но никто не знает почему. Луна могла бы быть больше, располагаться дальше или ближе. Просто так получилось, что она там, где есть.

Так какой же смысл спрашивать себя, почему дон Пепе хочет его убить? Это как Луна — причину понять невозможно. Но даже если бы он спросил себя об этом, то обнаружил бы, что на ответ уже нет времени. Серый «мерседес» появился напротив гостиницы в тот самый момент, когда Шон разглядывал стальную пластинку. И он тотчас почувствовал себя в коконе тишины, окружавшей «Патай», ведь в Маниле совсем мало машин с моторами, которые урчат по-кошачьи.

Он совсем не дурак, этот дон Пепе. Позвонил, что задерживается, а приехал раньше времени, чтобы застать врасплох. Дверцы «мерседеса» открылись и захлопнулись. Четыре хлопка, четыре человека. Даже шофера взяли с собой. Шон машинально отметил, что зря они оставили мотор включенным, ведь дело может и затянуться.

В комнате вдруг, как по волшебству, стало холодно. Сауна превратилась в холодильник, до которого с улицы доносилось звяканье ключей и приглушенный шум голосов.

Под взглядом телефонного диска, похожего на глаз насекомого, Шон невольно повторил последний путь погибшего здесь палача. Сначала он на несколько секунд задержался у двери, но вспомнил, что в «Патае» только одна лестница и один выход, а они уже подходят к гостинице. Потом, сам не зная почему, дернул за оконную решетку, понимая, что только вывихнет себе плечо, но не сдвинет ее и на миллиметр. В конце концов он очутился в ванной, где убедился, что ему не пролезть сквозь узкую форточку.

Телефон равнодушно наблюдал за ним. Когда Шон отвел взгляд от форточки, его лицо, отразившееся в зеркале ванной, выглядело совсем чужим. Он просто не мог от него оторваться, несмотря на владевшее им напряжение.

Лицо казалось текучим, но не расплзлось, как расплзлась бы дешевая голограмма или клубок змей. Губы втянулись внутрь, а челюсть отвисла. Взгляд стал блуждающим, зато брови сошлись в одной точке. Это страх, — глядя на себя как бы со стороны, подумал Шон. Редко кому удастся увидеть страх не на лицах других людей, а на своем собственном. Это настолько заинтересовало Шона, что он придвинулся ближе к зеркалу, не обращая внимания на шаги, которые раздавались уже на лестнице.

Конкистадор

1

— Э-э-э-э, мы опаздываем, — сказал дон Пепе, нарушив напряженное молчание последних пяти минут.

Жожо кивнул и нервно ухватился за накладку руля.

— Да, сэр, опаздываем. Извините.

— Сначала гостиница, а теперь и это.

Жожо чуть помедлил, прежде чем повторить: «Да, сэр». Он хотел дать Терою возможность извиниться в свою очередь, ведь это он первый предложил снять номер в гостинице «Патай». Но Терой, сидевший рядом с ним, не произнес ни слова. Какой смысл подставлять его, если он сидит, опустив голову, и помалкивает, предоставляя Жожо выкручиваться самому. Все верно. Жожо и сам поступил бы так на его месте.

Тем временем дон Пепе откашлялся и продолжил:

— Э-э-э-э, интересно, а с чего это ты, Жожо, решил поехать через Киапо? Разве ты не знал, что там все перекопано?

— Знал, сэр.

— Наверное, ты подумал, что в ночное время машин будет мало.

— Так и подумал, сэр.

— Но... э-э-э-э... теперь ты видишь, какое большое движение.

— Да.

— Я нанял тебя шофером, а ты даже не знаешь, где в Маниле бывают пробки.

— Прошу вас принять мои извинения, сэр. Я больше не буду ездить через Киапо до окончания дорожных работ, даже в ночное время.

В зеркало заднего обзора Жожо увидел, как дон Пепе полез во внутренний карман пиджака за серебряной коробочкой с зубочистками.

— Надеюсь, что мне не придется тебе об этом напоминать. Мне бы не хотелось провести еще один подобный вечер.

— Нет, не придется, сэр.

— Мне надо позвонить мистеру Шону и объяснить ему ситуацию, что, конечно же, будет затруднительно. Я еще недостаточно хорошо его знаю, но надеюсь, что мистер Шон —

человек пунктуальный. Следует ожидать, что как европеец он относится к этим вещам достаточно серьезно.

Жожо бросил взгляд на Тероя, ему показалось, что тот выкатил глаза.

— Может быть, мне сделать это за вас? — произнес медовый голос с заднего сиденья. Бубо выбрал подходящий момент, чтобы вступить в разговор. — Если только вы не против.

— Не против? — прервал его дон Пепа. Даже мотор, казалось, звучал тише, когда он сосал свою зубочистку. — ...Не против прятаться за других, вместо того чтобы отвечать за собственные ошибки?

Бубо тут же защелкнул рот.

Жожо уже полтора года работал водителем у дона Пепа. Его взяли на место Улинга, который был убит во время неудачной попытки похищения, как и Бинг-Бонг, толстый психопат, племянник дона Пепа.

За эти полтора года не проходило и дня, чтобы дон Пепа не сказал что-нибудь о Европе и европейцах.

Обычно это были тонкие наблюдения или просто банальности. Что-нибудь об изменении политической жизни во Франции или — при рассматривании какого-нибудь туриста через тонированные стекла «мерседеса» — замечание по поводу бесконечного разнообразия оттенков волос у европейцев. Случайный слушатель не усмотрел бы в этом ничего, кроме обыкновенного желания поболтать.

Однако необыкновенность дона Пепа проявлялась тогда, когда он переходил к чему-нибудь для него важному. Проведя довольно долгое время в его обществе, вы начинали понимать, что этот человек находится в постоянном нервном напряжении. Чтобы взорваться, ему достаточно было бросить всего один мимолетный взгляд на развалины форта Сантьяго и стены цитадели. Вот тут-то и проявлялась его обширнейшая эрудиция, чрезмерная страстность натуры и умение владеть речью. И куда только девались бесконечные паузы со всеми этими «э-э-э-э»!

«Писарро завоевал Перу, имея в своем распоряжении только сто восемьдесят солдат. *Сто восемьдесят солдат* против целой империи инков! Вот я и спрашиваю вас: на чьей же стороне сражался Господь?»

«Вы, естественно, должны понимать, что Магеллан служил Испании, хотя и был португальцем».

«Легаспи потерпел неудачу только при Минданао. Поверьте мне, это не было поражением. К 1571 году Манила уже была в его руках».

«Представьте себе, каково было ацтекам увидеть лошадь. И не просто лошадь, а лошадь в боевых доспехах, с зубами, острыми, как бритва!»

«На Филиппинах нет церквей, нет Дома Господня, одни только лачуги. *Церковь Христа?* Да это просто насмешка! Вот в Испании — это церкви, *настоящие* церкви, а в этой стране одни только лачуги».

Одни только...

В *этой* стране...

А ведь ни отец, ни дед дона Пепа никогда не бывали в Испании. Сам дон Пепа побывал там только один раз, в декабре прошлого года. Он провел пять дней в Мадриде и пару дней в Сан-Себастьяне, на родине своих предков. Испанской в нем была только кровь, и та с местной примесью, — достаточно было взглянуть на него, чтобы понять это. Однако никто не решался даже заикнуться об этом.

Как не решался и напомнить о его путешествии на родину. Об этом только и было разговоров, когда он собирался туда, зато по его возвращении на эту тему было наложено табу. И все из-за выражения лица старика, когда Жожо приехал за ним в международный аэропорт имени Ниной Акино. Лицо дона Пепа не было грустным, или разочарованным, или даже недовольным. Это было лицо человека, перенесшего контузию. Привычные «лекции» изменились до неузнаваемости: несколько недель он испускал только междометия. И даже сейчас, полгода спустя, его лекциям все еще не хватало былой оригинальности и

продолжительности.

— Мистер Шон — англичанин. Поглощенный зрелищем габаритных огней снующих вокруг маршрутных такси, Жожо выпрямился и пробормотал:

— Да, сэр.

— В 1762 году англичане оккупировали Манилу и вернули ее нам только в 1763-м, на основании Парижского договора. Думаю, что большинству испанцев до сих пор немного стыдно за то, что англичане захватили их землю, хотя это и произошло более двухсот лет назад.

— Так оно и есть, сэр.

— А вот мне совсем не стыдно. Англичане тоже были созидателями великой империи. Лично я с уважением отношусь к тому, что они оказались сильны и отняли у нас Филиппины. — Дон Пепе сделал паузу. — Но в любом случае они задержались здесь чуть больше года.

— Год — это немного.

— Конечно, немного. Это просто багатель по сравнению с четырьмя веками испанского владычества.

Жожо и Терой переглянулись. «Багатель»? — произнес Терой одними губами, на что Жожо лишь недоуменно вскинул брови. Дон Пепе частенько вставлял иностранные слова, и, как ни странно, чаще всего английские.

— Итак, — продолжил дон Пепе. — Стало быть, когда-то англичане владели Манилой. Это малоизвестный факт.

Малоизвестный, но только не в этой машине, — подумал Жожо и отпустил ручной тормоз, позволив «мерседесу» прокатиться пару футов вперед.

2

Бубо был настоящим королем подхалимажа, судя по его поддакиваниям, улыбочкам и поддельному интересу, с которым он внимал рассуждениям метиса. Собственно, в этом и заключалась его работа. Нет, Бубо и не думал жаловаться, он всегда, с незапамятных времен, хотел быть правой рукой дона Пепе. Когда стало известно о гибели Бинг-Бонга, он прямо извивался, пытаясь поймать взгляд старика. Люди говорили, что он готов отрезать себе мужское достоинство, лишь бы произвести благоприятное впечатление на дона Пепе. Ходили также слухи, что та неудачная попытка похищения была задумана с целью убрать Бинг-Бонга. Полная чепуха. Любой, кто был хоть немного знаком с королем подхалимажа, знал, что он просто не способен на столь сложные комбинации.

Место подхалима было на заднем сиденье, а Жожо и Терой занимали передние. Они, по крайней мере, сидели спиной к боссу и, как школьники на задней парте, могли слушать учителя вполуха. Они позволяли себе разглядывать девушек на улице и перемигиваться с ними. Они могли даже разговаривать между собой. За свою долгую практику они усовершенствовали искусство ведения беседы до такой степени, что могли слышать друг друга, но при этом ни слова не доносилось до сидевших сзади. А когда разговор прекращался, потому что какое-то шестое чувство подсказывало им, что дон Пепе прислушивается, Терой всегда принимался чистить свой пистолет — самый сверкающий пистолет на всем Лусоне, а Жожо погружался в изучение маршруток.

Для него они оставались загадкой. Сильно разукрашенные микроавтобусы так и шныряли по улицам каждого квартала. Они были как лица родных, как ощущение резиновых сандалий на ноге, как вкус риса. Кто замечает вкус риса? А вот Жожо замечал маршрутки.

Все началось со стекол. Отсутствие стекол в окнах маршруток и зеркальные стекла «мерседеса». Однажды утром, когда Жожо проезжал через Кесон-Сити, это пришло ему в голову и заинтересовало его. Ему как на ладони были видны пассажиры микроавтобусов, а вот они были вынуждены довольствоваться собственным отражением в зеркальных стеклах

«мерседеса».

В общем-то, простое наблюдение, не имеющее никакого значения, но Жожо попался на крючок: это вносило небольшое разнообразие в привычное зрелище, позволяя увидеть его как бы заново.

С этого времени в каждой дорожной пробке Жожо с пристрастием разглядывал маршрутки. Для начала он ввел десятибалльную систему оценки, включавшую качество раскраски боковых панелей, чистоту и ухоженность, и получал истинное удовольствие при виде рисунка, тянущего на восемь с плюсом.

Одним из его последних открытий были таблички с названиями, прикрепленные к лобовому стеклу. Просто удивительно: он знал, что «Дама-дракон» ходит вдоль улицы Эдза, а «Грядущее потрясение» — от Макати до Бикутана, но никогда не задумывался, что это за дама или какое потрясение готовит грядущее. Как интересно жить в стране, наполненной тщательно продуманными и ярко написанными на широких полосах пластика названиями, которые никто не удосуживается прочесть! Может быть, именно поэтому владелица «Тайного любовника» так легко выставила свой секрет на всеобщее обозрение.

Как почти всё в Маниле, маршрутки появлялись на улице с наступлением темноты. Они сверкали разноцветными лампочками, а в их якобы хромированных частях тускло отражались огни рекламы. В этот вечер маршрутки представлялись Жожо миниатюрными ночными клубами, заполненными пресыщенной и скучающей публикой или бандитами. Такое впечатление создавалось оттого, что многие пассажиры повязали носовые платки на манер ковбоев, чтобы хоть как-то уберечься от выхлопных газов. Бандиты-пассажиры в мягком зеленовато-красном освещении салона.

— Э-э-э-э, телефон, — сказал дон Пепе.

Бубо буквально нырнул за аппаратом. Телефон был установлен в машине полтора месяца назад, таким образом, чтобы дону Пепе было легко до него дотянуться, но он ни разу так и не снял трубку сам.

— Сейчас позвоню мистеру Шону. Терой кашлянул и повернулся к нему.

— Я не уверен, что в «Патае» работает телефон. Сэр, если вы помните, именно поэтому сегодня утром Жожо пришлось самому доставить туда вашу записку.

— Конечно же, я помню, Терой. И еще я помню, что объяснил менеджеру гостиницы, что буду очень недоволен, если телефон не заработает к вечеру. Э-э-э-э, сама мысль, что мистер Шон оказался в номере с неработающим телефоном... А если ему захочет позвонить его капитан? Ведь он не сможет дозвониться! Долгое причмокивание.

— Номер.

Терой сунул руку в нагрудный карман и вытащил карточку с номером. — 368-2266. - 3...6...8... - 2266. - 2...2... - 66.

Наступила пауза.

— А-а! Работает!

У всех вырвался тихий вздох облегчения.

Жожо слышал разговор дона Пепе с мистером Шоном. Ему не нравилось, как дон Пепе разговаривает с европейцами. Он говорил с ними в своем обычном резком и повелительном тоне, но с едва заметной заискивающей интонацией, и Жожо было за него стыдно. Метис никогда не разговаривал так с филиппинцами.

И, что хуже всего, эта заискивающая интонация была совершенно бесполезной. Европейцы из числа деловых знакомых дона Пепе все были моряками торгового флота, людьми грубыми, но филиппинцы всегда обращались с ними вежливо, в том числе и со своими врагами. Даже самые рьяные служители закона, которые стремились засудить старика по той или иной причине — в надежде прославиться или желая раньше времени сойти в могилу, — даже они говорили *ро*, когда вручали ему повестку в суд, и распахивали перед ним дверь в зал суда, если только Бубо не опережал их.

Жожо всегда был просто в шоке, когда европеец грубо вел себя по отношению к дону Пепе. Как-то раз они с Тероем сопровождали дону Пепе на встречу с одним австралийцем, старпомом с судна «Ментализ», который даже не удосужился надеть рубашку, у него была совершенно голая грудь. Жожо просто не знал, куда глаза девать, а Терой признался потом, что никак не мог решить: застрелить ему австралийца или застрелиться самому.

Жожо, выросшего среди шума и грубости, можно было понять, ведь он каждый день наблюдал, как белые, спотыкаясь, шлеются по барам Анжелеса. Но были и исключения, изменявшие его привычные представления. Таким исключением стал и мистер Шон. Он бывал на Филиппинах достаточно часто, чтобы усвоить хорошие манеры, пользоваться обращением *ро*, когда это необходимо, и при любой возможности говорить на тагалого.

Так кто же был прав? Трудно сказать. Каждый человек заслуживает вежливого обращения, но иногда Жожо со стыдом ощущал зависть, когда европейцы прерывали дону Пепе посреди разговора, или повышали на него голос, или, более того, хлопали по спине. Зависть исчезала, когда глаза метиса вспыхивали, а жилка на виске неожиданно вспухала.

И Жожо сразу вспоминалась история, которую часто рассказывал ему отец, когда они еще жили на Негросе. Отец бочком пробирался домой после работы на плантации, а потом сидел на корточках под каменными сводами помещения для слуг асьенды дону Пепе, поеживаясь от холода и жуя стебель сахарного тростника.

— Пандинг, — пробормотал Жожо, почти слыша голос отца, — был сиротой...

3

Пандинг был сиротой. Его мать умерла от родов, а через шесть лет, во время страшного лесного пожара, разразившегося посреди долгого жаркого лета, погибли его отец, дядя и две тетки. Неудивительно, что при таком начале жизни мальчик слегка повредился в уме. Не то чтобы очень — так, немножко. Ничего особенного не проявлялось в разговоре или за стаканчиком домашней водки, но стоило ему взять в руки мачете...

Люди на плантации называли это красным туманом. Если приглядишься получше, утверждали многие из них, увидишь, что туман вьется вокруг его головы, как табачный дым или пар, поднимающийся ранним утром над спинами рабочих. Надсмотрщик по прозвищу Толстяк, никогда не расстававшийся с хлыстом, говорил, что ставить Пандинга на уборку урожая — все равно что натравливать собак на обезьян, слишком близко подбирающихся к плантации. Никто не решался приближаться к собакам Толстяка, и точно так же все избегали подходить к Пандингу, когда в голове у него был красный туман. Здравый смысл подсказывал: лучше наблюдать за ним издалека.

Однако дон Пепе не знал этого правила, потому что видел собственную плантацию только с балкона асьенды или с высоты своей португальской лошади. Но, даже если бы правило и было ему известно, сама мысль о необходимости считаться с каким-то сумасшедшим рубщиком тростника показалась бы ему такой же смешной, как выдача зарплаты рабочим в течение шести месяцев, пока тростник еще не набрал силу, или отказ переспать с их дочерьми.

Прошел небольшой дождь, и у дону Пепе появилась возможность пуститься вскачь на своей лошади, чего он никогда бы не сделал, останься почва такой же твердой. В центре Негроса почва бывала твердой, как скала, и даже выросшая в Португалии лошадь могла сломать ногу.

В тот день дон Пепе прискакал прямо на участок Толстяка. Поскольку участок располагался в самом дальнем углу поместья, такие посещения были большой редкостью. Люди Толстяка прекратили работу. Они перестали рубить и складывать тростник и наклонили головы в знак уважения.

— Отличный денек, сэ, — сказал Толстяк, когда хозяин подъехал поближе.

— Э-э-э-э, — любезно ответил ему дон Пепе. Прогулка верхом привела его в хорошее

настроение. — Вот именно. Отличный денек. Во всем чувствуется рука Господня.

На это нечего было ответить, и Толстяк решил промолчать. Тем временем метис с удовольствием обозревал пределы своего царства. Но тут их внимание привлек неожиданный звук, и оба повернули головы в ту сторону. Это был звук мачете — Пандинг продолжал рубить тростник.

— Почему этот человек не прекратил работу? — осведомился дон Пепе, приподняв поля шляпы, чтобы лучше видеть.

Толстяк замешкался. Другие надсмотрщики, не колеблясь, пустили бы в дело кнут, используя повелительную нотку в голосе хозяина как возможность показать свою безжалостность. Однако Толстяк не был жестоким человеком. Он не хотел наказывать Пандинга без всякой причины, поэтому тщательно обдумал свой ответ.

— Сэр, — сказал он наконец, — я думаю, Пандинг хочет показать вам, какой он хороший работник.

— Хороший работник, — повторил дон Пепе.

— Это неплохо, но мне кажется, он слишком усердствует. Ведь другие могут подумать, что он меня не уважает. Значит, э-э-э-э, останови его.

— Остановить его, сэр?

— Да. Остановить.

— Остановить его? — повторил Толстяк.

— Да ты совсем оглох! — Дон Пепе поднял хлыст и ударил Толстяка по щеке. — Так лучше?

— Гораздо лучше, сэр.

— Отлично. Так ты собираешься его останавливать или нет?

— Сэр, я...

— Да или нет?

— ...Да, сэр.

Дон Пепе поудобнее устроился в седле в ожидании развязки.

До того места, где Пандинг рубил тростник, было совсем недалеко, но Толстяк шел очень медленно, уперев взгляд в землю и вобрав голову в плечи. Подойдя совсем близко к Пандингу, он вдруг повернулся и бросил быстрый взгляд на наблюдавших за ним работников, а потом на дону Пепе. Метис даже не смотрел в его сторону. Он, казалось, разглядывал белые стены своей асьенды, которые выглядывали из джунглей, как череп из высокой травы...

Как череп из высокой травы.

Жожо очнулся от воспоминания.

Буквально только что он слышал голос отца и ясно видел асьенду. Он слышал басовитое жужжание мух, звук ударов кнута и крики, доносившиеся с плантации. И вдруг все это исчезло.

Он нахмурился и тихо вздохнул, вновь отдаваясь воспоминаниям.

Именно на этом месте он обычно перебивал отца, нетерпеливо вздыхая и спрашивая: «А почему Толстяк не убежал?» — когда был еще маленьким. Или: «Почему же Толстяк не объяснил насчет красного тумана?» — когда стал постарше. Отец ничего не мог на это ответить. Он лишь пожимал плечами и говорил: «Так уж вышло». При этом он был похож на священника.

На заднем сиденье дон Пепе продолжал громко сосать зубочистку, выплевывая мелкие щепки.

— *В прошлом году это была очень хорошая гостиница.*

Он все еще разговаривал с мистером Шоном.

— *Но мой компаньон говорит, что она уже не та...*

Вот так-то, компаньон. Жаль, что Терой не понимает по-английски, иначе ему было бы очень лестно услышать, что его называют компаньоном. Жожо повернул голову направо,

собираясь сказать ему об этом, потому что метису было не до них и они могли разговаривать вполголоса. Но Терой смотрел в окно, а Бубо — сам не зная почему, Жожо был в этом уверен — уставился прямо ему в затылок.

Испытывая раздражение, Жожо немного сполз с сиденья, чтобы его не было видно за подголовником.

Толстяк приблизился к Пандингу на расстояние удара мачете и перекрестился, а потом рванулся вперед.

— Толстяк такой же чокнутый, как Пандинг, — сказал один из наблюдавших за ними работников.

Но Толстяк совсем не был чокнутым. Пандинг все равно не услышал бы его приказа, а на удар кнутом ответил бы ударом мачете прямо ему по шее. Поэтому Толстяк изо всех сил схватил Пандинга, прижав ему руки. Единственное, на что он надеялся, так это продержаться, пока красный туман не рассеется.

Минуты две-три они стояли, слегка покачиваясь в зарослях тростника, пока Пандинг пытался освободиться. Но в конце концов их мышцы ослабли и самое опасное осталось позади. Толстяк ослабил хватку, а мачете выпало из рук Пандинга.

— Хозяин... — сказал Толстяк на одном дыхании.

Пандинг удивленно взглянул.

— ...приказал тебе остановиться. Толстяк вернулся, абсолютно уверенный, что его не в чем упрекнуть. Он только что смотрел в лицо смерти, и теперь ему есть о чем рассказать. Но дон Пепе считал иначе.

— Мне не нравится, как ты управляешься с работниками, — заявил он.

Толстяк улыбнулся.

— Сэр, я делаю все, что в моих силах.

— В таком случае тебе следовало бы поучиться этому у других надсмотрщиков.

— Им самим не мешало бы поучиться у меня. Дон Пепе прищурился, услышав этот самодовольный ответ.

— Да?

— Мои работники рубят и скирдуют тростник быстрее, чем у них, и реже умирают.

— Правда?

— Да, сэр. Чем меньше их умирает, тем больше они делают работы.

— Неужели?

— Так оно и есть, сэр. Я считаю, что другие надсмотрщики могли бы и...

— То есть, — взорвался дон Пепе, — если я тебя правильно понял, тебе не нравится, как я веду дела у себя на плантации.

Холодный тон дона Пепе немедленно привел Толстяка в чувство.

— Ни в коем случае, сэр! — запротестовал Толстяк. — Мне бы это и в голову не пришло! Я только... только... — Он замялся, подыскивая слова.

— Только что?

— Я просто хотел... — Что?

— Я... — Ну? — Я... — Ну?!

Но Толстяк не мог вымолвить ни слова. Он был в полном смятении и не понимал, как всего за несколько минут оказался в таком опасном положении. И тогда, не в состоянии ничего сказать, он сделал этот жест. Жест, который мог означать дружеское расположение, приглашение к откровенному разговору либо стремление усилить свою позицию в споре, будь он сделан в другое время и по отношению к другому человеку. Сейчас же он означал просьбу о помощи.

Его потная, покрытая соком сахарного тростника ладонь легла на ногу метиса. Толстяк тут же отдернул руку, признавая, что перешел границы дозволенного, но было уже поздно — на кремовом шелке остался отпечаток, свидетельство содеянного.

Седые брови дона Пепе взметнулись так высоко и так резко, что, казалось, сейчас сорвутся с головы и улетят, как пара морских чаек.

— О-о-о-о! — вскрикнул в недоумении дон Пепе.

Лицо Толстяка вспыхнуло и потемнело от ужаса.

— Э-э-э-э... Позови этого человека. Он неплохо управляет с мачете.

— Сэр, я куплю вам новые брюки. Несколько пар из чистого шелка и разных цветов...

— Не смей меня. У тебя просто денег не хватит.

— У меня есть сбережения, и я мог бы...

— Ты, кажется, не понимаешь. Дело не в брюках, дело в принципе. А принципами я поступаться не могу, и ты это понимаешь.

— Я понимаю, но...

— Хорошо. А теперь... — Дон Пепе вытянул свой хлыст в направлении Пандинга. — Эй, ты, иди сюда. Я не собираюсь торчать тут весь день.

Толстяк невидящими глазами уставился на свои пальцы.

— Сэр, умоляю, подождите. Если мне сейчас отрубить руки, я умру от потери крови. Позвольте хотя бы сделать это сегодня вечером. Мы бы разогрели утюг и прижгли рану, чтобы она не кровоточила.

— Ты что, врач?

— Сэр, умоляю вас! — произнес Толстяк срывающимся голосом. — Я не выживу, если их отрубить прямо сейчас.

Дон Пепе задумался, теребя складки кожи под подбородком.

— Ну хорошо. Я не смогу при этом присутствовать, потому что сегодня вечером я занят. Приезжают важные люди из-за границы. Но завтра я все проверю. Да, если ты попытаешься сбежать, я скормлю твою семью твоим же псам.

— Да, сэр.

Метис одобрительно кивнул, развернул лошадь, пришпорил ее и скрылся в клубах пыли.

На следующий день, как и было обещано, дон Пепе появился у Толстяка, чтобы проверить, как выполнили его указание. Толстяк лежал в своей хижине, едва живой после ампутации, за ним ухаживали его жена и Пандинг. Хозяин мельком взглянул на пышущее жаром, окровавленное тело Толстяка и покачал головой:

— Я сказал — обе руки, а не одну. Толстяк не вынес еще одной ампутации.

Пандинг во всем винил себя. Три дня спустя он в бешенстве бросился на людей, а не на тростник, но был пойман.

Однако ему сохранили жизнь.

Где-то в отдаленном уголке детских воспоминаний Жожо остался образ старика, к которому его иногда посылали — принести яиц или воды. Жил Пандинг в стороне от других людей, на самой окраине деревни. Он обычно стоял на пороге своей хижины и редко выходил на свет. В этом согбенном старике было что-то пугающее, если смотреть издали. Но вблизи старик казался спокойным и совсем не страшным. Он гладил Жожо по голове, и рука была такая слабая, что, казалось, это дует легкий ветерок, а его похожая на пергамент кожа пахла шелухой от кокоса. Пандинг умер, когда Жожо было лет пять-шесть.

— Но... почему же дон Пепе не приказал убить Пандинга?

— Да Бог его знает, сынок! Ну и вопросы ты задаешь. Так уж вышло!

Дон Пепе был таким же старым, как все церкви, которые Жожо довелось видеть, и его окружала тайна.

Светящиеся зеленоватым светом электронные часы на приборной доске показывали, что время еще есть. Срезав путь по боковым улочкам и лавируя между глубокими рытвинами, они должны были оказаться на месте даже раньше условленного времени. Жожо

не знал, хорошо это или плохо с точки зрения пунктуальности. Как ему следует поступить теперь, когда встреча перенесена на более позднее время? Какой цифры придерживаться? Наверное, той, что была оговорена с самого начала, — подумал Жожо, поэтому не стал петлять, а выбрал кратчайший путь.

На Сайанг-авеню перед поворотом на Шугат-драйв «мерседес» переехал кошку. Ослепленное светом фар животное на секунду замешкалось и попало прямо под левое переднее колесо. Машину встряхнуло, и все пассажиры втянули головы в плечи, за исключением Тероя, который никогда этого не делал.

— Мы сбили собаку?

— Нет, кошку.

— Крошку?

— Эй, эй! Мы сбили крошку?

— Сэр, думаю, это была кошка.

— А не крошка?

— Кошка, сэр. — Жожо свернул на обочину. — Надо посмотреть, что с машиной.

— Хм, — дон Пепе никак не мог решить, проявлять ли ему неудовольствие по этому поводу. — Ну ладно, сходи проверь.

Асфальт еще не остыл от дневной жары и прилипал к подметкам Жожо, пока тот огибал машину, пытаясь обнаружить на бампере вмятины, зазубрины или клочья шерсти. Раненая кошка корчилась сзади, в красном свете габаритных огней. Похоже, у нее был перебит позвоночник. Жожо старался не смотреть в ее сторону, но ничего не мог с собой поделаться. У его дочерей была кошка похожей окраски, она спала в ногах младшей дочери. У них на кухне уже давным-давно не стало мышей.

— Вот черт, — пробормотал Жожо. — Не могу же я оставить ее в таком состоянии. — Он подошел к машине со стороны Тероя и сделал знак опустить стекло.

— Она еще жива.

— Думаешь, она выживет?

— Нет.

Терой поскреб щеку.

— Может, проедешь по ней еще раз?

— Нужно что-то делать, но...

— Что там такое? — раздался голос дон Пепе с заднего сиденья.

— Сэр, кошка еще жива, — сказал Терой. — Мы не знаем, что с ней делать.

— Она ранена?

— Да, сэр.

— Э-э-э-э... а машина пострадала?

— Нет, сэр.

— Это хорошо.

Наступила пауза, во время которой Жожо краем глаза видел, как бешено дергается раненое животное. Пауза затянулась, и Жожо понял, что дон Пепе ждет, когда он займет свое место за рулем.

Тогда Жожо спросил:

— Сэр, может, ее убить?

— Убить?

— Чтобы она не мучилась.

— А, ну да. Сострадание — это хорошо. Тогда давай.

— Слушаюсь, сэр.

— Все равно мы будем на месте раньше времени, так что... можешь не торопиться.

Жожо с Тероем переглянулись.

— Не торопиться, — машинально повторил Жожо.

— Ну да. Мы приезжаем раньше времени, и ты можешь не торопиться.

— Извините, сэр. Вы... хотите, чтобы я убивал ее медленно?

Из-за плеча Тероя показалось сморщенное лицо.

— Что ты сказал?

— Простите, сэ. Мне показалось, вы сказали, что...

— Знаешь, Жожо, если сегодня вечером у меня будет время, я помолюсь о спасении твоей души.

— Тогда я убью ее быстро, сэ.

— Вот именно, *быстро, сэ!* Убей ее быстро! О Боже, за что только Ты меня... — Продолжения фразы не было слышно, потому что дон Пепе откинулся назад. — Ну давай же!

Легче сказать, чем сделать. Жожо еще ни разу не приходилось стрелять из своего пистолета. Он ни разу не выстрелил *ни из какого* пистолета. В двенадцать лет ему сделали обрезание, а в шестнадцать, как и прочие сверстники, он потерял невинность с одной из трех деревенских шлюх. Если бы выстрелить в первый раз было так же просто! Заплатил пятьдесят песо острой на язык, но, в общем-то, безобидной даме, а она научила бы, как вставлять обойму и нажимать на курок, и не стала бы смеяться, если бы что-то не получилось.

Теперь было уже слишком поздно отпускать шуточки о своем неумении обращаться с оружием или даже просто упоминать об этом. Жожо чувствовал, что Терой в курсе. Именно Терой дал ему автоматический пистолет, который он с тех пор носил в наплечной кобуре. Когда Жожо протянул ладонь, чтобы взять пистолет, тот неожиданно оказался таким тяжелым, что чуть не упал на землю. Жожо не ожидал такой тяжести. Глупо, конечно, удивляться, что большая металлическая штуковина оказалась тяжелой, но так оно и было.

Четыре года. Прошло уже четыре года, как он перестал быть сыном слуги и сам пошел в услужение, и все это время Жожо боялся, что его неумение обращаться с оружием когда-то проявится. Но более всего он боялся, что это случится в тот самый момент, когда нужно будет защищать чью-то жизнь. Ему казалось, что это гораздо хуже, чем при угрозе его собственной жизни. Он даже провел пару бессонных ночей, представляя, как нажимает на курок, а в ответ раздается громкий щелчок незаряженного пистолета, или как Терой падает, сраженный пулей, пока он возится с предохранителем.

В одну из таких бессонных ночей его жена зашла на кухню, где не было ни одной мыши, и увидела, что Жожо сидит за столом перед кучкой патронов. Он вынул их из магазина, чтобы научиться заряжать и разряжать пистолет, но так и не смог вставить обратно. Пальцы дрожали, и он боялся, что патроны взорвутся от слишком резкого движения. Они вдвоем долго мучились с тугой пружиной патронника, продолжая заряжать и разряжать, пока не убедились, что все получается.

Ну ладно, — подумал Жожо, — теперь, кажется, все в порядке. Он нащупал под пиджаком кобуру, растянул ее и вытащил пистолет, такой же холодный, как банка кока-колы в кондиционированном салоне машины.

Итак: снять с предохранителя, оттянуть затвор, взять пистолет обеими руками, хорошо прицелиться и плавно нажать на спусковой крючок.

До чего же громко! Хотя раньше Жожо не приходилось стрелять самому, он частенько слышал звуки выстрелов, и это всегда было похоже на треск хлопушки. Не громче, чем фейерверк, только более четко и резко. Но случилось невероятное. Заложило уши, потемнело в глазах, закружилась голова, наступил шок...

Кошка все еще была жива.

Неужели он промахнулся? Вполне возможно, ведь на пару секунд он зажмурил глаза, перед тем как выстрелить. Надо еще запомнить, что необходимо держать глаза открытыми. Идиот! Он не может выстрелить еще раз, ведь люди в машине захотят узнать, почему ему не удалось прикончить полудохлое животное из пистолета, который запросто пробивает стену.

Но, может быть, он смертельно ранил ее, а теперь надо просто немного подождать? Однако в красном свете задних габаритных огней «мерседеса» невозможно было понять,

смертельна ли рана. Жожо наклонился, чтобы рассмотреть получше.

И вдруг каким-то судорожным движением кошка оторвалась от асфальта и прыгнула прямо ему на грудь, впившись в нее когтями и зубами. «Ой!» — вырвалось у Жожо. Он потерял равновесие и шлепнулся на дорогу. Кошка все еще висела у него на груди. Тогда Жожо машинально поднял руки и крепко ухватил животное, чтобы сдержать конвульсии. Меньше чем через минуту кошка была уже мертвой.

Когда Жожо снова сел в машину, Бубо и дон Пепе были заняты разговором, поэтому не заметили дырок и следов крови на его рубашке. Терой заметил, но, как хороший товарищ, сделал вид, будто ничего не произошло. Когда Жожо завел мотор, он едва слышно прошептал:

— Послушай, паре, у меня в сумке в багажнике есть чистая рубашка. Переоденься, когда пойдешь на встречу.

— Спасибо, паре, — шепнул в ответ Жожо.

Терой улыбнулся и сказал своим обычным голосом:

— Дай мне свой пистолет, ты не сможешь его перезарядить, пока ведешь машину.

Жожо с благодарностью и смущением протянул ему пистолет.

5

— Невероятно, — пробормотал дон Пепе. Он качал головой, глядя из окна машины на грязные улочки, ведущие к гостинице «Патай». — Просто невероятно. Терой, о чем ты думаешь?

— О мистере Алейне, сэр. Он однажды останавливался здесь, вот я и подумал...

— Как ты сказал?

— Это предшественник мистера Шона, сэр, — вмешался в разговор Бубо. — Он был старпомом «Карабуджана», пока...

— Ах, мистер Ален! Ален, а не Алейн... Бедный мистер Ален. Он, должно быть, очень жалеет о гибели своего капитана. Ведь это случилось где-то в районе Минданао?

— На Палаване, сэр.

— Так-так. Должно быть, это дело рук тайцев.

Бубо прокашлялся:

— Нет, сэр, не тайцев.

— Тогда камбоджийцев?

— ...Нет.

— Ну, не мы же это?

— Да, сэр. Думаю, что мы.

— Мы? Но я ведь много лет вел с ним дела.

«Карабуджану» была обеспечена безопасность. Почему ты не сказал мне об этом раньше?

— Сэр, «Карабуджан» был взят на абордаж по вашему приказу.

— Неужели?

— Да, сэр.

— И-и-и-их...

— Сэр, вы, должно быть, помните, что капитан «Карабуджана» почти девять месяцев отказывался платить. Мы, то есть вы, сочли, что он совсем зарвался.

— А... Да, это уж точно кровавый бизнес. Но он и должен быть таким.

— Правильно говорят, сэр, *сколько волка ни корми...* — с гордостью произнес Бубо на своем отвратительном английском, и Жожо непроизвольно поморщился.

Но даже если метис и заметил подхалимаж, то не подал виду.

— Да, это уж точно, — сказал он с отсутствующим видом и принялся сосать зубочистку. — Значит, э-э-э-э, так, на всякий случай, какой там был груз на «Карабуджане»?

— Сахар, сэр, — ответил Бубо.
— Сахар? В самом деле? И мы получили за него хорошую цену?
— Очень хорошую, сэр. Дон Пепе улыбнулся.
— Ну конечно же. Не будь я Пепе, если соглашусь на меньшее. Кто захватил корабль? Себ?
— Данте.
— Данте... Так-то вот. Это всем нам урок. Никогда не теряйте связей с людьми и не забывайте, откуда вы родом.
— Это отличный урок, сэр.
— Торговля сахаром... Какое было время!
— Никто не торговал им лучше, чем семья Пепе, сэр.
На этот раз дон Пепе заметил подхалимаж и устало сказал:
— *Pro favor!* Пожалуйста, Бубо, заткнись ради бога!
— Заткнуться? — словно эхо, повторил Бубо, проглотив оскорбление с легкостью, которая достигается долгой тренировкой. — Уже заткнулся, сэр.

Жоjo скрестил руки на груди, прижавшись к торпедо «мерседеса», чтобы не было заметно пятен кошачьей крови, и вздрогнул. Он уже видел гостиницу не далее как сегодня утром, когда передавал портье записку хозяина. При свете дня здание выглядело просто отвратительно — голый бетонный скелет. Но сейчас оно смотрелось совсем иначе. Жоjo показалось, что единственное освещенное окно на втором этаже придало гостинице чуть заметную видимость жизни, отделявшую ее от смерти.

Именно в этот момент Жоjo услышал, как дон Пепе сказал:

— Я думаю, мы все пойдем на эту встречу.
— Сэр, может быть, мне остаться возле машины? Тут такое место...
— Нет. Цель этой встречи — заложить основу нашего бизнеса с мистером Шоном. Я хочу произвести на будущего капитана «Карабуджана» сильное впечатление, которое он не скоро забудет.

И вдруг, к изумлению Жоjo, дон Пепе рассмеялся или издал звук, очень похожий на смех.

— Понимаешь, я надеюсь, что кровь у тебя на рубашке сработает в нашу пользу.

Жоjo опустил руки.

— Э-э-э-э, англичанину будет над чем подумать.

— Да, сэр.

Дон Пепе издал еще один скребущий звук и направился ко входу.

Однако Жоjo помедлил, прежде чем двинуться следом. В тот самый момент, когда метис повернулся к нему спиной, Жоjo почувствовал, что в единственном освещенном окне что-то появилось. Две руки, вернее, их промелькнувшие тени, которые, казалось, дергали за прутья решетки. Потом они вдруг исчезли — так быстро, что он уже не был уверен, видел их на самом деле или это только померещилось.

— Жоjo! — прошептал Терой, придерживая матовую стеклянную дверь гостиницы «Патай». Бубо и дон Пепе уже скрылись внутри. — Давай же! Пошли!

Вихрь

1

Зеркало в ванной разлетелось вдребезги, обнажив квадратик текстолита, к которому крепилось. Теперь сотни Шонов смотрели на него сверху вниз, валяясь у его ног и вокруг слива раковины.

— О боже, — произнес Шон и судорожно вздохнул. Он осмотрел костяшки пальцев и

провел рукой по лбу. Все обошлось удачно, он не поранился.

Повезло с разбитым зеркалом. Семь лет сплошного невезения — и вот повезло.

Нет, так не бывает. Он снова ощупал лоб, но на этот раз его пальцы принялись массировать виски.

Под ногами захрустело стекло, и он сделал шаг назад.

— Думай, — приказал себе Шон. — Выход должен быть.

Но как его найти? Он потерял лицо, и уже поздно отступать.

Тогда он достал пистолет, запасную обойму, отложенную было в сторону, и патроны, рассыпью валявшиеся в сумке.

2

У одного из них вся рубашка была в крови. Именно он протянул руку — увеличенная линзой глазка, она казалась раз в пять больше головы, — и постучал в дверь. Это Джо, — отметил Шон, цепenea от страха. Не кто-нибудь, а шофер Джо.

Встреча с метисом, на которую Ален впервые взял с собой Шона, состоялась в рыбном ресторане на берегу моря, откуда можно было дойти пешком как до американского посольства, так и до отеля «Манила».

День начался плохо. Ален был в отвратительном настроении, потому что капитан потребовал, чтобы он добился бесплатного и безопасного прохода судна во время следующего рейса. За месяц до этого «Карабуджан» понес убытки при доставке груза малайзийского латекса: груз испортился из-за жары во время стоянок, и страховая компания возложила всю ответственность на команду.

У Шонатоже были причины для беспокойства. Он много чего узнал о доне Пепе, этом полукровке, обложившем данью все корабли, заходившие в филиппинские воды. Шон уже знал, о чем дон Пепе молился на ночь, о его невероятном долголетии, привычке сосать зубочистку и о его могуществе. Но Алену необходимо было излить на кого-нибудь свое скверное настроение, поэтому Шон оказался в роли громоотвода.

— Ты видишь этого старика? — спросил Ален, когда они проходили через доки.

— Старика?

— Вон там.

Шон повернулся, увидел ящики, но людей не было.

— Ты его не заметил.

— Да... А кто это был?

— Один псих, он работал крановщиком и ошивался тут, сколько я себя помню. Хочешь узнать, что он однажды сделал?

— Конечно, — сказал Шон и снова огляделся вокруг. Ему показалось, что он заметил какую-то фигуру в темном проходе между гофрированными металлическими контейнерами, но был уже вечер и он мог ошибиться.

— Он отрубил мачете руку бригадиру грузчиков.

— Да?

— А потом прикончил его.

— О боже, — произнес Шон. — Зачем же он это сделал?

И тогда Ален рассказал ему. Берег моря, бесконечно тянущийся день, слишком самоуверенный бригадир, самодур метис и следы потных рук на новом костюме...

Уже в ресторане, в ожидании дона Пепе, Шон то вытирал ладони о брюки, то ощупывал нагрудный карман, чтобы убедиться, что квадратик картона с талисманом на месте.

— Да прекрати ты вытирать свои чертовы ладони! — не выдержал Ален.

Но Шон не послушал его. Если бы дон Пепе вдруг захотел поздороваться с ним за руку, он пожал бы самую сухую и чистую руку во всей Маниле.

Но дон Пепе и не подумал здороваться за руку. Когда он и его люди наконец-то появились, он даже не посмотрел в сторону Шона. Вместо этого он обвел взглядом появившихся как по мановению волшебной палочки официантов и указал им на пару столов. За то время, пока он не спеша шел через ресторанный зал, столы уже были убраны и сервированы.

Ален, дон Пепе, Бубо и Терой сели вместе, а водитель с Шоном устроились отдельно. Они должны были находиться поблизости, пока их боссы обсуждают свои дела. Оба молчали, ощущая неловкость от того, что оказались в стороне, и еще потому, что одинаково осознавали себя мелкой рыбешкой. Они прислушивались к разговору за соседним столом. Ален настаивал на своем, а дон Пепе и не думал уступать.

— Это очень трудно, очень важно. Но это ваша проблема.

— Мы всего лишь просим один раз пропустить нас бесплатно. Один бесплатный проход — и мы покроем убытки с латексом. Тогда наши дела опять пойдут нормально.

— Э-э-э-э, дела... Вы сказали слово, которое я, *ano*, всегда держу в голове. Во всем этом нет ничего личного, Ален. Это бизнес, *lang*.

— Тогда о бизнесе. «Карабуджан» заходит сюда раз шесть-семь в году, так? Если вы нас не пропустите, нам грозит банкротство. А это значит, что вы не получите...

— Вы знаете, сколько кораблей заходят в филиппинские воды? Одним больше, одним меньше...

— Вот именно. Тогда почему бы не пропустить нас?

— Ха, попробуй попытаться счастья в открытом море.

— Дон Пепе, мы сотрудничаем с вами уже многие годы...

— Да, многие годы. И поэтому, думаю, знаете, как я работаю.

Ален открыл было рот — хотел что-то сказать, но передумал. Он уже не надеялся переговорить метиса.

— Что я могу сказать, Ален? Такова жизнь. *Mahirap buhay*.

— Да, — устало сказал Ален. — *Talaga*. Уголки рта метиса приподнялись.

— *Talaga*? Ваш филиппинский все лучшеет.

— Лучшеет?

— Он становится, *ano*, все лучше. С каждой нашей новой встречей — все лучше. А ваш друг говорит на тагалог?

— Шон?

— Да, — сказал дон Пепе, повернувшись в сторону Шона, причем Терой и Бубо повернулись одновременно с ним, как будто все трое были связаны одной нитью. — Мистер Шон, вы говорите на тагалог?

Шон оцепенел. Он уже почти расслабился, слушая разговор за соседним столиком, поэтому не ожидал, что окажется в центре внимания.

— Э-э-э-э, а по-английски вы хотя бы говорите?

— Да, я говорю по-английски, — быстро ответил Шон, — но не по-филиппински.

— Значит, не говорите.

— *Hindi ba po*.

Глаза дон Пепе загорелись.

— *Hindi ba? Hindi ba?* Почему же вы тогда сказали «*Hindi ba*»? Я спросил, говорите ли вы на тагалог, а вы ответили «нет» на тагалог! Значит, вы говорите на нем, *di ba?*

— *Conte lang po*.

— А-а! Совсем немного? Э-э... Но хорошо уже, что вы стараетесь его выучить.

— ...*Salamat po*.

— Гмм. Очень похвально, что вы пытаетесь, — повторил метис, задумчиво почмокал и повернулся к Алену. — Ладно, я передумал. Хочу, чтобы мистер Шон продолжил изучение филиппинского языка, следовательно, «Карабуджан» не станет банкротом. Но, *ano*, второго раза не будет.

Ален недоверчиво прищурился:

— Вы нас пропускаете? — Да.
— Бесплатно? — Да.
— И гарантируете *безопасность*?
— Конечно.
— Черт меня побери! — воскликнул Ален, и черты его лица разгладились. — С нами святой Мигель.

Всем подали пиво, при этом Терой вежливо отказался от бутылки, которую Ален подвинул в его сторону. Напряжение спало, и вскоре за соседним столом завязался непринужденный, но какой-то сюрреалистический разговор о грядущем объединении Европы. Шон ушам своим не верил. Он ожидал услышать все что угодно, только не это.

Боссы продолжали болтать, поэтому можно было нарушить затянувшееся молчание. Шон решил заговорить первым и представился.

Он не знал, как это принято у пиратов Южно-Китайского моря, поэтому решил соблюсти все формальности:

— Я не спрашиваю, как зовут вас. А меня, между прочим, зовут Шон.

Джо кивнул в ответ:

— Мистер Шон, меня зовут Джо. — Джо?

— Да.

— Тогда привет, Джо.

— Да, привет.

Они оба улыбнулись, и Джо сказал:

— *Mang* дону Пепе очень понравилось, что вы говорите на нашем языке.

— Похоже на то.

— Но знаете, мистер Шон, дело не только в филиппинском языке. Главное, что вы уже научились употреблять слово *po*. Это очень понравилось *mang* дону Пепе, и мне тоже. — Джо сложил руки на груди. — Я филиппинец и очень ценю, что вы умеете пользоваться этим словом.

— Спасибо. Кстати, это Ален меня научил.

— Да, но... — Джо заговорил тише. — Он не пользуется словом *po*. Вы меня извините, но мне кажется, что мистер Ален недостаточно вежлив.

— Ну разумеется, я вас извиняю, — с готовностью откликнулся Шон. — Нет проблем.

— Благодарю вас.

— Это я вас благодарю.

— Взаимно.

— Хотите еще выпить?

— Нет, спасибо. Мне больше нельзя. Я за рулем. Я водитель дона Пепе.

— Тогда выберите что-нибудь другое.

— Прогладительный напиток?

— Ладно, прогладительный. Как насчет кока-колы?

— О'кей.

— О'кей, — улыбнулся Шон. — Сейчас закажу. Я угощаю.

3

— Джо, я не хочу, чтобы убийцей оказался именно ты!

То место двери, к которому Шон прижался лбом, стало влажным от пота, и голова заскользила. Нужно было слегка подвигнуться, но так, чтобы глаза оставались на уровне выпуклой стеклянной поверхности. Волосы Шона также намокли, и пот ручейком стекал за ухо и капал за воротник. Было щекотно, и он мог бы почесаться, не привлекая внимания стоящих совсем рядом и прислушивающихся к каждому шороху филиппинцев, но Шон предпочел оставаться неподвижным, чтобы его ничто не отвлекало.

Как странно — мозг работал напряженно и целенаправленно, а вот тело могло в любой момент подвести. Как будто он убегал от чего-то страшного и вдруг почувствовал боль в ногах и стал задыхаться. Да, когда попадаешь в беду, не стоит рассчитывать, что легкие заработают так, как тебе этого хочется.

Шон расслабил сжимавшую пистолет правую руку, а потом снова напряг ее. Струйка пота на шее стала вызывать легкое жжение, и сразу же, почти одновременно, зачесалась спина, ягодицы, голова, кисти рук и живот.

Шон подумал: неужели так бывает, если вовремя не почесаться? Зачешется в одном месте, а потом как будто лавина сорвалась. Человек всю жизнь отгоняет эту лавину, почесываясь то там, то здесь и совершенно не сознавая, от чего уберегает себя.

Чесотка мешала Шону сосредоточиться, и гораздо больше, чем он предполагал, но с этим уже ничего нельзя было поделать. Не успеешь почесать одно место, как тут же придется почесать и другое, а он не мог отвлекаться от своей цели.

— Цели? — едва слышно прошептал Шон. Теперь у него зачесался язык, и это ощущение каким-то образом подействовало на зрение и даже на слух. Зуд переместился внутрь, постепенно захватывая все тело, становясь чем-то непонятным и вездесущим.

— Я больше... — он всего лишь пошевелил губами. Но даже если он и произнес эти слова, то все равно их не услышал, -.. не вынесу.

Сквозь дырочку глазка коридор извивался, как резиновый. Стоявший там дон Пеппе, похоже, разделял его мнение. Выплюнув щепку от зубочистки, он указал на закрытую дверь. Джо подошел к ней и постучал во второй раз.

Во второй. В третий он уже ударит ногой.

Пора действовать.

И сразу же зуд то ли охватил Шона целиком, то ли исчез совсем.

Поток воздуха, вырвавшийся из распахнутой Шоном двери, захлопнул дверь какого-то номера дальше по коридору. Лампочка, висевшая над филиппинцами, качнулась, и они повернули головы направо в поисках источника неожиданного шума. Никто из них не увидел Шона, который уже приготовился стрелять. Он стоял в дверном проеме, как воплощение свободы воли в расколовшемся времени.

Первый снап пламени вырвался из дула его пистолета, как моментальный снимок метиса с полужакрытыми глазами. Пуля пронзила дону Пеппе прежде, чем он успел моргнуть. Вторая вспышка запечатлела его падающим назад: он все еще смотрит направо, зубочистка зависла в паре сантиметров от губ. Голова Тероя уже поворачивалась.

Шон направил пистолет на следующую ближайшую мишень. Третья вспышка: метис в конвульсиях, вставшие дыбом волосы Бубо похожи на восклицательный знак. Невероятно, но Терой уже почти выхватил пистолет. Джо оставался вне поля зрения.

Шон быстро шагнул назад, в комнату, выстрелил еще пару раз наугад, толкнул дверь плечом, а потом рванулся вперед и лег на пол.

Ответный огонь все не начинался, и за дверью не было слышно криков и стонов людей, в которых он стрелял. Когда через несколько мгновений Шон поднял голову, он увидел только, что комната вся в голубом дыму; пахло порохом. Неужели он расстрелял всех филиппинцев? Он не был в этом уверен, так как не помнил, что происходило в течение последних десяти секунд.

4

Хотя корабль с легким грузом сухой лапши и джинсов «Ливайс» высоко сидел в воде, соленые брызги все равно достигали ограждения палубы. Шон чувствовал под стальным настилом легкую вибрацию двигателя.

— Я попал?

Ален пожал плечами.

— Но как же я узнаю, попал я или нет?

— Тебе и не надо знать. Ты должен просто чувствовать оружие. Постреляй еще.

Шон слегка надавил на спусковой крючок, стараясь не дергать пистолет, но выстрела не последовало.

— Курок, — нетерпеливо проговорил Ален. — Запомни: курок не взведен. Из автоматического пистолета нельзя сделать первый выстрел, если курок не взведен. Сначала ты должен взвести курок, а уж потом затвор срабатывает автоматически.

— Понял.

Шон повторил попытку. На этот раз пистолет задергался у него в руке, выплевывая гильзы, и когда все кончилось, их оставалось четыре или пять. Из четырех или пяти спинных плавников с белой оторочкой, которые следовали в кильватере судна, все были на месте.

— Похоже, я промахиваюсь.

— Я ведь сказал, что ты должен почувствовать оружие.

— Кажется, я его чувствую.

— Ха-ха! Еще нет. Ты все еще дергаешь ствол вверх, когда нажимаешь на курок.

— А-а, — Шон разочарованно взглянул на свою руку с пистолетом. Пистолет был похож на толстый бумажник и, возможно, поэтому смотрелся в ней так неестественно.

— Заряжай, — скомандовал Ален и нахмурился, когда Шон замешкался. — Тебя что-то смущает?

— ...Нет.

— Ты уверен? Если смущает, ничего страшного. Многим из команды не помешали бы лишние деньги.

— Я просто подумал, придется ли мне когда-нибудь им воспользоваться.

— В один прекрасный день я стану капитаном этого корыта, и тогда тебе самому придется иметь дело с доном Пепе. Я бы не стал встречаться с ним, не умея пользоваться пистолетом, поэтому я поступаю честно, готовя тебя к этому, чтобы потом совесть не замучила. — Ален сдвинул фуражку на затылок и показал толстым пальцем на акулу. — А теперь попробуй их подырывать. Только не дергай ствол.

— Не дергать ствол. Хорошо.

— Тогда начали.

Шон так ни разу и не попал в черный с белым плавник. В конце концов ему это надоело, и он переключился на чаек. Они парили в потоках воздуха, вися над кораблем, и представляли собой отличную, почти неподвижную мишень. Но это было как с воронами: сколько ни убивай, а их все столько же, хотя многие уже попадали на палубу или скрылись в волнах, описывая сужающиеся круги.

5

Когда наконец раздалась ответные выстрелы, Шон уже успел ползком пересечь ковер и укрыться под кроватью. Первые пули прошили дверь и впились в простенок между окнами. Все неодушевленные предметы в комнате вдруг пробудились к жизни. Телефон, который жгли сигаретой, свалился с тумбочки, подушки подпрыгнули, и из них полетел пух, дверцы шкафов пооткрывались, стекло зазвенело, большие куски потолка бесследно исчезли.

Но Шон остался невредим. Он лежал на полу, закрыв голову руками, и не было такой пули, которая предназначалась бы ему. Более того, у него созрел план. Когда стрельба прекратится или послышится щелчок затвора, он вскочит на ноги и рванет к противоположной стене — к дыре, которую он проделал, пытаясь вытащить стальную пластинку.

Щелчок раздался через несколько секунд. Никаких страхов, никаких ненужных движений — ничего, кроме собранности и целеустремленности. Шон был похож на товарный поезд, сметающий все на своем пути.

А на пути стояли обваливающаяся штукатурка, отклеивающиеся обои и некое подобие дранки.

Шон выбрался из своей комнаты и оказался в другой в тот самый момент, когда стрельба возобновилась. Пыль от штукатурки забила ему в глаза, нос и волосы, даже хрустела на зубах. Он сплюнул, перевел дух и раскрыл глаза.

И тут он обнаружил, что выскочил не в соседнюю комнату, а в коридор на том же этаже гостиницы: с одной стороны окна, с другой — двери. Очевидно, этот коридор шел параллельно первому. Снаружи светила луна, и еще немного света сочилось сквозь пробитую им дыру. Это позволяло ему видеть коридор почти целиком. Здесь валялись поломанные стулья и дырявые матрасы вперемешку с кучами мусора и старыми газетами. Через равные промежутки коридор разделялся чем-то, напоминавшим острые кромки и короткие шипы, как будто Шон очутился внутри позвоночника какого-нибудь недавно обнаруженного ископаемого животного.

Стрельба опять прекратилась. Или они расстреляли все патроны, или дверь снесло градом пуль и филиппинцы уже осторожно входили в комнату.

Шон сделал шаг вперед и побежал. Не было смысла двигаться медленно, тем более возвращаться. Перепрыгивая через какие-то обломки и стулья, он отмечал и другие детали. Под ногами валялись окурки от ментоловых сигарет. Тысячи окурков. Похоже, что сюда по крайней мере год опорожняли пепельницы. Белые фильтры лежали кучами и напоминали полубогоревших червей. Сквозь дыры в потолке виднелся следующий этаж гостиницы, еще более темный и пыльный.

Подбегая к концу коридора, Шон подумал, что надо прорываться в первый коридор, тот, который вел к лестнице, а оттуда — на улицу. Другого выхода из здания не было. А поскольку коридоры шли параллельно, все, что ему нужно было сделать, — это свернуть в один из дверных проемов, мимо которых он бежал. Примерно в трех метрах направо находилась лестница, а меньше чем в двадцати метрах налево, у входа в его комнату, лежали освещенные раскачивающейся лампочкой дон Пеппе и Бубо.

— Двое мертвых, — сказал Шон, — двое живых.

Он бросился вниз по лестнице. Это был почти полет, потому что его ноги едва касались ступенек.

На полпути между вторым и первым этажами он услышал звуки погони. Джо и Терой мчались за ним.

Не было сына

1

— Терой, тебе повезло, что ты не японец. На лице Тероя отразилось недоумение.

— Повезло, сэр?

— Очень повезло. Если бы ты был японцем, то был бы уже мертв.

— ...Уже мертв, сэр?

— Харакири, Терой. Самоубийство с помощью собственного меча, потому что это позор, что мистер Шон провел больше пяти минут в этой развалине с полчищами тараканов.

— Сэр, мне остается только еще раз попросить прощения.

— Я думаю, что ты мог бы сделать больше, но хорошо, что филиппинцы не похожи на японцев. Если бы вы кончали жизнь самоубийством после каждой ошибки, то никого из вас уже не осталось бы в живых.

— Совершенно верно, сэр, — сказал Бубо.

— Э-э-эх, — метис произвольно шмыгнул носом. — Стучи, Жожо.

Жожо постучал.

Странно, в комнате не было слышно ни малейшего звука. Обычно после стука в дверь раздается звук отодвигаемого стула или шагов человека, направляющегося к двери. Жожо

бросил через плечо взгляд на Тероя. Интересно, заметил ли он то же самое? Заметил, потому что слегка нахмурился и держал правую руку на отлете, готовый в любой момент выхватить пистолет.

Секунды шли, а дверь по-прежнему оставалась закрытой и никто не собирался ее открывать.

Дон Пепе сделал Жожо знак постучать снова. Жожо услышал, как за его спиной Терой медленно выдохнул.

Жожо услышал звук отодвигаемой задвижки, дверь резко распахнулась, и в лицо ему ударил поток воздуха. Но дверь хлопнула сбоку, где-то дальше по коридору. Это был именно тот звук, которого он ожидал. Поэтому он повернул голову в том направлении.

В уши как будто ударило молотом, и Жожо увидел узкий сноп искр. Он еще продолжал видеть его, даже когда закрыл глаза. Грудь сдавило, словно он нырнул в бассейн с ледяной водой в оборудованном кондиционерами доме дона Пепе.

«О-о-ох! Понимаешь, Жожо, здесь, в тропическом климате, совершенно невозможно купаться в холодной воде. А вот в Европе каждодневные купания в холодной воде не только возможны, но давно считаются полезными для здоровья».

«Э-э-э... На Филиппинах нет церквей. Вот в Испании — это церкви, а в *этой* стране одни только...»

«О боже, и за что мне это?»

Чмоканье.

«Я сказал — обе руки, а не одну».

Такой же древний, как все церкви, которые довелось видеть Жожо. «Жожо, стучи».

Это были последние слова метиса. Так уж вышло.

2

Сквозь звон в ушах Жожо услышал:

— Паре! Тебя задело?

Голова Жожо все еще была повернута в сторону хлопнувшей двери.

— Ты ранен?

Он был настолько ошеломлен, что даже не понимал, ранен он или нет, поэтому ничего не ответил. Наверное, его все-таки ранили. У него не осталось ни малейшего представления о том, что произошло за эти несколько секунд, поэтому все было возможно. Странное тепло разливалось где-то в области икр и голеней.

Жожо посмотрел вниз и увидел Бубо. Он видел его в последний раз, когда тот стоял. Король подхалимажа валялся на полу, как китайский нищий, подогнув под себя ноги, лицом вниз и вытянув перед собой руки, как будто просил милостыню.

Кровь из головы Бубо сочилась прямо на брюки Жожо.

— Отойти от этой чертовой двери! — рявкнул Терой.

Но у Жожо могли двигаться одни лишь глаза. Он взглянул в сторону и увидел дона Пепе.

— Дверь, паре!

Дон Пепе полулежал прямо перед ним, раскинув ноги. Его тело выгнулось дугой, а одно плечо упиралось в стену, не давая ему опрокинуться назад. Подбородок, шея и воротник рубашки были ярко-красного цвета. Брызги вокруг носа выглядели еще краснее на фоне бледной кожи, которую он всегда оберегал от солнца, открывая только с наступлением темноты. Это не осталось незамеченным, и люди говорили: «*Стоит ему побыть один день на солнце, как он весь почернеет*».

— Дверь! — Терой схватил Жожо за руку и оттащил назад. — Он может выстрелить сквозь дверь!

— ...Он?

— Да! — взорвался Терой, а может, просто перевел дыхание. Он и в самом деле дышал тяжело, почти задыхался, и Жожо видел, как лицо Тероя покрывается блестящими капельками пота.

Неожиданно Терой принялся ощупывать пояс брюк Жожо.

— Где твой пистолет?

— Он... Он остался в машине. — В груди у Жожо вдруг защемило от страха. Знакомое ощущение. Его кошмар стал явью: в нужный момент у него не оказалось пистолета и он подвел Тероя. — Я оставил его в перчаточном ящике. Я не думал, что...

— В машине, — раздраженно повторил Терой, но тут же понимающе кивнул, вытер пот с верхней губы, сунул руку куда-то под пиджак и достал маленький револьвер. — Ладно, — сказал Терой и протянул Жожо оружие, предварительно сняв с предохранителя.

Жожо молча взял револьвер.

— Теперь слушай меня, паре. На счет три стреляем в дверь. Нам надо выстрелить раньше него. Используй все патроны. Стреляй, пока они не кончатся.

— Прямо в комнату?

— Да. На счет три.

— Понял.

— Ты готов? — Да.

— Уверен?

— ...Да.

Терой перекрестился дулом своего пистолета. — Раз...

Раз, два, три... Грохот, кровь, Бубо, просящий милостыню, дон Пепе, сидящий с белым лицом, залитым ярко-красной кровью, — все это просто уму непостижимо. Однако Терой продолжал считать, и Жожо стал думать совсем о другом.

Эта мысль пришла ему в голову, когда он прикоснулся к обручальному кольцу на левой руке.

Было самое начало девятого, и Миранда собирала большую — полметра на полметра-мозаичную картину. В прошлую субботу он рано вернулся домой и увидел маленькие кусочки мозаики, разбросанные возле их кровати. Жожо удивился, а потом, видя, как жена склонилась над коробкой, рассматривая картину в поисках подсказки, подумал: что заставило ее купить эту игрушку?

— Миранда, — обеспокоенно спросил Жожо. — Разве я уделяю тебе мало внимания?

Она даже не взглянула на него.

— Нет.

— Тогда зачем ты купила эту мозаику?

— Я ее не покупала. Ее купила Нана Конче для своего внука, но ему мозаика не понравилась, и Нана расстроилась. Она пригрозила, что выбросит ее, но я ей не позволила.

— А-а-а, понятно.

— Я подумала, что интересно будет с ней повозиться.

Жожо вспомнил, как тщательно и методично она училась заряжать пистолет.

— А я уж испугался, что ты думаешь, будто я стал к тебе равнодушен. Ведь с тех пор как я работаю шофером у босса, мне приходится часто пропадать по ночам.

Миранда опять даже не взглянула на него. Она только что нашла два подходящих друг к другу кусочка.

— Вот я и решила собирать эту картину, чтобы скоротать время, пока тебя нет дома.

— А-а.

— Поможешь мне?

— Давай.

— Отлично. Понимаешь, здесь так много кусочков, что это довольно сложное дело. Конечно, слишком сложное для внука Наны Конче. Он бы только расстроился.

Жожо опустился на колени рядом с ней, держа в руке два ровных кусочка.
— Нужно начать с углов. В этом все дело. Миранда кивнула.
— Я знаю. Я их уже нашла. Вот они.
— Точно.
— ...Я приготовила тебе ужин. Он там, под тарелкой.
— Ты уже поела?
— Час назад.
— Ну... — Жожо пожал плечами. — Давай собирать эту штуку.
— Раз...
Его большой палец повернул кольцо.
— Два... — сказал Терой.
Жожо оставил кольцо в покое и ухватился обеими руками за пистолет. — Три!

3

Стоя плечом к плечу с Тероем, не в силах отвести глаз от снопа искр и разлетающихся во все стороны щепок, Жожо вдруг почувствовал, что с его руками что-то не так. Они стали непослушными и, казалось, существовали отдельно от тела. Пока они выполняли все, что он от них требовал: держали оружие в одном положении, насколько позволяла отдача. Но Жожо не знал, чего от них ждать в следующий момент. Похоже, они были готовы взбунтоваться, угрожая выйти из строя и стать бесполезными, будто понимали то, чего не понимал он сам.

Он был уверен, что тоже понял бы, если бы не отдача, которая сотрясала его тело при каждом выстреле, вызывая ощущение пустоты.

Но вот пистолет перестал дергаться. Патроны кончились. Терой оттащил Жожо в сторону от двери, выхватил из его рук пистолет и перезарядил его прежде своего собственного. Он вставлял патроны с такой же ловкостью, с какой уличный фокусник гоняет монетку между пальцами.

Терой что-то прокричал, судя по его широко раскрытому рту, но Жожо ровным счетом ничего не услышал, потому что совершенно оглох сразу после слова «три» и последовавшего за ним грохота стрельбы. Он даже не услышал собственного голоса, когда крикнул: «Я тебя не слышу» — в ответ Терою, который, казалось, тоже оглох.

Но вот пистолет снова очутился в руках у Жожо. Терой поднял палец и смотрел на Жожо с выражением напряженного ожидания.

К первому пальцу добавился второй. Знак перемирия.

Знак перемирия?

— *Я тебя не слышу!*

А вот и третий палец. Ох, нет, — вяло подумал Жожо, — опять начинается.

Снова появилось знакомое ощущение в руках, но на этот раз, несмотря на отдачу пистолета, в сознании смутно возникал какой-то образ. Он становился почти четким в коротких промежутках между выстрелами, пропадал и возвращался снова, становясь все яснее и яснее.

Зеленое и голубое.

Вокруг раскинулись джунгли, вверху виднелось голубое небо, а впереди была поляна.

На поляне — разбросанные в каком-то подобии порядка там и сям плиты и что-то вроде коробок. Группа мужчин, одетых в черные костюмы, и женщин под черными зонтиками стояла вокруг какого-то здания.

Довольно большое здание по провинциальным меркам, хотя и совсем маленькое по городским, без окон и без дверей, все из белого камня, окруженное железной оградой.

В промежутках между выстрелами Жожо почувствовал на шее горячее прикосновение солнца.

На фоне приземистых, с потеками от дождя коробок, на которых виднелись коротенькие надписи в обрамлении дат и имен, китайские склепы, богато украшенные резьбой и мраморной мозаикой, поражали своим великолепием. Но оно казалось просто жалким по сравнению со склепом дона Пепе, который располагался в самом центре кладбища, среди свободно стоящих изваяний, изображающих толстощеких детишек и святую Деву Марию. Размером с небольшую церковь, склеп был окружен собственной, совершенно особенной оградой из чугунного литья.

Под защитой каменных стен вечным сном спали многие поколения семьи дона Пепе. Расположившись за оградой, целая армия духов его предков так и бурлила в неподвижном воздухе вокруг склепа, выглядывала из глаз изваяний, кишела в подстриженной траве у их ног.

А среди деревьев, окружающих кладбище, обливаясь потом, стояли все жители деревни и Жожо с семьей. Духи невидимы, — подумал Жожо, наблюдая за толпой лучших плакальщиков у входа в склеп. Их неподвижные черные силуэты сомкнулись вокруг гроба дона Пепе. Они казались настолько убитыми горем, что были не в состоянии даже причитать или плакать.

Но он ошибался. Жожо еще ни разу не приходилось видеть столь беззвучных похорон. И не только он чувствовал себя не в своей тарелке. Когда священник начал говорить, кто-то коротко всхлипнул.

— Ай-яй-яй, — донеслось из зарослей папоротника слева от него. Похоже, жена таты Туро, судя не по громкости причитания, а по тому, как резко оно прекратилось. Раздался приглушенный визг, когда тата схватил жену за глотку и зажал ей рот рукой. Этот звук был знаком большинству жителей деревни.

Мать Жожо зевнула, переступила с ноги на ногу и вытерла лицо носовым платком. Ее блузка, которая еще утром была ослепительно белой, теперь липла к спине и была вся усеяна листьями и крошечными веточками.

Жожо взглянул на нее, и она улыбнулась в ответ.

— У тебя все нормально? — прошептала мать. Жожо кивнул.

— Тебе не слишком жарко? — Нет.

— А ты не очень устал?

— Нет.

— ...Может, проголодался? Жожо секунду подумал:

— Нет, не проголодался.

— Потерпи, уже недолго осталось, если ты еще можешь стоять в рубашке...

— Да, могу.

— Хороший мальчик, — прошептала мать с легким оттенком удивления в голосе и снова вытерла лицо платком. — Хороший.

— Аминь, — тихо прозвучало среди надгробий и раздалось среди деревьев. Священник закончил обряд, и гроб с телом дона Пепе понесли к воротам склепа.

Вдруг Жожо почувствовал руку отца у себя на пояснице. Отец толкал его вперед. Не понимая, в чем дело, Жожо уперся ногами в землю.

— Ступай вперед, — шепнул отец и толкнул сильнее.

— Но зачем?

— Ступай вперед!

Жожо продолжал сопротивляться. Они уже несколько часов простояли среди деревьев, придя задолго до плакальщиков. И все это время никто не сказал ни единого слова громче, чем шепотом, и не сделал ни единого движения резче, чем требовалось, чтобы отогнать муху. Так зачем же было выходить на яркий свет из этого укрытия?

— Зачем? — повторил Жожо, обернувшись к матери в поисках поддержки. Но не тут-то было! Мать оказалась заодно с отцом.

— Ну иди, Жожо!

— Меня увидят!

— Вот именно, — сказал отец.

— Жожо, делай, что тебе говорят!

— Меня увидят!

— Да. Мы хотим, чтобы тебя увидел дон Пепе!

— Дон Пепе? — Жожо в страхе посмотрел на склеп. Гроб с телом дона Пепе в последний раз сверкнул на солнце, прежде чем исчезнуть за дверью склепа. — Но он же умер!

— Умер? — недоверчиво произнес отец Жожо и толкнул его в последний раз. Толчок был настолько сильным, что Жожо не удержался и шагнул вперед, выйдя из спасительных зарослей бамбука.

Он был виден как на ладони и остро почувствовал собственное одиночество. Над ним расстилалось широкое безоблачное небо. Сухая трава хрустела под босыми ногами, а солнце жгло шею.

Родители Жожо оказались правы. Когда двери склепа начали закрываться, а плакальщики расступились, голова дона Пепе наклонилась в его сторону. Он составлял одно целое со своей асьендой, и его было видно с любого расстояния. Его всегда можно было узнать по гордой осанке и широкому шагу, а теперь — по длинным черным волосам. И хотя Жожо не мог видеть глаз дона Пепе, ему было достаточно и этого легкого движения головы. Он знал, что метис смотрит прямо на него.

Через несколько мгновений из тени вышли и все остальные, но они упустили свой шанс. Жожо был первым. Один только он был замечен, и его запомнили.

5

Волосы, сначала черные, потом седые, опять черные и снова седые. Толстяк, его руки, а потом и жизнь, отнятые владельцем плантации Кастилья с бровями белыми, как морские чайки. Руки отрубил молодой человек с красным туманом в голове. Пандинг, неподвижно стоявший на пороге своего дома, настолько немощный, что не в состоянии даже сам себя обслужить, сошел в могилу, когда Жожо было лет пять-шесть.

Доны Пепе были всегда, а вот метис появился лишь однажды. Последний из донов Пепе, возможно, никогда не видел свою мать. Он так и не женился, потому что чувствовал, что этого делать нельзя. Может быть, он рассуждал так: старинная кровь не выдержит еще одного разведения. Его отчаянная попытка вернуться на землю предков была предпринята тогда, когда он был уже слишком стар и время ушло.

«Здесь, — проронил бы он с заднего сиденья „мерседеса“, — одни только...»

Да, здесь одни только филиппинцы.

— У метиса не было сына.

Жожо повторил эти слова несколько раз. Единственный человек, который мог его услышать, был глух или мертв, но слова все равно стоили того, чтобы их произнести; Жожо почувствовал, как они вибрируют в гортани и слетают с языка.

— Он мертв...

Тем временем Терой снова перезарядил пистолеты. Он тоже что-то говорил. Возможно, проклятия и угрозы в адрес моряка, убившего его хозяина, и что он с ним сделает, если тот, к несчастью, вдруг окажется жив.

— Паре, — сказал Жожо, когда пистолет снова очутился у него в руке. — Мы должны оставить моряка в покое... Я думаю, мы могли бы... просто...

Терой выбил ногой изрешеченную пулями дверь номера мистера Шона.

— ...уйти.

Жожо остался один в коридоре, глядя на дым и пыль, в которых растворился его напарник.

В свою очередь метис смотрел на Жожо, и его глаза вовсе не были такими безжизненными, как думали его шофер и телохранитель. Он не мог двигаться и почти не мог думать, но понимал, *что* с ним случилось за эти несколько минут. И хотя у него все плыло перед глазами, он еще мог видеть.

Он видел, что Жожо не решается последовать за Тереем.

Смутно сознавая, что означает эта нерешительность, метис почувствовал, как в нем поднимается ярость. Его возмущение стремилось вырваться наружу, но было не в силах прорваться сквозь кровь, которая пузырилась у него на губах, и поэтому так и осталось невысказанным.

Впрочем, может, и не так. Может, его могущество каким-то образом пережило своего хозяина, потому что через несколько секунд его шофер проскользнул в комнату англичанина.

6

Все здесь было буквально искрошено пулями, а англичанин скрылся: проломил стену и пробежал через второй ряд комнат, которые выходили в параллельный коридор. Стены были проломлены, образуя широкий проход с рваными краями. Странно, все это напомнило Жожо обглоданный хребет какого-то гигантского животного.

В дальнем конце этого прохода на мгновение мелькнул мистер Шон, а потом нырнул в первый коридор. Терой сразу же бросился вдогонку, и Жожо помчался за ним, отставая на шаг. В чем тут дело: в преданности воздуху, бурлящему вокруг склепа семьи дона Пепе, или другу-телохранителю — неизвестно, но иного пути не было.

Бегущий человек

Все пространство пустыря напротив гостиницы «Патай» было подсвечено языками пламени от горевшего мусора, и луна тускло светила сквозь дымку метана. У себя за спиной Шон слышал, как его преследователи стреляли, спотыкаясь о те же валуны, о которые он сам спотыкался пару минут назад. Он слышал также стоны умирающего в холле гостиницы «Патай». Шон застрелил бритоголового типа, не дожидаясь, пока тот преградит ему дорогу.

Мчась по пустырю, он без всякого плана сворачивал то вправо, то влево, в узкие проходы между трущобами и в боковые улочки. Шон знал, что это единственный путь к спасению. Алехандро-стрит, Шугат, Шакиит, Сайанг — все это не годится. Слишком широкие и открытые. Другое дело — проходы, улочки и... крещение в сточной канаве, едва прикрытой деревянными щитами.

Быть не может, — подумал Шон, когда остуился и скатился в траншею глубиной в метр, заполненную жидкостью. *Не может быть.* Этого не должно было случиться. В такие моменты ноги должны нести тебя сами, а мысль о чесотке просто не может возникать. Адреналин *должен был* ему помочь.

Дно канавы оказалось скользким, как жирное стекло, и он снова упал, почувствовав его под ногами. На какую-то секунду он окунулся с головой, потом встал на колени, хватаясь руками и упираясь локтями в противоположные края.

— Вот мерзость! — пробормотал Шон, протирая залепленные дерьмом глаза.

Совсем рядом он заметил две фигуры — Джо и Терой. Значит, они петляли вместе с ним и в конце концов настигли его. Теперь ему конец.

Но прошло мгновение, а он все еще был жив. Значит, это не Джо с Тероем, потому что они бы его уже убили или, по крайней мере, ранили. Снова протерев глаза, он увидел, что фигуры слишком малы для взрослых мужчин. Это мальчишки, уличные мальчишки... Они

смотрели на него удивленно и в то же время серьезно. Грохот досок вернул Шону способность действовать. На этот раз это были Джо с Тероем, причем совсем близко, в том же проходе.

Шон подтянулся и выбрался наружу.

Влево, вправо, влево и опять вправо, а он все еще не мог от них оторваться. Пару раз ему казалось, что он ушел, но не тут-то было. Он останавливался, чтобы перевести дух и попытаться сориентироваться, но тотчас же слышал шум погони. Шона тошнило от усталости, но он снова заставлял себя двигаться. Нет, не бежать, потому что у него уже не было на это сил даже ради спасения собственной жизни. Тело не слушалось его, он потерял всякую осторожность и мог только двигаться. Но, похоже, Джо и Терой тоже выбились из сил, потому что расстояние между ними не сокращалось.

Так продолжалось довольно долго. Наконец Шон выбрался из трущоб и очутился в другом районе, где жили люди среднего достатка. Улицы были чуть шире, и здесь уже стояли частные дома, а не жалкие лачуги. Попадалось меньше бараков из рифленого железа и больше зелени. Этот район, видимо, неплохо смотрелся под вечер, когда низкое оранжевое солнце освещало цветущие деревья, простиравшие ветви сквозь решетки оград.

Масса цветущих деревьев вокруг. И так много цветов, усыпавших деревья и асфальт, что все было напоено их ароматом.

2-1

Черный пес уже в пути

1

Из окна кухни все казалось разноцветным. Асфальт еще голубел, а трава зеленела, хотя солнце почти скрылось за горизонтом и небо отливало красным. В любом другом месте города красное небо стерло бы все цвета, как при фотовспышке, но только не здесь. Это был хороший квартал, застроенный частными домами, с широкими чистыми улицами, где все цвета, как ни странно, какое-то время сохранялись и после захода солнца.

— Время цветения, — сказала Роза, отряхивая с рук мыльную пену.

На прошлой неделе зацвели деревья на Адонис-авеню, прорываясь сквозь прутья оград, как брызги водопада.

— Готово, — добавила она, внушая самой себе, что тарелки в мойке чище некуда. Она целых десять минут мыла их и споласкивала в холодной воде, пока последнее сухое рисовое зернышко не отлепилось от фарфора.

Кстати, тарелки уже были чистыми, а дети еще нет. Она хотела искупать их и уложить в постель до прихода мужа, даже если они к тому времени не заснут. Роза вытащила пробку из мойки и увидела свое красивое лицо, которое отражалось в водовороте стекающей воды. Пройдет еще несколько лет, и ее волосы станут такими же седыми и тусклыми, как у ее матери.

Рафаэлю шесть лет, а Лите — восемь. У него подстриженные ежиком пушистые волосы, круглое личико и большие серьезные глаза с бровями домиком. Из-за этого кажется,

что Рафаэль хмурится, даже когда он улыбается. А вот у Литы брови похожи на крылья, поэтому у нее такой вид, будто она вот-вот рассмеется, даже когда ей совсем не до смеха. Очень красивая девочка, как любит повторять ее бабушка Корасон, даже слишком часто, в ущерб самой Лите. Если Лита и вправду вырастет такой красивой, то чем меньше она будет об этом знать, тем лучше. Пока же она, как ни удивительно, совершенно не осознает, что может как угодно вертеть любым существом мужского пола старше тринадцати, и слава богу, если так будет и дальше.

Лучше выразить свою любовь и восхищение, просто проведя по влажным волосам детей, или снять с их лобиков мыльную пену, которая может попасть им в глаза.

— Как вода? — спросила Роза. Лита кивнула:

— Хорошая. Не очень горячая.

— Ага, — поддержал Рафаэль. — Не очень горячая. Она была не очень горячая, даже когда мы залезли в ванну.

— Смотри-ка, ты уже не просишь дать тебе утенка.

— Гмм...

— Так что, дать его тебе?

— Ну... — Рафаэль пожал плечами, — ладно.

— Только «ладно»? А совсем недавно ты ни в какую не хотел без него купаться.

— Хорошо. Дай мне, пожалуйста, утенка. Роза протянула ему желтую игрушку, и он бросил ее между скрещенных ног. Почти сразу же утенок завалился набок и стал тонуть. Две половинки пластмассовой игрушки постепенно разошлись, и немного песка высыпалось из нее при каждом купании. За несколько месяцев Роза так привыкла к тому, что песок царапает ей спину, когда она лежит в ванне, что ей почти не доставало этого ощущения, когда весь песок высыпался.

— Мама, расскажи о больнице, — попросила Лита.

— Все... как обычно.

— Ты спасла кого-нибудь? Роза помотала головой.

— Нет, Лита, сегодня никого.

Лита была разочарована. В прошлом месяце Корасон привела детей в больницу, чтобы они встретили маму с работы. Все вместе они вошли со стороны отделения травматологии, куда только что привезли людей, пострадавших в автокатастрофе в районе Эдзы. Трупы лежали прямо на полу, и кругом было много крови. К счастью, дети были уравновешенными и, в отличие от бабушки, не мучились потом кошмарами и спали спокойно. Однако этот случай дал Лите совершенно неверное представление о каждодневной работе матери, и Роза пыталась исправить положение, терпеливо объясняя девочке что к чему.

— Ты правда никого не спасла?

— Правда. Зато одному больному я поставила диагноз — аппендицит.

— Аппендицит! — радостно подхватила Лита. — А от этого можно умереть?

— Только если попадешь к некомпетентному доктору.

— Не-ком-пе-тент-ному?

— Плохому доктору.

— Как Эдуардо?

— Кто тебе сказал, что Эдуардо плохой доктор?

— Ты.

— Неужели?

— Я слышала, как на прошлой неделе ты говорила об этом папе.

— А-а! Так у тебя большие уши, — притворно рассердилась Роза и ущипнула ее за ушко.

Лита захихикала.

— Ну, а у тебя как дела? Расскажи, что в школе. Ты там кого-нибудь спасла?

Но Лита ничего не ответила. Ее отвлекло то, что проделывал Рафаэль.

Роза повернулась. Рафаэль схватил утенка и держал дырявую игрушку над лицом,

выливая мыльную воду прямо себе в рот и на подбородок.

— Раффи, неужели ты пьешь это?

— Совсем немножко, — пролепетал Рафаэль.

— Ведь я говорила тебе, что вода в ванне совсем не такая, как питьевая вода из крана на кухне. Она грязная.

— Нет, чистая! Мы только что в ней искупались. Посмотри, сколько тут пены!

— Нет, — твердо сказала Роза, отбирая у него разломанного утенка. — Она грязная, а вот вы чистые, поэтому вылезайте оба. Сейчас я вас вытру и уложу спать.

2

Держа наготове футболку, Роза смотрела, как Рафаэль натягивает ночные шортики. Ей хотелось держать футболку одной рукой, но ничего не поделаешь, нужно держать двумя руками. Ей вообще не хотелось ее держать, но иначе нельзя. Футболка должна быть наготове на случай, если он захочет ее надеть. Иногда он ее надевал, когда выдавались прохладные ночи, и поэтому Роза предпочитала прохладную погоду.

Лита всегда надевает футболку, ложась спать. Сама того не сознавая, она старается прикрыть свою еще не оформившуюся грудь, а вот Рафаэлю, казалось бы, незачем прикрывать грудь, которая никогда не оформится. Но на самом деле все наоборот: Лите пока не надо скрывать грудь, а вот Рафаэлю...

— Рафаэлю тоже не надо, — пробормотала Роза себе под нос.

— Чего мне не надо?

— Ничего, — ответила Роза, непроизвольно зевнув. — Ты наденешь футболку?

Рафаэль щелкнул резинкой шортиков.

— Нет.

— Точно? — спросила Роза и тут же сама себе ответила: — Нет, ну и ладно.

— А теперь пойдем пожелаем спокойной ночи бабушке, — сказала Лита.

— Хорошо, — ответил Рафаэль.

— Хорошо, — повторила Роза, хотя не могла не думать о том, что надето на сыне, даже когда он уже лежал в постели, а тем более когда, прежде чем лечь спать, шел пожелать доброй ночи Корасон.

Роза вздохнула, потом снова уложила футболку в шкаф, где она и должна была бы лежать в любой нормальной семье, при любой нормальной бабушке.

Корасон сидела на диване, отложив в сторону книгу, которую только что читала. Лита забралась к ней на руки, а Рафаэль встал рядом, положив руки на колени бабушки.

— Вы знаете, о чем я сегодня думала? — спросила Корасон.

— Угу, — сказала Лита.

Рафаэль даже не удосужился ответить, потому что знал, о чем пойдет речь, а только встал на цыпочки, опираясь о бабушкины колени, чтобы казаться выше ростом.

Корасон запустила пальцы в еще влажные волосы Литы.

— Я думала о том, что мы с ними сделаем всего через несколько лет. Можно придумать массу интересных вещей, выбрать какую угодно прическу. Мы вместе полистаем журналы мод и выберем самые лучшие.

— Не-а, — сказала Лита. — Для разных причесок их пока слишком мало. — И уложила челку набок. — Вот видишь, я могу уложить ее на эту сторону или на другую, но...

— Ничего, — Корасон перешла на сценический шепот. — Может быть, через несколько лет твоя мама перестанет стричь их так коротко. — И она рассмеялась. — Очень красивые волосы! Я так и вижу, как они спускаются до пояса, длинные и шелковистые. А еще их можно завязать сзади лентой и воткнуть в них цветок. Конечно, — она опять перешла на сценический шепот, — цветок в волосах к лицу только самым красивым девушкам.

Лита задумалась.

— Может, мне не захочется носить цветок в волосах.

— Это мы еще поглядим! Еще как захочешь, когда мальчики начнут за тобой бегать! Вот что я тебе скажу, ангел мой: они все равно будут бегать за тобой, даже и без цветка. Ты сама будешь как цветок!

— Цветок...

— Да, — подхватила Корасон. — Цветок. И ты будешь разбивать сердца.

— А я? — вмешался Рафаэль, не в силах больше сдерживаться. — Лола, а я буду разбивать сердца?

Роза закрыла глаза. Это была единственная возможность не видеть выражения лица Корасон.

Слабая улыбка, вполне соответствующая подлинному отношению к мальчику, слегка искривила вдруг застывшее лицо Корасон, похожее на маску смерти. Клевок губами в щеку Рафаэля, жалостливый взгляд на его обнаженное тельце.

— Конечно же, ты будешь разбивать сердца, дорогой. Много сердец. Ты будешь плейбоем.

— Я буду плейбоем, а Лита станет разбивать сердца.

— Да.

— И мы оба будем богатыми.

— Надеюсь.

— Здорово! Мы оба будем богатыми, и у нас будут громадные дома. А я буду плейбоем-баскетболистом.

Корасон кашлянула.

— Зачем тебе баскетбол, дорогой?

— Да, я буду играть в баскетбол. Точно! Я уже об этом думал. У меня получится.

— Ну-ну. Это очень неплохая мысль, но, дорогой, может, лучше стать, например, юристом? Ведь баскетболист должен быть...

— Ну все! — прервала ее Роза, резко открыв глаза. — Пора в постель. — Избегая встречаться взглядом с Корасон, Роза захлопала в ладоши, чтобы предупредить неизбежный протест. — Папа сегодня поздно вернется с работы, так что вы его не дождетесь. Спать — и никаких возражений.

Но возражений и не было. Брат с сестрой поцеловали бабушку и вышли из комнаты. Послушные дети.

3

Скоро им уже станет мала эта небольшая спальня, а там, глядишь, понадобятся и отдельные спальни. В этом-то и была загвоздка, потому что в доме имелось всего три спальни: две смежные и одна в дальнем конце.

Спальня Корасон, самая большая, находилась как раз в дальнем конце дома. Когда они только переехали, она попросила выделить ей комнату поменьше, но, несмотря на возражения мужа, Роза настояла, чтобы мать осталась в большой. В глубине души Роза считала, что к тому времени, когда детям потребуются отдельные комнаты, матери уже не будет на свете. Но в последнее время, особенно когда начались неприятности с Рафаэлем, сомнения стали посещать ее все чаще.

— Открой, — сказала Лита.

— Закрой, — возразил Рафаэль.

— Открой!

— Закрой!

Роза нахмурилась.

— Окно нельзя одновременно закрыть и открыть. Рафаэль, почему ты не хочешь спать с открытым окном? Если я его закрою, вы сваритесь вкрутую, как яйца.

— Не надо открывать. В москитной сетке дырка. Комары туда залетают и кусают меня.

— Но ведь твоя сестра не жалуется?

— Конечно! Ее комары не кусают.

— Какие умные комары, они знают, что ты у меня такой сладенький...

— Нет, они кусают меня потому, что я сплю рядом с окном, и еще потому, что я не пью пива.

— Пива? — взвилась Лита и села в кровати.

— Дорогая, ложись обратно.

— Если бы я пил пиво, — раздраженно продолжил Рафаэль и тоже сел в кровати, — они бы и ко мне не приставали.

— Я не пью пиво!

— Еще как пьешь! Ты таскаешь его из холодильника.

— А вот и нет!

— Тогда почему комары к тебе не лезут? Все знают: если пьешь пиво, то тебя не кусают...

— Они кусают тебя, — прервала его Лита, — из-за запаха, потому что ты писаешь в кровать.

— Я? — Рафаэль всплеснул руками. — Ты врешь. Я уже давно не писаю в кровать.

— Ты описался на прошлой неделе.

— Что?!

— Ты каждую ночь писаешься.

— Откуда ты знаешь? Ты от пива такая пьяная, что ничего не помнишь.

— Я не пью пиво!

— Ну хватит! — рассердилась Роза. — Лита не пьет пива, а Раффи больше не писает в кровать. А теперь ложитесь и покажите мне, где эта дырка.

Рафаэль протянул руку.

— Вон там, наверху.

— Здесь?

— Выше.

— Теперь вижу... Как же она здесь появилась? — Роза поежилась. — Да нет, я об этом и знать не хочу.

— Это все Раффи.

— Это Лита, ножом. Лита выкатила глаза:

— Ножом?

— Ну да, когда ты по ночам шатаешься по дому.

— Я же сказала, что знать ничего не желаю!

Ладно, давайте закроем дырку куском газеты. Тогда вы сможете спать с открытым окном.

— Давай, — сказал Рафаэль. — Ты хорошо придумала, но газету сдует ветром.

— Знаешь, дорогой, — Роза потеряла вспотевшую шею, — сегодня ночью ее вряд ли сдует. Уже несколько дней ни ветерка.

4

Роза тихонько спустилась по лестнице. Уже в коридоре она с удовлетворением кивнула, услышав в гостиной звук телевизора, и быстро прошла мимо открытой двери, глядя прямо перед собой, потом двинулась дальше по коридору, перекрестилась на слегка потертого Христа с висевшей на стене репродукции «Гайной вечери» и очутилась на кухне. Она собиралась почитать *Manila Times*, выпить чашечку кофе и съесть мороженого с ароматом магнолии.

Корасон стояла возле мойки и с деловитым видом переставляла чистые тарелки, которые Роза вымыла полчаса назад.

— Дорогуша, — пропела Корасон, — я постоянно говорила тебе, когда ты еще была как сейчас Лита, что тарелки нужно ставить по размерам, иначе они побьются.

— Он не желает быть этим чертовым юристом! Он хочет стать баскетболистом!

Корасон сделала вид, что не заметила грубости.

— Роза, ему никогда не стать баскетболистом. Это знаешь ты, знает его отец и знаю я. Зачем же позволять ему мечтать о том, чего никогда не будет? Это жестоко.

— Ему всего шесть лет! Две недели назад он хотел стать космонавтом, пока ты его не отговорила!

— Космонавт — это нереально. Космонавт должен быть в хорошей физической форме, а вот юрист — это другое дело.

— Но пока что он хочет быть не юристом, а баскетболистом! И потом, кто знает, чего ему захочется, когда ему исполнится семь лет!

Корасон всхлипнула.

— Я тебя вырастила, а ты разговариваешь со мной таким тоном.

— Ты и врача из меня делать не собиралась, — огрызнулась Роза.

— Что?

— ...Ничего.

— Что ты сказала?

— Ничего я не говорила.

— Нет, я ясно слышала, как ты сказала что-то насчет того, как я тебя воспитала.

Роза вздохнула.

— Ты не хотела, чтобы я стала врачом.

— Да как только у тебя язык повернулся! Кто же тогда оплачивал твою учебу в колледже?

— Дядя Рэй.

— Да?! А кто ходил к нему по четыре раза в год, выпрашивая денег?

— А почему вдруг так срочно понадобилось отправлять меня в колледж? Почему так срочно потребовалось убрать меня с глаз долой из Сарапа?

— Неужели ты бы предпочла остаться там?

— Я бы предпочла, чтобы у меня был выбор. Корасон злобно хихикнула.

— Выбор в Сарапе! Скажешь тоже, выбор: стать женой рабочего с лесопилки или рыбака. Вот у меня был выбор!

— Точно! У тебя была масса вариантов.

— Какие уж там варианты...

— Но ты же выбирала между мужчинами!

— Боже мой! — Корасон перекрестилась. — Ничего-то ты не понимаешь. Работаешь врачом в столичной больнице, а ничего не понимаешь.

— Господи, — сказала Роза, но не перекрестилась, — что же мы все вокруг да около? Неужели неясно, что шестилетний мальчик может мечтать...

Что стало с цветущими деревьями? Пока она купала детей, солнце село, но все вокруг переливалось зелеными, красными и синими сполохами. Почему же цвета сохраняются так долго?

— Сегодня сериал про врачей, — сказала Корасон. — Пойду посмотреть.

Ее голос еще звенел от обиды, но в нем смутно звучала и ласковая интонация. Это было похоже на выражение ее лица, когда она недавно разговаривала с Раффи, на улыбку, которая силилась пробиться сквозь застывшую мертвую маску.

— «Скорая помощь», — откликнулась Роза, стоя к ней спиной. — Я...

Корасон остановилась.

— ...приду попозже.

— Смотри не задерживайся. Через полчаса начинается. Я же не могу смотреть без тебя — не понимаю, о чем там речь. — Через полчаса... Корасон вышла из кухни.

Это случилось неожиданно. Отблеск фар на дороге, яркий свет, заполнивший все вокруг, и разбегающиеся тени. Несущийся «мерседес» с тонированными стеклами. Пара секунд — и все пропало.

Власть цветка

1

Городок Сарап был так же похож на Манилу, как тюлька — на акулу. Расположенный в сотне миль от столицы и отделенный от нее горами Сьерра-Мадре, он раскинулся на восточном побережье острова Лусон и смотрел скорее на Филиппины, чем на Южно-Китайское море. Единственным каменным зданием в городке была церковь. Электричества нигде не было, только на лесоскладе имелась своя электростанция. Телефона тоже не было, равно как и асфальта. Была одна артезианская скважина и несколько ручьев, пробивавшихся сквозь толщу гранита и петлявших по саванне.

Суровая и одновременно сонная деревенская жизнь, размеренное течение которой не могли нарушить даже глухие взрывы самодельного динамита, которым рыбаки глушили рыбу, или визг пилы, доносившийся с лесопилки. Единственное, что ее нарушало, так это пьяные драки и тайфуны в конце лета, которые сносили хижины из пальмовых листьев, срывали кокосовые орехи, превращая их в пушечные ядра, и приносили огромные волны, с корнем вырывавшие пальмы.

А еще были драмы, главным действующим лицом которых становилась молодежь со своими проблемами.

Правило было такое: переспал — и под венец. Секс вне брака — такого просто не бывало. В отчаянии от подобной жизни парни Сарапа сбивались группками по три-четыре человека и отправлялись в центр острова, где девушки не столь свято блюли свою невинность. Парни приезжали в города покрупнее и бродили по ним в надежде вознаградить себя за столь долгое и утомительное путешествие. Если ничего не получалось, они скидывались и брали одну проститутку на всех.

Что касается парней из центра, то они оставались на месте. К чему им было переваливать через горы, ведь они знали, что девушки с побережья отличаются провинциальной скромностью и согласятся переспать с ними только в обмен на клятвенное обещание жениться.

В этом заключалась сила девушек Сарапа. Да и парни городка в свою очередь придерживались таких же провинциальных убеждений и ни за что на свете не согласились бы жениться на девушке, которая уже с кем-то переспала. Так что все их планы на будущее ограничивались девушками Сарапа. Их власть над парнями была так велика, что одной улыбки оказывалось достаточно, чтобы парень поджидал свою избранницу на жаркой пыльной дороге в надежде, что улыбка опять пройдет здесь, а вот безразличный взгляд означал полное поражение. И то, и другое частенько становилось причиной бессонных ночей.

Розе было шестнадцать лет. Она ходила в выцветшем хлопковом платье до колен и с тетрадами под мышкой. У нее были шелковистые волосы до плеч, а шоколадная кожа не уступала по красоте яркой синеве небес. Однажды за ней увязался какой-то парень и сказал, что ее красота так же неповторима, как отпечатки пальцев, после чего она сразу же его отвергла.

2

Ее дом стоял на берегу моря, примерно в двух милях от школы в Инфанте, где она

училась. Когда безоблачным днем она возвращалась с уроков домой, то обычно шла по дороге. Этот путь был дольше, чем вдоль берега, потому что дорога иногда петляла, проходя через деревушки и рисовые поля, но зато по обочинам росли пальмы, которые отбрасывали тень. Но по утрам Роза всегда шла по берегу — в семь часов солнце еще не было таким жгучим.

Какой-то парень сказал «посмотри», когда она проходила мимо. Он стоял на коленях спиной к ней рядом с двухметровой тонкой сетью, которой ловил рыбешку на мелководье. Перед ним было белое пластмассовое ведро с рыбой.

Роза остановилась от неожиданности.

И только когда парень повернул голову, чтобы проверить, услышала ли она его, Роза увидела, что это Лито. Они были одного возраста и жили в соседних кварталах, так что она не раз его встречала, но до сих пор не обменялась с ним ни словом. Лито не ходил в школу, и у них не было общих друзей. Однажды они чуть не разговорились. Это случилось во время праздника, когда двоюродный брат Лито пригласил ее на танец. Лито был младше своего брата и постоянно держался в тени. Когда Роза ответила тому вежливым отказом, Лито встал рядом с братом и открыл рот, как будто собирался что-то сказать, но вместо этого просто кивнул. Розе показалось, будто тем самым он молчаливо согласился, что не стоило танцевать с его братом. Тут же оба парня исчезли.

— Так ты будешь смотреть? — спросил Лито с ноткой нетерпения в голосе, что показалось Розе еще более удивительным. С тех пор как ей исполнилось шестнадцать, все парни разговаривали с ней исключительно вежливо.

— Мне в школу, — ответила Роза.

— Знаю. Я вижу тебя почти каждое утро. Иногда из лодки, далеко от берега. Тогда ты выглядишь как точка на берегу. Но почти каждое утро я здесь и вижу тебя.

— О-о...

— Все нормально. Я и не надеялся, что ты меня заметишь. Просто подумал, что тебя это заинтересует.

— Что именно?

— Ну... — Лито пожал плечами. — Так будешь смотреть или нет?

Роза на мгновение заколебалась, а потом двинулась по песку в его сторону. Когда она была уже совсем близко, Лито схватил футболку и перебросил через левое плечо, прикрыв грудь с одной стороны, и только тогда повернулся к девушке.

— Ну? — спросила Роза.

Лито показал на пластмассовое ведро.

— На это надо смотреть вблизи. Подойди поближе.

Роза присела на корточки.

— Вон там. Следи за моим пальцем. Видишь эту рыбешку?

— ...Да.

— Не замечаешь в ней ничего необычного?

— Нет.

— А что ты видишь?

— ...Вижу двух рыбешек.

— Нет, тебе только кажется, что ты видишь двух плавающих рядом рыбешек. На самом деле их не две, а одна, но с двумя хвостами. — Лито помрачнел. — Я ловлю эту мелочь с тех пор, как сам был мальком, но такое вижу в первый раз. Наверное, что-то случилось с ее матерью. Может, ее ранила более крупная рыба, когда она была беременна. Что-то вроде шока...

— Когда ты сам был мальком? — повторила Роза и рассмеялась, но тут же нахмурилась, скорее от удивления, чем от досады. — И это ты считаешь интересным?

— Да. — Лито вдруг смутился и принялся тереть висевшую у него на плече футболку. — Значит, тебе не интересно?

— Да нет, интересно.

Но Лито ее ответ, похоже, не убедил.

— ...Мне пора. — Да.

Оба встали, и, прежде чем Роза успела что-то сказать, Лито поднял сеть и направился к мелководью.

Роза проводила его взглядом. Он не был коротышкой, но и не отличался большим ростом, и его загар был таким же густым, как у парней, которые работают в море. Но он казался симпатичнее многих из них — не такой загрубевший и стригся короче. Если разрешали родители, длинные волосы в стиле «диско» носили все местные парни, следуя за быстро меняющейся прошлогодней манильской модой.

Может быть, у Лито строгие родители. В любом случае это хорошо, что у него короткие волосы. Прическа в стиле «диско», — подумала Роза, снова направляясь в сторону Инфанты, — просто смешна и не подходит мужчине. Как это она раньше не замечала?

3

Во время перерыва на обед, когда Лиша предложила выйти за территорию школы и поболтать в сгоревшем армейском грузовике, оставшемся со времен войны, Роза уже знала: произошло нечто важное. Это знала и Элла, которая видела, как они ушли со спортплощадки, и догнала их, когда они уже почти скрылись в джунглях.

Они просто сгорали от нетерпения, поудобнее устраиваясь в кабине и подкладывая пальмовые листья, чтобы не испачкать платья о грязные сиденья. Через пару минут их ожидание было вознаграждено с лихвой.

— Что? — задыхнулась Элла. — Ты сделала *это*? — Она взмахнула рукой, чуть не сбив с носа очки. — Ну не тяни! У меня голова кружится, мне сейчас плохо станет!

— Да, сделала, — с вызовом проговорила Лиша.

— Да ты хоть понимаешь... — начала было Элла, но не закончила фразу и стала обмахиваться рукой сильнее. Она несколько раз глубоко вздохнула, чтобы прийти в себя, потом обвела взглядом густую листву вокруг грузовика и прошептала: — Ты хоть понимаешь, что теперь уже нельзя назад?

— Конечно, понимаю, но я и не хочу отступать. Я хочу выйти за него замуж, а он хочет на мне жениться.

— Это он так говорит!

— Я сказала ему. Сказала, что я не какая-нибудь там столичная шлюха.

— А он?

— Ответил, что они его не интересуют.

— Ой ли, — Элла подняла брови. — Зачем же тогда он так часто туда ездит?

— Чтобы составить компанию Дублону и Саймону.

— Ммм.

— А вот и не ммм, Элла.

— Ммм.

— А вот и не ммм! Если бы я ему не доверяла, то не согласилась бы выйти за него замуж.

— Замуж! — повторила за ней Элла уже совсем другим тоном. — Это красиво звучит только на словах.

— Сегодня вечером я обо всем расскажу родителям.

— Сегодня вечером! Интересно, и что же они тебе ответят?

— Надеюсь, они не станут возражать.

— Конечно, не станут! Туринг такой весь из себя... Ведь его отец управляет лесопилкой!

— Говорят, он станет директором, когда уйдет тата Руди.

Элла сделала большие глаза:

— А потом на место отца станет Туринг.

— Да, — вздохнула Лиша, — но меня это не интересует. Ты пойми, Элла, когда любишь, то всякие там лесопилки не имеют никакого значения.

— Слишком уж все складно получается! Повисло молчание. Роза немного подождала, потом осторожно кашлянула и спросила:

— Кто скажет, что такое «брат в рот»?

Роза догадывалась, о чем идет речь; она уже кое-что об этом слышала, но не думала, что эти разговоры — правда. И вдруг, прямо посреди подробных объяснений Лиши, перед ней возник образ Лито. В страхе отгоняя его, Роза сказала себе: это потому, что я случайно встретила его сегодня утром. К тому же я часто думала о нем, поэтому нет ничего странного в том, что перед глазами возник именно его образ. Надо было представить себе то, о чем говорит Лиша, и Лито первым пришел в голову.

Но этот аргумент оказался совершенно бесполезным, потому что буквально сразу же образ Лито возник снова. На этот раз Роза испугалась внезапной ревности, которую ощутила по отношению к Лише, затем — странного чувства восторга, потом — своих зардевшихся щек.

Лиша сразу заметила, что подруга покраснела, но приписала это ее невинности. А Роза, теребя висевший на груди серебряный крестик, была довольна, что дело тем и ограничилось.

Сплетня похожа на легкий ветерок, который освежает разгоряченные от работы лица. Сплетницы собирают и разносят слухи. Им никто не верит, но все делятся с ними своими секретами, потому что нет более благодарных слушательниц. Такой и была Элла. Некрасивые тонкие губы, очки с толстыми стеклами... Но необыкновенно длинный язык и врожденное чутье на интриги заменяли ей привлекательность, и способности эти проявились рано — в пять-шесть лет люди уже видели в ней будущую сплетницу. Неудивительно, что к концу уроков сплетня, запущенная Лишей, уже обошла городок и во весь опор неслась к дому Розы. А Роза тем временем, далеко отставая от сплетни, вся в своих мыслях брела по дороге и высматривала красивые цветы на обочинах.

4

Доминг, отец Розы, в тот вечер не проронил за ужином ни слова. В этом не было ничего необычного, он мог промолчать целую неделю. С тех пор как его оглушило взрывом динамита во время рыбной ловли, он все больше отмалчивался, в основном ограничиваясь кивками, улыбками, пожиманием плеч и другими подобными жестами. Но не потому, что подводный взрыв повредил его слух, — Доминг и до того слыл молчуном. Розе иногда казалось, что после контузии отец наконец-то обрел себя.

Но вот молчание Корасон — это действительно было необычно. В противоположность мужу она всегда болтала без умолку, а тут и рта не открыла с самого начала ужина.

Роза заподозрила что-то неладное. В молчании не чувствовалось обиды или раздражения, но была какая-то тяжесть, поэтому Роза решила выяснить в чем дело.

— Что-нибудь случилось, мама? — спросила она, положив себе на тарелку кусочек курицы.

Корасон удивленно подняла брови:

— А разве что-то должно было случиться?

— Я не знаю.

— Ты не знаешь?

— Нет, — простодушно ответила Роза. — Не знаю. Расскажи мне.

Корасон снова подняла брови и поджала губы.

— Как дела в школе?

— В школе?

— Ну да, в школе. Какие у тебя оценки?

— Все в порядке.

— Неужели? — усомнилась Корасон. — Интересно... А я думала, что это прежде всего отразится на учебе...

Роза посмотрела на отца, пытаясь понять, доходит ли до него смысл этого таинственного разговора, но тот никак не реагировал.

— А что должно отразиться на учебе?

— Я заметила у тебя в волосах цветок, — заявила Корасон вместо ответа.

Роза замялась.

— Я увидела его около...

— Само собой. Я его знаю?

— Кого?

— Я знаю этого парня? Или меня ждет такой же сюрприз, какой Лиша преподнесла сегодня своей матери? — Корасон подалась вперед, и уголки ее рта сложились в ироничную улыбку. — Неужели, когда я завтра буду перебирать рис, мне в уши залетит слух, что моя дочь переспала со своим будущим мужем?

Одной рукой Роза вытащила из волос цветок, а другой прикрыла рот.

— Это Марио? — Нет!

— Грегорио?

— У меня никого нет!

— Прекрасно, прекрасно. У тебя никого нет, а цветок вдруг нацепила. — Корасон зашлась смехом. — Вот что я тебе скажу. Стоит первой из вас выйти замуж, как за ней последуют все остальные. Через несколько месяцев вы все будете стоять перед священником в своих лучших платьях. Так всегда было. Само собой, — она тихо вздохнула, — я вышла замуж первой в своем квартале.

— У меня никого нет.

— Значит, придется дожидаться слухов.

— Тебе долго придется ждать.

— Я думаю, что это Марио.

— Если вы уже поели, я уберу тарелки.

— Скоро ты будешь убирать их за кем-то другим!

Лежа с открытыми глазами, Роза вдруг подумала о своей постели. Она уже шесть лет спала на этих деревянных щитах. Точно такие же были и раньше, но она поняла это только сейчас. Они были маленькими и жесткими и скрипели при малейшем движении. Тарелки, — подумала Роза, наблюдая за прошмыгнувшей по потолку ящерицей. Тарелки, постель... Без одного не бывает и другого.

— Ангелочек! — громким голосом окликнул ее отец десять минут назад, когда Роза проскользнула за занавеску, отделявшую ее комнату от остальной части дома. Она высунула голову, недоумевая, что могло заставить его нарушить свое обычное молчание.

— Что? — откликнулась Роза.

— Зачем ты вынула этот цветок из волос? — завопил Доминг, и Корасон заткнула уши руками. — Он был такой красивый! Приходи завтра тоже с цветком!

— Может быть.

— Ты что-то сказала, ангелочек?

Роза подняла керосиновую лампу и поднесла к лицу.

— Я сказала: если увижу красивый цветок по дороге в школу.

— Тогда смотри получше, и найдешь самый красивый!

— Хорошо.

— Спокойной ночи, ангелочек!

— Спокойной ночи.

В какой-то момент мертвечина ненадолго чернеет, а потом краснеет. Люди и животные чернеют в том месте, где кожа открыта. Черная кожа трескается, лопается, и под ней проступает красная плоть. От зловония сокращаются мышцы гортани, и легкие отказываются вдыхать отравленный воздух, но не могут и выдохнуть его.

Ощущение смерти, запрятанное где-то глубоко внутри Розы, вырвалось у нее из груди и растеклось с такой же быстротой, как капля масла в воде. Через какую-то секунду оно охватило все ее тело. Роза ускорила шаг, стараясь не дышать, пока не выберется на свежий воздух. Но отвратительный запах был, казалось, повсюду, и, ускорив шаг, она лишь приблизилась к его источнику. Это была свинья, выброшенная ночью на берег приливом и наполовину присыпанная песком.

— Ее принесло ночью, — сказал Лито. — Я видел, как ты шла вдоль берега. Жаль, что не догадался тебя предупредить.

Его рука застыла в нескольких сантиметрах от спины Розы, готовая поддержать, если ей опять станет плохо, но слишком застенчивая, чтобы преодолеть оставшееся расстояние. Другая рука держала цветок, который Роза сорвала, а потом уронила, когда, спотыкаясь, брела от берега к видневшимся неподалеку деревьям.

— Смотри, с цветком ничего не случилось. Можешь вдеть его обратно.

Роза посмотрела на землю и на свои руки в остатках того, что совсем недавно было ее завтраком.

— Не надо, ведь он для тебя. — Она была настолько растеряна и унижена, что совершенно не думала, о чем говорит.

— Цветок для меня?

— Я носила его ради тебя.

— ...Но зачем?

— Не знаю, — сказала Роза и покраснела. Лито смешался, не зная, что ответить.

— Мне нужно вытереть рот, — сказала Роза, подняв голову.

Футболка Лито была переброшена через левое плечо на манер полотенца, точно так же, как и вчера, когда она подошла взглянуть на рыбку-мутанта.

— Можно взять твою футболку? Я хочу вытереть рот. Не могу же я прийти в школу в таком виде.

Лито нахмурился. — Ну...

— Она чистая? — Да.

— Я потом прополощу ее в море.

— Нет, я сам прополощу.

— Ну так что?

Лито протянул ей футболку и одновременно сделал шаг в сторону, оказавшись у нее за спиной. То ли он хотел скрыться с ее глаз, то ли вежливо давал Розе возможность стереть следы рвоты в относительном одиночестве.

Она вполголоса поблагодарила его.

От футболки сильно пахло мылом. Должно быть, он постирал ее накануне вечером, что казалось странным, ведь это его рабочая одежда. Футболка была старой и потертой на вороте, но при этом сверкала белизной, как новая.

Роза вытерла рот и встряхнула футболку, чтобы вдохнуть поглубже и избавиться от запаха падали, а потом протянула ее Лито. Когда же она повернулась, футболка уже снова была у Лито на плече.

Роза на секунду задумалась и сказала:

— Давай я ее прополощу.

— Я и сам могу. Ты в школу опоздаешь.

— Нет.

— Ну тогда...

— Тогда я ее прополощу, — сказала Роза, приняв решение. — Мне нетрудно. Лито вздрогнул, когда она сняла футболку с его плеча. Роза знала, что так и будет.

У него была только правая грудная мышца, а левая отсутствовала. Все ребра до самой ключицы были как на ладони. Вместо выпуклости зиял провал. Зато вся правая сторона груди и правое плечо были развиты непомерно, еще больше деформируя торс Лито.

— Хорошо, что тебя уже стошнило, — сказал Лито сквозь неудержимый приступ нервного смеха.

Роза медлила с ответом.

— Ты похож на плитку шоколада, — в конце концов сказала она. — На плитку, от которой кто-то откусил. Твои ребра напоминают следы от зубов.

Лито опустил глаза, потом поднял их на футболку и опять опустил.

— Ты стесняешься? Он молча кивнул.

— Тут нечего стесняться. — Роза мягко прикоснулась рукой к его плечу. — Быть плиткой шоколада — это совсем не плохо.

Песочный человек

1

Это совсем не плохо. То же самое Роза сказала Рафаэлю, когда он достаточно подрос и она смогла объяснить, что с ним произошло и почему. Совсем не плохо быть плиткой шоколада.

Но если бы она решилась сказать правду, то добавила бы: да, это неплохо, но жить с этим тяжело. Физический недостаток делает его жизнь тяжелее, она могла бы сложиться легче, если бы этого не было. А еще она бы добавила, что «хорошо» или «неплохо» тут ни при чем, потому что самое главное — что тяжело.

— «Скорая помощь»!

— Да, — откликнулась Роза, хотя меньше всего на свете ей хотелось смотреть телевизор, да еще вместе с матерью. — Иду.

— Ты пропустила начало! Я уже не понимаю, что там происходит!

— Вначале они просто дают пересказ за прошлую неделю. Диктор объявляет: *«Содержание предыдущих серий»*, — сказала Роза по-английски, — или что-то в этом духе.

— Нет, — Корасон помахала пальцем. — *«Содержание предыдущих серий»*, — произнесла она тоже по-английски, — идет в начале. А потом показывают вступление к очередной серии. Видишь, титры уже прошли, значит, ты пропустила повтор и вступление.

— Ничего, я разберусь.

Лекарства, дозировки, отношения между врачами и медсестрами, вспыльчивые хирурги — все это было показано достаточно хорошо. Чувствовалось, что сценаристы неплохо поработали. Однако в сериале не хватало некоторых подробностей. Это касалось людей. Роза не столько следила за развитием сюжета, сколько пыталась увидеть знакомые жесты, лица с блуждающим взглядом и дрожащими от ужаса губами, но так и не увидела. Роза просто не могла поверить, что таких людей не было в отделении травматологии.

И еще показывали очень мало огнестрельных ранений, как будто в Чикаго вовсе не существовало гангстеров.

— А негритенок умрет? — спросила Корасон минут через десять.

Роза быстро поставила диагноз, основываясь как на медицинских показаниях, так и на развитии сюжета с участием мальчика на прошлой неделе. Сломанное ребро, возможно, прободение легкого, ангельское личико, отец-тиран, мать-алкоголичка, проходящая курс лечения. Мальчика лечит душка-доктор. Такой душка, что просто дальше некуда.

— Нет, не должен, если только не будет осложнения.

— В отделении травматологии все может случиться. Часто возникают осложнения. Даже в богатых американских больницах, оборудованных по последнему слову техники, дети часто умирают. Тут не может быть никаких гарантий. — Корасон поехала. — Помню, однажды показали еще одного ребенка, девочку. У нее был СПИД. Представляешь?

Роза не стала напрягать воображение, потому что в этот момент зазвонил телефон.

— Я подойду, — сказала она и вскочила. — Возьму трубку на кухне.

— Пускай себе звонит! Как ты можешь отрываться?

— А вдруг это с работы? Может, что-то... срочное.

— Ерунда. Ты прекрасно знаешь, кто звонит.

— И все-таки я подойду.

— Как хочешь. Тебе повезло: сейчас как раз будет реклама, но короткая.

— Реклама, — бросила через плечо Роза уже на пути к двери, — это хорошо.

2

— Привет, — сказал муж. — Я звоню из машины. Еду домой.

— Ты уже доехал до Юнайтед-Нейшенс-авеню?

— Как раз подъезжаю.

— Подожди, не клади трубку.

Роза представила себе, как он сидит за рулем, выставив локоть в окно, и отгоняет уличных попрошайек и торговцев, размахивая сигаретой, а в другой руке держит мобильный телефон. В это время движение небольшое и нет необходимости держать руль обеими руками. Он, должно быть, ведет машину рывками, слегка нажимая на педаль газа.

— У тебя хотя бы одна рука на руле?

— Нет... А почему ты спрашиваешь?

— Просто из любопытства. Вот и все.

— Ну хорошо.

Каждый из них слушал шумы, доносившиеся из трубки. Роза — концерт автомобильных гудков и рев двигателей, а ее муж — вздохи, едва различимые сквозь слабые помехи.

— Что случилось, Роза? — спросил он после третьего вздоха и тут же добавил, не дожидаясь ответа: — Знаю, это из-за Корасон. Она выводит тебя из равновесия.

— Да все то же, но сегодня она меня просто довела. Мы поругались. Она напомнила о Сарапе, и я расстроилась.

— Роза, не обращай ты на нее внимания.

— Не могу, особенно когда надо укладывать детей.

— Ничего, Раффи это переживет, птичка моя.

— В его возрасте он не должен ничего переживать.

— Все будет хорошо, стебелечек.

— Стебелечек, — улыбнулась Роза. — А почему не шип?

— Мне не нравятся шипы, мамочка.

— Уж лучше быть «шипом», чем «мамочкой».

— Все шипы достались твоей матери. — Он вдруг прервался и вскрикнул: — Эй! — Потом возникла пауза. — Ох, нет! Не может быть!

— Что случилось? — взволнованно спросила Роза.

— Двое мальчишек! Чертовы беспризорники! Они подложили... *Ах вы, сукины дети! А ну, вернитесь, вы, маленькие ублюдки!*

— Да что там?

— Боже! — слышно было, как хлопнула дверца. — Черт... черт! Так я и знал!

— Что?!

— Колесо спустило. Они подложили гвозди под колесо.

Розе были слышны нетерпеливые гудки машин.

— Да у меня колесо спустило, вы, придурки! Я что, вам мешаю? Тут целых два метра свободной дороги! — Гудки не утихали. — Вот освобожу дорогу — и проедете! Газуйте себе на здоровье!

— Дорогой, успокойся. Отгони машину к обочине.

— Ну и народ!

— Я понимаю. Умоляю тебя, отгони машину и смени колесо.

— Господи! Я так мечтал пораньше добраться до дому! Оставалось каких-нибудь десять чертовых минут, а теперь не знаю, когда вернусь.

— Ничего, я подожду.

— Придется дать отбой. Боже! Вот гаденыши!

— Они уже удрали. А ты смени колесо. — ...Да.

— Хорошо.

— Хорошо. — И он отключил телефон.

Роза выглянула в холл, увидела голубоватое мерцание телевизора в гостиной, а потом вернулась на кухню, поставила чайник и открыла морозилку. Полукилограммовая пачка мороженого с ароматом магнолии.

3

Позвав Розу в третий раз, Корасон смирилась с тем, что ей придется смотреть «Скорую помощь» в одиночестве. Роза почувствовала, как в ней закипает злость, но странное дело, из всех чувств, которые она испытывала к матери, самым сильным была любовь. Однако даже любовь не могла заставить ее сдвинуться с места. Ладно, еще будет время с ней помириться.

Роза выпила кофе с мороженым и принялась за кроссворд, который начала разгадывать во время обеденного перерыва.

— Вы всегда здесь сидите, *ро*?

Роза быстро окинула взглядом набережную и парк. Она проделала это чисто автоматически, потому что прекрасно знавала, где находится, как и то, что всегда садится на одну и ту же скамейку. И все-таки она решила взглянуть вокруг, а потом увидела маленького старичка.

— Да, *ро*, — ответила Роза, убедившись, что корабли — на якоре, а пыльные пальмы и жухлая трава там, где и всегда.

Старик покачал лысой головой.

— Я тоже, *ро*. Обычно я прихожу сюда от одиннадцати до половины двенадцатого. Но сегодня я опоздал, и мое место занято.

— Здесь полно места. Сейчас я все это подвину. — И она сдвинула в сторону газету и еду.

— Это очень любезно с вашей стороны, *ро*.

— Ну что вы, *ро*. Я не так уж и много занимаю места со своими бутербродами. Кстати, не желаете попробовать?

— Благодарю вас, — сказал старик, — но бутерброды мне не по зубам. У меня есть рисовый пирог. — И он достал откуда-то из-под рубашки сверток. — Не буду отвлекать вас от кроссворда.

— Да я все равно тут с ним запуталась.

— А в чем проблема?

— Э-э, ну ладно... — Роза взглянула на незаполненные клеточки. — Так говорят, когда сильно устают. Две буквы...

— Ох, — тут же откликнулся старик.

— Подходит, *ро* ...

— Ох! Я всегда охаю, когда поднимаюсь по лестнице. — И он захихикал кудахтающим

смехом. — У меня такие слабые ноги, что приходится охать по нескольку раз в день! Какое там еще слово?

— Да... Обоюдоострый нож, шесть букв...

— Стиллет.

Роза кивнула и заполнила клеточки.

— Ну конечно! Как я сама не догадалась? Ведь я вижу раны от стилета раз по десять на день. К тому же стиллет подходит к другим словам.

— Так-то вот, доктор, — сказал старик, и его лицо осветилось улыбкой. — Больше подсказывать не буду. Не хочу мешать вам отгадывать кроссворд.

— Вы мне совсем не мешаете, *ро*.

— Вы очень любезны. Вижу, что произвел на вас впечатление. Но если я не угадаю следующее слово, то впечатление может и померкнуть. Так что лучше я на этом остановлюсь. — И он подмигнул Розе. — Видите, какой я хитрец?

— Да, *ро*, — рассмеялась Роза. — Так оно и есть.

Старик медленно откусил кусок рисового пирога, с трудом его прожевал и сказал:

— Вы так чисто говорите на тагалоге. Должно быть, вы родом из Кесона.

Роза кивнула.

— И вы тоже, *ро*.

— Вам приходилось бывать в Инфанте?

— Я выросла неподалеку, *ро*.

— А вот я родом с Полило.

— В хорошую погоду Полило был виден прямо из моего дома.

— Да... Вот поэтому-то мы с вами приходим обедать в этот парк. Ключок моря, несколько кокосовых пальм... — Старик поднял костлявые руки и оградил ими лицо с обеих сторон. — Если вы будете держать ладони вот так, то увидите только деревья и море, как будто оказались дома.

— Если бы только не запахи и не звуки, *ро*.

— Эх! Запахи и звуки... Да еще море такое грязное, как будто в него стекает вода из канализации, и деревья все пыльные. — Старик еще медленнее откусил от своего рисового пирога и с трудом принялся его жевать.

И жует он тоже как-то безрадостно, — подумала Роза.

Потом он сбросил шлепанец с правой ноги и провел большим пальцем черту в пыли с окурками.

— Ненавижу этот город. Я живу в нем уже тридцать лет и все это время ненавижу его. Возле моего дома совсем нет зелени, не считая растений, которые пробиваются сквозь трещины в асфальте. В вашем районе то же самое?

— Нет, *ро*. Это очень симпатичный район. Там много деревьев и цветов, и многие сейчас цветут.

— Ах цветут! Это красиво, но все равно не то что дома.

— Да, *ро*, — твердо сказала Роза. — Совсем не то что дома.

— Вы жалеете, что уехали?

— Нет. Вернее, даже не знаю. То есть... — Ее брови сошлись от напряжения. — В Маниле я добилась того, о чем даже мечтать не могла. Я врач, мои дети ходят в хорошую школу, у меня большой дом, машина... Не думала, что у меня когда-нибудь будет все это.

— Наверное, все-таки скучаете по дому? — Да, *ро*.

— Вы приехали сюда учиться? — Да.

— Учиться, — повторил старик и покачал головой. — Но ведь это еще не все.

— ...Нет, не все.

— Была и другая причина, а это уже грустная история.

Роза ничего не ответила. Слезы вдруг брызнули у нее из глаз и покатались по щекам.

— Ой, — вскрикнула она и потянулась к сумочке, чтобы достать пакетик бумажных носовых платков. — Даже не знаю, с чего это я вдруг... — Роза нашла пакетик и снова села,

но пакетик так и остался лежать неоткрытым у нее на коленях. — Простите меня, *ро*.

— Эх, — старик взглянул на нее, прищурившись от яркого солнца, и погладил по руке. — Вот именно... Вот именно... Я прожил здесь целых тридцать лет. Никто не приезжает в этот город от хорошей жизни.

— *Стилет*. — Роза обвела буквы еще раз. Кофе остыл, мороженое растаяло, и что-то теплое уже пару минут как притулилось у ее ноги.

— ...Кстати, Раффи, почему ты еще не в кровати?

Над столешницей появились глаза.

— А я совсем не устал.

— Ну иди ко мне. Дай-ка я на тебя погляжу. Роза взяла сына под мышки и усадила себе на колени. Раффи слегка поерзал, устраиваясь поудобнее.

— Хочешь мороженого?

— Нет. Где папа?

— Застрел около Юнайтед-Нейшенс-авеню. Хочешь ему позвонить?

— Хочу.

— Тогда дай мне телефон, я наберу номер. После третьего звонка резкий голос сказал:

— Я задерживаюсь, Роза. Никак не могу отвернуть болты, как будто их приварили.

— Тут один человек хочет с тобой поговорить.

— Тот самый, который еще не спит, хотя ему давно пора?

— Возможно...

— Это он или она?

— Угадай.

— Ладно. — Послышался лязг баллонного ключа о бордюрный камень, потом раздался спокойный голос: — Передай ему трубку.

4

— Здравствуйте, молодой человек. Я слышал, вам не спится?

— Привет, пап. Не спится.

— Понятно...

— Сегодня так жарко, а тут еще комар кусается, хотя мама закрыла дырку в сетке. Их уже несколько.

— Как они умудряются находить дырку?

— Они ее всегда находят!

— Это уж точно. Раффи, но ты ведь можешь спать, не обращая внимания на комаров. Помнишь, сколько их у наших родственников в деревне? Если уж деревенские комары тебе ничем, то что говорить о каких-то городских комариках?

— Гмм. Ну ладно, что с тобой случилось? Почему ты еще не приехал?

— Задержался на работе. Работал с документами японских клиентов. А потом у меня прокололось колесо. Сейчас я его меняю.

— Прокололось колесо? — Угу.

— Хочешь, я помогу тебе его сменить? Я сейчас приеду и...

— Лучше бы ты лег спать, но спасибо за предложение. А теперь скажи: ты уже прочел молитву на ночь?

— Н...нет.

— Забыл?

— Ммм.

— Понятно. Наверное, из-за этого тебе и не спится. Может, прочтешь ее прямо сейчас?

— Я не мог заснуть, потому что не помолился?

— Похоже на то.

— Боженька не давал мне заснуть?

— Точно.
— Правда?
— Да. Если прочтешь молитву сейчас, то сможешь заснуть.
— А почему тогда Он сжег мне грудь?
— ...Это сделал не Боженька.
— Разве Он не мог этому помешать?
— Мог, но...
— Для Него важнее, чтобы дети спали?
— Ну ладно, Раффи. Я тут меняю колесо. Так прочтешь молитву?
Рафаэль помедлил, потом кашлянул.

— Я каждый вечер спать ложусь
И Боженьке всегда молюсь.
И если смерть за мной придет,
Господь пусть душу заберет!

— Очень хорошо, Раффи.
— Мне все равно не хочется спать.
— Захочешь через несколько минут, а сейчас иди ложись. Когда вернусь, зайду к тебе.
И мы немножко поговорим, если ты еще не будешь спать.
— А если Боженька уже найдет на меня сон?
— Я с Ним договорюсь.
— ...Ладно.
— Тогда спокойной ночи.
— Да. Спокойной ночи.

5

Когда неожиданно раздались выстрелы, Роза вздрогнула всем телом и прижала к себе Рафаэля. Всего выстрелов было четыре или пять, после чего наступила тишина, и тут на верхней площадке лестницы появилась Корасон.

— Где это стреляют? Роза огляделась.
— Надо уложить Рафаэля.
— Стреляют! — встрепенулся Рафаэль. — Здорово! А это близко?
— Нет, очень далеко. Только не думай, что из-за этого не пойдешь...

И тут опять послышались выстрелы. На этот раз стреляли дольше и чаще и, судя по звукам, как минимум из двух пистолетов.

— Похоже, это со стороны трущоб, — сразу же определила Корасон.
— Трущоб? — Рафаэль даже задохнулся от волнения. — Мам, это же совсем близко!
Чуть дальше по дороге!

Щурясь от света, на пороге появилась Лита.

— Мам, там стреляют...

Когда выстрелы раздались в третий раз, Розе показалось, будто в костре затрещали сухие ветки.

Лита расплакалась. Тень сомнения сразу же появилась на ликующем лице Рафаэля, и он тоже ударился в слезы.

— Ангелочки мои, — проворковала Корасон, подходя к лестнице... Чего же тут бояться? Мама совершенно права. Это только кажется, что стреляют совсем близко.

Дети посмотрели на мать, но Роза была уже не в состоянии унять беспокойство.

— Пошли, малыши. — Корасон посторонилась и стала подгонять детей в сторону спальни. — Если поторопитесь, спую вам песенку.

— Спасибо, мама, — произнесла через какое-то время Роза, обращаясь к опустевшей

лестничной площадке. Она все еще стояла неподвижно, когда раздались два последних выстрела. Они не были похожи на остальные и прозвучали не так скупно и глухо, но зато более четко и целенаправленно. Такими выстрелами добивают человека.

— Скорее бы все это кончилось, — прошептала Роза. И действительно, в течение нескольких минут было слышно только, как Корасон поет песенку про Песочного человека, который является во сне.

Забывать и не вспоминать

1

Роза и Лито лежали на дешевом одеяле, купленном на рынке в Инфанте. Голова Розы покоилась на груди Лито, а его рука перебирала ее волосы. Рядом аккуратно лежали школьные тетрадки, тонкая сеть, пластмассовое ведро и одежда. Вместо стен и крыши были листья и ветки, а рядом тихо шелестели волны.

— Тебе так удобно? — прошептал Лито. Роза кивнула и спросила:

— А моя голова? Тебе не тяжело?

— Нормально.

— Я могу ее убрать.

— Что может быть лучше, чем твоя голова у меня на груди?

— Тогда ладно. — Роза повернула голову и коснулась губами его живота.

— Как будто тебя натерли спиртом, — прошептала Роза и снова поцеловала его. — Так сладко пахнет.

— Как шоколад?

— Что-то вроде этого.

Земля в лесу источала тонкий аромат палых кокосов, а от песка, принесенного ветром, исходило тепло. В лучах пробивавшегося сквозь листву утреннего солнца их загорелые тела были полосатыми, как у тигров.

2

Первой пострадала учеба. Как же ей было не пострадать, если Роза только и делала, что смотрела в окно? Окна ее класса были без стекол и выходили на покрытый оранжевой пылью двор, за которым виднелся кусочек дороги и несколько домов предместья Инфанты, а за ними начиналась тенистая чаща джунглей с плывущими над ней облаками. Сказочный мир, до которого рукой подать.

— Роза, о чем ты задумалась?

Еще как задумалась, но не о математике, а о том, как ее обнимает Лито. Такое вот интересное уравнение, в котором один плюс один равняется трем.

— Может, расскажешь нам, кто основал Филиппинскую Лигу?

Если будет мальчик, назову Лито, а если девочка, то Лита. Роза решила так уже после их первой близости.

— Где живет американский президент?

В хижине из пальмовых листьев вроде той, в которой выросла она сама. В отличие от Лиши, у Розы не было никаких далеко идущих планов в отношении себя самой или своего будущего мужа. Ее вполне бы устроила хижина из пальмовых листьев с небольшим садом.

— Расскажи о работе сердца.

Роза моргнула, отвернувшись от окна, и с усмешкой взглянула на учителя. Она не знала, с чего начать.

Роза с Лишей сидели на невысокой стене, отделявшей площадку для игр от грязной

проселочной дороги. Слева от них несколько ребят играли в баскетбол. Каждый раз, когда один из тех, что постарше, попадал в кольцо или отбирал мяч, все взгляды устремлялись на двух девушек: а вдруг они заметили? И если те замечали, то глаза ребят светились неподдельной радостью. Справа от Розы с Лишей группа ребят лет восьми-двенадцати прыгала через веревочку под считалочку про Черного пса.

— В наше время, — сказала Лиша, — Черным псом был тата Илад. Мы всегда говорили, что этот бедный старик, который охраняет грядки с ананасами, и есть Черный пес.

— А вот я никогда на него не думала, потому что всегда спотыкалась на шестой или седьмой строчке.

— На седьмой? Это про мертвых цыплят?

Семь цыплят
На земле лежат...

Помнишь, бабушка их считает?

— Нет, — сказала Роза. — Ты ошиблась:

Шесть цыплят
На земле лежат...

И это не седьмая строчка. В седьмой там, помнишь:

Черный пес глядит в окно —
Спит малыш уже давно...

Он смотрит в семь окон.

— Точно! — подтвердила Лиша. — Я изо всех сил старалась не споткнуться на этой строчке! Я думала: стоит только споткнуться, как потом, когда у меня будут свои дети, одного из них съест Черный пес.

— И я так считала, но у меня ничего не получалось, потому что я очень переживала. Помню, однажды пришла домой, расплакалась и сказала маме, что Черный пес придет за моими детьми.

— И что она сделала?

— Отвела к священнику, и он благословил меня, а потом отвела еще раз для верности и взяла с меня обещание не прыгать больше под эту считалку.

— Что это она так разволновалась?!

— Сказала, что когда еще была девочкой, то повстречала двух вишаянцев, которые видели Черного пса собственными глазами. А ведь они никогда раньше не были на Лусоне и не знали эту историю.

— Но ты ведь продолжала под нее прыгать. Мы всегда прыгали под эту считалку.

— Да, продолжала, — пристыженно рассмеялась Роза.. — Зато теперь я бы специально споткнулась на строчке про цыплят, ведь их не так жалко.

— Это точно, — кивнула Лиша.

— Да мы никогда и не держали цыплят... Вдруг баскетбольный мяч, которым играли ребята, покатился в сторону девушек и остановился у ног Лиши. Сисон, старший из ребят, поднял руку, как бы извиняясь, и потрусил за ним.

— Извините...

Лиша ударила по мячу, собираясь послать его в сторону прыгунов через веревочку, но удар пришелся боком, мяч завертелся и покатился прямо к Сисону. Лиша фыркнула от досады.

— Наверное, воображаете, что нам нравится, как вы играете, что мы только и сидим здесь, чтобы украдкой наблюдать за вами.

Сисон почесал в затылке, но промолчал.

— Очень нам нужно смотреть, как вы тут показушничаете, — возмутилась Лиша.

— Ну, — сказал Сисон, подняв мяч и направляясь в сторону своих друзей. — Мы знаем, что тебе это неинтересно, Лиша, ведь ты скоро выходишь замуж. — Неожиданно он обернулся и с каким-то вызовом посмотрел на Розу. — Но не все ведь скоро выходят замуж.

— ...Честно говоря, он прав, — прошептала Лиша, когда Сисон снова вступил в игру. Он продвигался вперед, а мяч, как привязанный, подскакивал рядом, будто сила земного притяжения на какое-то время сконцентрировалась в его ладони. — У тебя же еще нет парня, а... — Лиша коротко вздохнула. — ...Сисон просто красавчик.

Роза не могла скрыть удивления:

— Лиша, как ты можешь такое говорить? А как же Туринг?

— А что я такого сказала? Все знают, что Сисон очень симпатичный.

— Лиша!

— Это я для тебя говорю. У него такие чувственные губы! Неужели он не кажется тебе привлекательным?

— Нет.

— Но почему?

— У него прическа «диско», — быстро ответила Роза и добавила: — Впрочем, Турингу она очень идет.

Лиша хихикнула.

— А вот я так не думаю. Туринг об этом еще не знает, но, как только мы поженимся, я первым делом возьму ножницы и отрежу ему...

Они переглянулись.

— Волосы тоже отрежу, — добавила Лиша, и Роза засмеялась.

Ноги баскетболистов были все в оранжевой пыли со школьного двора. На опушке джунглей показались трое мужчин с мачете и опять скрылись в чаще. Облака перестроились и покатались по небу с обманчивой скоростью.

— В общем... — сказала Роза чуть громче и не так небрежно, как собиралась, и начала снова, но уже тише: — В общем, если я не считаю Сисона привлекательным, то, может быть, потому, что у меня уже есть парень.

— Гс-с! — тут же отозвалась Лиша и приложила палец к губам. Потом оглядела игровую площадку, подняла ноги, посмотрела под стеной, прошла взглядом по заросшей густой травой лужайке между стеной и дорогой и, наконец, подняла воротник футболки и втянула голову в плечи. — Вроде, Эллы нигде не видно. И кто он?

— Я только сказала «может быть».

— Я прекрасно поняла, *что* ты сказала.

— Нет...

— Не нет, а да!

На этот раз Роза засмеялась коротким нервным смехом, который прекратился так же резко, как и начался. Она сделала глубокий вдох, понимая, что еще никому не называла его имя.

— Лито... — Лита нахмурила брови, пытаясь представить себе, о ком идет речь. — Лито, Лито... Он не ходит в школу?

— Нет.

— Это случайно не сын аптекаря Илокано из Инфанты?

— Да нет. Он из соседнего квартала. У него своя лодка. По утрам он всегда ловит рыбу рядом с церковью Абиавина.

— Ах, это *тот* Лито?

— Да, у него еще на лодке нарисовано...

— Я знаю, о ком ты говоришь, — перебила Лиша, и ее лицо сделалось серьезным. —

Это сын таты Вина.

— Ты знаешь тату Вина?

— Отец был с ним знаком, но... — Лиша вдруг запнулась и поднесла ладонь к щеке. — Ты и Лито... А ты что, уже влюбилась в него?

— Лиша, теперь я понимаю *все*, что ты чувствуешь к Турингу.

— Ты спала с ним.

— Мы собираемся пожениться.

— Твои родители ничего не знают.

— Я в него по уши влюблена!

— ...По уши.

— Неужели... Неужели ты не рада за меня? Похоже, ты не очень-то рада.

— Роза, — произнесла Лиша отсутствующим голосом, обращаясь скорее к самой себе, но тут же взяла себя в руки. — Конечно же, я рада за тебя. Я просто удивилась, вот и все. Ведь я даже не думала, что у тебя кто-то есть, и...

— И?..

Тут самообладание опять покинуло Лишу. — И ты такая красивая! Ты одна из самых, нет, самая красивая девушка во всей Инфанте, а может, и на всем Лусоне. Любой из этих парней готов отправиться вплавать на Полило ради тебя, а Сисон на карачках взберется на...

— Сисон?

— ...Сьерра-Мадре.

— Лиша, о чем это ты? Я тебя совсем не понимаю.

— Я... А я ничего и не говорю. Какая же я дура! — И Лиша покачала головой. — Роза!

— Да?

— Я просто дура, — улыбнулась Лиша. — Любовь — это прекрасно, правда?

— Да, — ответила Роза, не понимая, почему от этой улыбки у нее по спине вдруг побежала струйка пота.

— Это прекрасно, и я, конечно же, очень рада за тебя.

3

Ливень разразился в тот вечер так же неожиданно, как драка в церкви. Он хлестал с такой силой, что срывал ветви с пальм. Однако дождь, раскаты грома и сверкание молний были сущим пустяком по сравнению с налетевшим затем ветром. С наступлением темноты ветер превратился в настоящий тайфун, который запросто мог поднять в воздух дом и разметать его по рисовому полю.

Роза сидела в круге света от керосиновой лампы, испуганно прижавшись к Корасон. Она чувствовала, что губы матери шевелятся возле ее уха, но не могла разобрать слов из-за шума бури. Наверное, она читала молитву по-испански, считая, что к Богу следует обращаться именно на этом языке, если хочешь чего-то добиться. *«Господи, спаси и сохрани дом сей и домочадцев его»*...

Раздался новый удар грома такой силы, что небо словно расколосось до самого горизонта, и Корасон еще крепче прижала ее к себе. Роза решила на мгновение открыть глаза и увидела, как белые струи дождя хлещут по темным стенам дома. Тайфун заглядывал в дом сквозь щели в циновках из пальмовых листьев. Роза еще сильнее прильнула к матери и решила не открывать глаз, пока не взойдет солнце.

Но день так по-настоящему и не наступил. Прошло несколько часов. Проснулся Доминг, и это было единственным признаком того, что солнце встало. Он выпался лучше жены с дочерью, потому что не слышал раскатов грома. Когда он потянулся, Корасон осторожно высвободилась из объятий Розы и пошла на кухню готовить завтрак.

Роза наблюдала, как отец пытается определить силу бури, прижавшись плечом к двери и ощущая ее вибрацию. Его брови нахмурились, и это был знак, что весь день придется просидеть дома. Несколько минут он молча барабанил пальцами по животу, а потом уселся

за шаткий столик и уставился на свои похожие на обрубки пальцы. Слева от него лежали рыболовные крючки, справа — мотки голубой лески, а прямо перед ним быстро росла кучка снаряженных крючков.

Все утро Роза помогала отцу. Потом они стали вместе точить ножи: сначала для него, а потом для Корасон. После обеда Доминг починил шатающийся столик, и они до вечера играли в подкидного, хотя в колоде и не хватало двойки бубей.

Следующий день прошел почти так же, только работа по дому была другая. То же и на третий день. Четвертый день был не похож на остальные только тем, что Роза поняла: она сойдет с ума, если немедленно не увидит Лито.

4

— И не думай даже. Тебе разобьет голову кокосовым орехом.

— На пальмах уже не осталось ни одного ореха, Да и ветер стих.

— Стих? — Корасон приложила ладонь к уху. — Стих? Да ты такая же глухая, как твой отец. Неужели ты не слышишь этот рев за дверью, как будто там летит реактивный самолет?

— Я слышу тебя, а это значит, что ветер утих.

— Не умничай, в этом нет ничего хорошего. — Но...

— Нет! Если Лише нужны тетрадки, пускай сама за ними приходит.

— Это я их у нее одолжила и должна была вернуть на следующее утро, а прошло уже несколько дней.

— Ну и что?

— А то, что она запустит учебу, — сказала Роза, зная, что мать ничего не смыслит в современном школьном образовании и ее легко сбить с толку, — и срежется на экзаменах.

— Зачем ей экзамены, если она выходит замуж за Туринга?

— Она хочет стать учительницей.

— Зачем ей это?

— Но Туринг так хочет... Это для него очень важно, и...

— Вряд ли он этого хочет, — прервала ее Корасон, но Роза уловила нотку сомнения в голосе матери. Она понимала, что матери очень не хочется стать помехой для такого важного события, как свадьба. — Уж если Лише так нужны ее драгоценные тетради, отец их отнесет.

— Ну да, — уверенно проговорила Роза. — А ты сможешь объяснить ему жестами: отнеси эти тетради Лише?

— ...Конечно, смогу.

— Интересно как?

— Очень просто. Он знает Лишу по имени и знает, где она живет.

— Но он не знает, что родители Лиши уехали в Кардону, чтобы все закупить к свадьбе, а Лиша осталась с братом подруги ее тети, который живет в Инфанте.

— Брат подруги тети? Это еще кто?

— Просто брат подруги...

— ...ее тети.

Роза кивнула.

— У него большой дом, и он может приютить всех детей.

Корасон задержалась взглядом на Доминге, который усердно выводил двойку бубей на карте, и пробормотала:

— О боже! И зачем только я вышла замуж за неграмотного?

Ветер и в самом деле значительно ослабел после того, как тайфун умерил свою ярость, иначе Корасон ни за что бы не отпустила Розу. Но идти было все равно тяжело, особенно из-за промокшей юбки. Она то раздувалась, как шар, и тащила Розу в сторону, то штопором закручивалась вокруг ног.

Роза немного отошла от дома и засунула тетрадки под плоский камень. Они там промокнули, но записи карандашом все равно можно будет прочесть. Впрочем, Лиша и не собиралась сдавать экзамены и тем более становиться учительницей. Роза взяла у нее тетради только потому, что иначе их бы просто выбросили или дедушка Лиши использовал их на самокрутки — не пропадать же такому количеству бумаги. На самом же деле тетрадям нашлось еще лучшее применение.

Пока она шла к дому Лито, ее волновало только одно: как дать ему знать, что она здесь? Если бы она постучала в дверь, то пришлось бы знакомиться с его семьей и их тайные встречи стали бы явными. Роза чувствовала, что еще не время. Она инстинктивно понимала, что требуется подготовиться к этому Корасон, и реакция Лиши только утвердила ее в этом мнении.

Но оказалось, что беспокоиться не о чем. Когда Роза приблизилась к тому месту, где они обычно встречались, то увидела сквозь пелену дождя тонкую фигуру, которую невозможно было спутать ни с одной другой.

Роза не могла понять, как он вычислил, когда именно она появится. Может быть, он ждал ее с тех пор, как тайфун пошел на убыль, а может, у влюбленных существует особая телепатическая связь. Она так и не смогла задать этот вопрос, забывшись в его объятиях и прильнув к его губам.

5

Когда Доминг вошел в дом, у него были совершенно красные глаза, а изо рта и ушей стекали струйки крови. Осколки бутылки, в которой был динамит, впились в его грудь и лоб, и ему просто чудом удалось сохранить глаза. Судя по выражению его лица, он совершенно не понимал, что с ним произошло, и добрался до дому чисто автоматически. Это выражение и заторможенность остались и много месяцев спустя. Это была контузия, и очень сильная, ведь динамит взорвался всего в метре от него.

Роза увидела Эллу через плечо Лито. Листья почти скрывали ее, струи дождя стекали по толстым линзам ее очков, а губы округлились от удивления. Она сидела на корточках, задрав платье на бедра, как будто собиралась справить нужду. Как она здесь оказалась? Ведь ее дом был в десяти минутах ходьбы отсюда. Должно быть, она увидела, как Роза проходила мимо, и пошла за ней, понимая, что тут должна быть какая-то причина и не мешало бы пошпионить. Уж в этом-то сплетницы знают толк.

Элла убежала еще до того, как Роза успела вскрикнуть и сбросить с себя Лито. Она все видела, и с этим уже ничего нельзя было поделать.

Роза выбежала из-за деревьев на влажный холодный песок пляжа. Дождь хлестал по ее обнаженному телу. Она подняла сжатые в кулаки руки, грозя фигуре, успевшей убежать довольно далеко, и крикнула:

— Шпионка! — а потом, уже с гневом и отчаянием: — Вернись!

Элла на секунду остановилась, обернулась через плечо и припустила снова.

Perro mio

1

Роза стояла на кухне, прижимая к уху телефонную трубку. Каждые двадцать-тридцать секунд она нажимала на рычаг и сразу же после этого — на кнопку автоматического набора. Она разрывалась между надеждой и отчаянием, но каждый раз, стиснув зубы, выслушивала сообщение, что телефон мужа отключен, совершенно точно зная, что это не так. Она дважды слышала пару звонков, после чего связь опять почему-то прерывалась. Возможно, все дело было в недостаточной мощности передатчика, севших батарейках мобильного или просто в

невезении, но ее беспокойство возрастало с каждым нажатием на кнопку автоматического набора. Роза относилась к невезению так же серьезно, как ко всему остальному. И на работе и вне ее она видела много людей, пострадавших только от того, что все пошло не так, как обычно.

— Ну же! — произнесла Роза, вновь набирая номер. — Ну же!

— Роза? — раздался голос мужа, такой слабый, что, казалось, шел откуда-то очень издалека.

— Ну наконец-то, слава богу, дозвонилась. Я уже стала беспокоиться.

— ...Дорогая, я тебя едва слышу.

— Я говорю, что стала беспокоиться! У нас тут поблизости идет стрельба. Никто из нас не пострадал, но будь осторожен, подъезжая к дому. Может, тебе даже лучше немного задержаться.

Несколько секунд в трубке царил тишина, потом голос мужа произнес:

— Роза? Ты меня слышишь? Я тебя почти не слышу.

— Я говорю, что...

— Говори громче! Роза повысила голос:

— Я говорю, возвращайся осторожно, а лучше немного задержишься. Тут рядом стреляют.

— Я уже почти заменил колесо, — ответил муж.

— ...Что?

— Ну и намучился я с этими болтами!

— Сонни, послушай же! Тут рядом на улице идет стрельба...

— Но уже почти закончил, сейчас приеду. Я сказала, не возвращайся!

— Еле тебя слышу, дорогая, сплошной шум.

— Алло!

— Сплошной шум.

— Сонни! Тебе хоть что-нибудь слышно?

— Хорошо, что хоть ты меня слышишь...

— Сонни, да выслушай же меня! Подожди возвращаться домой!

— Я уже почти закончил и скоро приеду.

— *Нет!* — выкрикнула Роза. — *Слушай меня!* Голос мужа окончательно пропал на фоне помех.

2

— Я слышала, как ты кричала. Не надо было кричать. Я пыталась успокоить малышей, пела им, чтобы они поскорее уснули, но разве ребенок уснет, если он слышит, как кричит его мать?

Роза кивнула.

— Я знаю. Извини. Это телефон... Я пыталась поговорить с Сонни, но линия...

— Сонни? Он заменил колесо? Он едет домой? Ты не попыталась его остановить?

— Похоже, он меня не слышал.

— А ты можешь ему перезвонить?

— Не могу дозвониться. Много раз пыталась, а соединилось только один раз. Он меня совсем не слышал, а я не понимала, о чем он говорит.

Корасон заметила, что у Розы дрожит нижняя губа, и окинула дочь строгим взглядом.

— У нас нет причин для волнения. Сонни — человек умный, выпутается из любой ситуации. А этих бандитов, должно быть, уже и след простыл. Станут они здесь торчать после такой перестрелки!

— Ты права, — согласилась Роза и быстро повторила для большей убедительности: — Ты права, они захотят как можно быстрее убраться отсюда.

— Вот именно, — сказала Корасон и размазала по блюдцу остатки мороженого, которое ела Роза. Всего лишь блюдце и ложка. Их и мыть-то не надо, а просто подержать под краном. — Так что нечего тут сидеть и переживать. Давай лучше сделаем что-нибудь полезное, например приберемся.

Проходя мимо Розы, Корасон погладила ее по руке. Это была старая привычка, напоминание о прошлой жизни, знак поддержки и утешения, который казался неуместным после того, как Роза уехала из городка в Манилу. Даже когда Доминг умер, между ней и матерью не исчезло отчуждение, оно разделяло их невидимой стеной, как два магнита, если держать их на определенном расстоянии. Корасон обычно ощущала это как молчаливое соглашение, которое приходит, когда дети удивительно быстро взрослеют и начинают тяготиться обществом родителей. Иногда же ей казалось, что это была цена, которую ей приходится платить за то, что она отослала своего ребенка из родного городка, где ничего не стоило угодить в ловушку. Но временами Корасон чувствовала, что дело в чем-то другом.

Она помнила, что в последний раз смогла прикоснуться к дочери, не думая, что прикасается к ней, во время того ужасного тайфуна. Дождь шел несколько дней подряд, и каждую ночь Роза спала в ее объятиях. Она хорошо помнила, как у нее затекали руки и ей все время хотелось поменять позу. Но дело было совсем не в том, что у нее болели руки. С того времени не проходило и дня, чтобы ей не хотелось вновь пережить эти счастливые мгновения.

Но с тех пор как Роза уехала из городка и начала новую жизнь в Маниле, все ограничивалось поглаживанием по руке и другими подобными жестами. А ведь Роза уехала сразу после бури.

Странные и непонятные мысли, лучше гнать их от себя.

Впрочем, зачем задумываться о том, что и так очевидно? Тут все понятно: если кто-то и виноват в том, как сложились их отношения, то только Манила. Этот город меняет почти всех, кто в него попадает. Видимо, так произошло и с ее дочерью. Дело не в возрасте и не в цене, которую приходится платить. Просто это страшный город.

Как и следовало ожидать, блюдце из-под мороженого легко отмылось, и Корасон задумалась: что бы такое еще сделать? Нужно придумать какое-нибудь обычное и спокойное занятие. Уж если она не может обнять собственную дочь, то в состоянии хотя бы успокоить ее и окружить заботой.

Все еще в плену этих мыслей, Корасон подняла глаза от мойки и выглянула в окно. Тучи насекомых вились в свете уличных фонарей. Их было необычайно много, и они, как будто во сне, кружились в каком-то грациозном медленном танце.

А еще она увидела чью-то тень, которая, казалось, тоже пришла из снов, из детских страхов.

3

Не отрывая глаз от окна, Корасон на два-три шага отступила от мойки, так что Розе пришлось отодвинуться вместе со стулом. Наверху послышался какой-то шум. Это был звук шагов детей, которые выбрались из кроватей.

Роза спросила у Корасон, что она увидела в окне, и та прижала руку к щеке. Роза не ощутила особого беспокойства. Ей и в голову не пришло как-то связывать это с перестрелкой десять минут назад, тем более что лицо матери выражало скорее изумление, чем тревогу. Она почти улыбалась.

— Мне показалось, что я увидела... — сказала Корасон, но так и не закончила фразу.

— Мам! — позвала Лита.

Роза посмотрела в сторону детской, потом перевела взгляд на мать. Все еще держась рукой за щеку, Корасон снова как-то испуганно взглянула в окно.

— Мам! — Голос Литы шел сверху и звучал гораздо громче и требовательнее.

Роза встрепенулась:

— Дорогая, не выходи из комнаты!

— Ты придешь к нам?

— Да, — ответила Роза, но так и не двинулась с места. — Сейчас иду. Немедленно вернись к себе.

— Мне показалось, что я увидела...

Человек стоял на коленях, опираясь на руки, прямо посреди дороги. Его одежда и голова были покрыты коркой какой-то блестящей грязи. Он тяжело дышал, голова болталась из стороны в сторону, а в руке был пистолет.

Неожиданно он откатился в сторону, выбросив вперед руки. Пистолет описал дугу и усталился в какую-то точку позади него, откуда в ярком свете фонарей появились двое.

Имя твое никто

1

За девять лет, с тех пор как она уехала из городка, Роза всего пять раз возвращалась обратно через горы Сьерра-Мадре. Учась в колледже на медицинском факультете, Роза приезжала домой раз в год на Рождество и не задерживалась больше чем на три дня. Но после того как на первом курсе Роза познакомилась с Сонни, она больше ни разу не была дома. Свадьба состоялась через восемь месяцев в Ватангесе, где жила семья Сонни.

Дважды в год Корасон и Доминг навещали Розу в Маниле, останавливаясь у дяди Рэя. На это были две причины. Во-первых, они скучали по дочери, особенно Доминг, который так до конца и не понял, отчего Роза столь неожиданно уехала из городка; во-вторых, чтобы попросить дядю Рэя выделить очередную сумму денег на учебу Розы. Рэй никогда им в этом не отказывал, и именно по его настоянию Роза пошла на медицинский. Как правило, он переводил деньги уже за несколько дней до приезда Корасон и Доминга.

Если бы Доминг был жив, в шестой раз Роза не приехала бы в городок. Даже если бы отец жил вечно.

Многое изменилось за эти девять лет: лесопилка расширилась, уничтожив все леса вокруг Инфанты, и началась вырубка джунглей вдоль горной дороги. Река, вид на которую открывался с того места, где дорога начинает спускаться к побережью, была вся коричневой от оползней в районах сплошной вырубки. Участок между Синилоаном и Реалом был заасфальтирован, и там стояли японские и корейские седаны. В отличие от маршруток, объезжавших бесчисленные рытвины и ухабы и едва делавших пятнадцать миль в час, эти машины развивали скорость тридцать и даже сорок миль.

Но это было только начало.

Никто даже не смотрел на проезжавшие машины и не пытался проголосовать, потому что они мчались слишком быстро. Куда-то исчезли лошади, которые паслись на лугу сразу за крутым поворотом. Горные ручьи текли теперь в нужном направлении по бетонным трубам. Вся поездка заняла на два с половиной часа меньше, чем обычно.

— Прямо не узнать, — отметил Сонни, нажав на педаль «хонды», чтобы обогнать рейсовый автобус.

— Ты даже не представляешь, — отозвалась Роза. — Здесь кругом были джунгли, вместо шоссе шла грязная проселочная дорога, и не было линии электропередач.

— Зато представь себе! — Сонни осторожно взглянул на жену. — Олени паслись на лугах, заросших дикими орхидеями. Диковинные птицы клевали фрукты прямо из рук детей.

— Гмм.

— Мамонты спускались с вершин окрестных гор...

Никакой реакции.

— Роза, — сказал чуть погодя Сонни и погладил ее колено, протянув руку через рукоятку переключения скоростей. — Неужели ты так и не улыбнешься?

Роза помотала головой, хотя и погладила в ответ руку Сонни.

— Нет, не улыбнусь. Извини.

— Ну ладно, — быстро ответил он. — Не извиняйся. Я просто пытаюсь...

— Пытаешься меня поддержать.

— Я сделаю все, что смогу, если скажешь, что делать.

— Не надо ничего делать.

— И все-таки если передумаешь...

— Хорошо.

— Скажи мне.

— Скажу.

Рафаэль лежал на коленях у Розы, и его дергало и мотало на поворотах. Ему был год и два месяца, и он спал крепче, чем его старшая сестра, когда ей было столько же.

2

Роза почувствовала себя плохо, когда дорога пошла вдоль берега, а значит, до Инфанты и Сарапа оставалось каких-нибудь полчаса езды. Она попросила Сонни остановить машину, передала ему ребенка, вышла, и ее вырвало. Сонни тоже вылез из машины и встал сзади. Это напомнило ей о Лито, о дохлой свинье на берегу, и ее вырвало еще раз.

— Ты слишком разволновалась, — сказал Сонни. — Давай вернемся в Манилу, а к Корасон я завтра приеду один.

— Нет, — бросила через плечо Роза. — Я не могу не приехать на похороны отца. Дай мне немного побыть одной, и все пройдет.

Она спустилась к песчаному пляжу по заросшему травой склону. Чувствуя, что муж и дети смотрят на нее из машины, Роза выбрала место, где деревья и кусты на обочине скрывали ярко-голубую машину, и села у самой кромки воды.

— Твоя красота так же неповторима, как отпечатки пальцев.

Это было неожиданно и прозвучало искренне и с какой-то заранее обдуманной торжественностью. Роза много раз мысленно возвращалась к этим словам, подозревая, что Лито позаимствовал фразу из какой-то старой книжки. А еще она думала, что в следующей фразе будет предложение выйти за него замуж. И она согласилась бы, если бы сама распоряжалась своей жизнью.

Но вместо этого Роза сказала ему, что через два дня садится на маршрутку и уезжает в Манилу, где будет жить у дяди Рэя, и что им, может быть, больше не суждено увидеться.

Лито ответил, что не верит ей. У него был такой взгляд, будто он только что, шатаясь, вышел из моря, весь утыканный осколками стекла, с кровоточащими ушами. Роза подумала, что у нее сейчас, наверное, такое же выражение лица. Во всяком случае, внутри она чувствовала себя именно так. Она закричала Лито, что все это правда — она действительно уезжает, — но голос прозвучал глухо, как через слой ваты. И это был не голос, а скорее, шепот.

Лито спросил почему. Почему в Манилу, почему им больше не суждено увидеться. Но вместо ответа Роза бросилась вперед и ударила его, вернее, принялась царапать его. Его грудь.

Ей трудно было вспомнить детали, объяснить себе, почему она так себя повела. Она знала только, что так надо. Просто надо, и все.

Ее оторвал от Лито отец. Когда она рано утром выбежала из дому, он украдкой пошел за ней так же бесшумно, как бесшумен был мир, в котором он существовал. Доминг совершенно не понял сцену из немого кино, разыгравшуюся перед ним накануне вечером,

глядя на перекошенные злобой и ненавистью рты Корасон и Розы, но достаточно хорошо уяснил все последствия. Он увидел их на лице дочери, на лице Лито. Да, Доминг все понял, взглянув на Лито.

На этого парня со странно изуродованной грудью, который шатался, как от взрыва динамита. На сына таты Вина — человека со странно изуродованной ногой, высохшей, как у жертвы полиомиелита. Эту ногу можно было обхватить пальцами одной руки. Но все-таки тата Вин выглядел лучше своего отца, у которого вообще не было рук ниже локтей. Невольно возникала мысль: чем же эта семья заслужила такое проклятие?

Доминг остановился и присел, пройдя метров триста вдоль берега. Он все еще прижимал к себе Розу, изо всех сил сдерживая ее ярость одной рукой, а другой гладя ее по голове. Нужно только подождать, пока рассеется красный туман и она перестанет вырываться, как дикая кошка. Похоже, она постепенно успокаивалась.

Он отпустил Розу и посмотрел ей в глаза, пытаясь понять, пришла ли она в себя. А когда понял, что пришла, потому что ее глаза сделались пустыми, то успокоился. Он знал: что бы ни послужило причиной этой вспышки, все уже позади.

3

Доминг лежал в открытом гробу. Это был хороший гроб с позолоченными медными ручками и пластиковым окошком в крышке. Он был куплен на деньги Сонни, который содержал семью, пока Роза проходила медицинскую практику. Присутствующие хвалили Сонни за столь шикарные похороны, которые он устроил своему тестю.

— Вряд ли я потратился бы так же ради своего тестя, — пробормотал Туринг, который уже успел влить в себя несколько бутылок пива. А вливать было куда: у него вырос такой огромный живот, что Роза даже не сразу узнала Туринга. — Да это же я! — бодро воскликнул он. — Никогда бы не женился на Лише, если бы знал, что она так хорошо готовит!

Зато Лишу Роза узнала сразу. Та, конечно же, постарела и растолстела, родив троих детей, но в общем осталась все той же. Кроме того, они с Розой не раз обменивались фотографиями за те пять лет, что прошли со времени их последней встречи. Похоже, Лишу снимал толстяк Туринг, поэтому его и не было на фотографиях.

А еще Роза легко узнала Эллу. Если у Лиши походка стала плавной, то Элла двигалась стремительно, таща за собой худенького морщинистого человека с озабоченным выражением на лице.

— Прими мои глубочайшие соболезнования, — сказала Элла. — Нам всем будет не хватать твоего отца.

Роза не решилась раскрыть рот, боясь наговорить лишнего, поэтому просто кивнула ей в ответ и повернулась в сторону Лиши, которая осыпала градом поцелуев и сжимала в объятиях смущенную Литу. Вскоре Элла с мужем ушли.

Позже, около двенадцати ночи, когда сон сморил самых маленьких и самых пожилых, — некоторые из них ушли к себе, других уложили спать в доме, — все остальные вышли на улицу. Подростки сидели вокруг керосиновой лампы и по очереди пели последние шлягеры. Относительно последние. Роза отметила, что городок все еще значительно отстает от Манилы.

Сонни же очутился в компании мужей. Там шла пьянка, организованная Турингом. Непривычный к местному самогону, Сонни понял, что перебрал, но было уже поздно.

Корасон сидела возле гроба, положив руку на пластиковое окошко. Она сидела так со времени приезда Розы и собиралась пробыть с покойным мужем до утра, когда гроб должны были отнести в церковь.

Роза и Лиша сели отдельно от других и принялись болтать. Об этом они мечтали весь

вечер.

— А теперь, — сказала Лиша, налив себе рюмочку из собственных запасов самогона, — может, поговорим о тебе?

— Нет, не стоит. Лучше расскажи о себе. Ты так замечательно выглядишь, и все дети у тебя красивые.

— Спасибо. Тут я согласна, но вот о моем муже этого не скажешь. Сонни в жизни лучше, чем на фотографиях, а вот ты заметила, что фотографии Туринга...

— Я не видела его фотографий, ведь ты мне их не присылала.

— Точно. Я не присылала тебе фотографий бегемотовой задницы.

— Лиша!

— Я просто пошутила.

— У вас... какие-то проблемы?

— Да нет, все замечательно. Я очень счастлива в браке и надеюсь, что так будет и дальше.

— Приятно слышать.

— Хотя должна признаться, я сомневаюсь, что третий ребенок — от него. Это девочка, поэтому, если мои подозрения подтвердятся, будет не так уж заметно. Вот если бы это был мальчик... но о таком лучше даже не думать.

Роза нахмурилась, пытаясь понять что к чему.

— Это Сисон, — сказала Лиша чуть громче чем следовало и залпом опрокинула рюмку. — Не смотри на меня так. Я противилась этому целых четыре года, но он постоянно стоял у меня перед глазами. Такой красивый, с баскетбольным мячом в руке. Я просто места себе не находила.

Выходит, Роза была неправа. И в конце концов она улыбнулась.

И только о Лито речь так и не зашла. В какой-то момент у Розы возникло искушение спросить о нем. Она знала из писем Лиши, что он по-прежнему рыбачит и еще не женился, но теперь, когда они сидели друг против друга, спросить оказалось совсем не просто.

Розе почти хотелось увидеть его и узнать о нем что-нибудь, даже не поговорить, а просто взглянуть на него. Все ли у него в порядке? Прошел ли он тот же путь, что и она?

До той же точки, что и она.

Она чувствовала вину перед Сонни за то, что думает о Лито, вину перед отцом за то, что именно из-за Лито ей так тяжело приезжать в Сарап.

Может быть, он появится завтра на похоронах. Хорошо бы.

4

Роза уложила подругу рядом с детьми за той самой занавеской, где когда-то была ее спальня. Рафаэль лежал прикрытый, как щитом, правой рукой Розы. Лиша легла валетом рядом с Литой, но девочка была слишком большой, поэтому пришлось подложить руку ей под голову.

Для Сонни места не осталось, но к тому времени, когда он понял, что ему пора прекратить пить и надо наконец-то лечь спать, ему было уже абсолютно все равно где. Он проснулся в пять утра в тяжелом похмелье и с удивлением увидел ноги Корасон в нескольких сантиметрах от своего лица. Удивление сменилось ужасом, когда он понял, что забрался под козлы, на которых стоял гроб Доминга.

Это частично объясняло те отрывочные сны, которые преследовали его все эти три часа. Ему снилась собственная смерть от самых разных причин, но неизменно от руки толстого парня с лесопилки, который заставлял его пить, как настоящий садист.

— Ну, еще по одной! — кричал Туринг, доставая нож из заднего кармана. — Еще по одной! — И принимался колоть Сонни ножом в шею.

— Нет, — вежливо возражал Сонни. — С меня уже достаточно.

— Еще по одной! — и на этот раз в руке парня возникал пистолет или мачете.

Лише тоже снился сон про Туринга. Она играла в баскетбол вдвоем с Сисоном, а вместо мяча была голова Туринга.

— Корасон, я... Умоляю, простите меня, *ро*, — попытался произнести Сонни, на карачках выбираясь из-под гроба, но так и не смог разлепить спекшиеся губы. К счастью, Корасон слишком устала и не услышала странные скулящие звуки, которые издавал ее зять.

Сонни с трудом выпрямился, отчаянно пытаясь набрать в рот слюны и разлепить языком непослушные губы. Он отряхнул рубашку, собрался и сделал вторую попытку:

— Не знаю, что и сказать, *ро*... Мне нечего сказать. Я так виноват...

— Ах, Сонни, — проговорила в ответ Корасон, глядя на него мутными, налитыми кровью глазами. — Я тоже виновата. Мне тоже очень жаль. Не знаю, как мне теперь жить без него, но уверена, что он сейчас в раю. Он всю жизнь был хорошим человеком, и вот теперь Христос призвал его к себе.

Сонни непонимающе уставился на нее.

— Я очень ценю, что вы провели всю ночь рядом со мной. Я этого не забуду.

— Мне... мне это было совсем не трудно.

— Я счастлива, что Господь послал моей дочери такого мужа. Вы просто чудесный молодой человек.

— Спасибо, — выдавил из себя Сонни, в то время как его мозг боролся с сидевшей в нем отравой, пытаясь хоть немного контролировать ситуацию. — А вы просто чудесная старушка.

Мутные глаза Корасон вдруг широко раскрылись.

— Что вы сказали?

— Я сказал, что хочу пить.

— Разве вы *это* сказали?

— Да, — решительно подтвердил Сонни, разом покончив с неопределенностью. — Именно это. Очень хочется пить. Где тут вода?

— ...Она там, в глиняном горшке.

— А, — сказал Сонни, слегка опершись рукой о гроб, чтобы не упасть, — вот где она.

«Чудесная старушка», — все еще повторял про себя Сонни час спустя, протрезвев благодаря сладкому черному кофе и свежему утреннему воздуху. И как только у меня язык повернулся?

Лиша и Лита все еще спали, а Роза кормила ребенка грудью, наблюдая сквозь щель в пальмовых циновках, как Сонни ходит кругами по участку. Он то и дело спотыкался и судорожно прижимал руки к вискам.

Роза не понимала причину столь странного поведения, да особенно и не пыталась. Ей тоже снились в ту ночь яркие повторяющиеся сны, такие же порочные, как у Лиши, хотя и не столь откровенные. И она почувствовала облегчение, когда, проснувшись, могла смотреть на мужа, ощущая, что любит его.

5

Долгий путь в церковь и бесконечная служба прошли для Розы как в тумане. Все то утро ее мозг отмечал лишь незначительные детали: слой желтой пыли на ее черном платье из хлопка, длина шага Литы в сравнении с ее собственным (почти вдвое короче) и какое-то жужжание в голосе священника, из-за чего невозможно было понять, о чем он говорит.

Именно священник больше всего раздражал Розу, пока похоронная процессия не вышла из церкви и не направилась в сторону кладбища. Она чувствовала раздражение, наблюдая за этим пухлым, самодовольным девственником, который добровольно выбрал путь наибольшего самоограничения. Ей казалось абсурдным, что столь далекий от жизни

человек может провожать в последний путь других.

— Я хорошо знал тату Доминга, — загнусавил священник, и Роза едва сдержалась, чтобы не перебить его.

«Да заткнись же ты, — твердила она про себя. — Ты не можешь хорошо знать никого и ничего».

Ей вдруг так захотелось все это высказать, что она залилась краской, опасаясь, что ее мысли подслушают сидящие рядом люди. Неожиданно Рафаэль принялся громко плакать и вырываться из рук Розы. Сонни делал знаки, чтобы она передала ему ребенка, но вместо этого Роза, воспользовавшись представившейся возможностью, покинула службу.

— Наверное, он проголодался, а здесь слишком жарко, — прошептала она, проходя мимо Сонни и Корасон, прекрасно сознавая, что дело совсем не в этом. Похоже, Корасон тоже все поняла, но если и осудила Розу за этот поступок, то не подала виду. Вместо этого она кивнула в ответ и неловко, но ласково погладила дочь по ноге.

Роза сидела в кафе напротив церкви. Рафаэль успокоился и безмятежно жевал соломинку от коктейля. И вот тут-то она увидела Лито.

Она сидела за столиком метрах в двадцати от того места, где он стоял в тени парусинового навеса. Лито с удивлением обнаружил, насколько все в ней ему знакомо. Не только ее черты, фигура, но и поза, и мельчайшие жесты. Когда она наклонила голову, он уже знал, насколько именно она ее наклонит, потому что понимал смысл этого движения. Он знал, что она щурится от солнца и слепящей глаза дороги, на которой он стоит, знал, что все в нем ей знакомо, как и ему в ней. А еще он знал, что ей приятно его видеть, еще до того, как она вскочила и бросилась к нему через дорогу.

Он знал, что может остановить ее на бегу, просто подняв руку.

Он знал *все*.

И это пугало его.

Знал, что она не пойдет за ним.

Время ничто не изменило. На руках у нее ребенок, глаза смотрят ему в спину. В груди у него боль, а в руке — бутылка.

Маленькая зеленая бутылка.

Ему стало страшно.

6

Ей стало страшно.

Она подумала: один лишь взгляд скажет ей обо всем, что ей так нужно узнать, — проделал ли он тот же путь, что и она, все ли у него в порядке. И правда, одного взгляда оказалось достаточно.

«Не хочу, чтобы мои внуки родились уродами!» — выкрикнула Корасон, когда бушевал тайфун.

Теперь же, глядя на Лито, Роза понимала, что у него отсутствует не просто часть тела. От этой стоящей под солнцем тени струилась пустота: его тело просто исчезло. Он исчез.

Когда священник наконец-то закончил утомительную службу и люди потянулись из церкви, Роза все еще стояла на том самом месте, где ее остановила поднятая рука Лито. Волосы на голове Рафаэля слиплись от пота, и он тяжело дышал. Когда Сонни попытался забрать у нее ребенка, руки Розы были тяжелыми и неподвижными, как железо.

— Что такое? — спросил Сонни, ощущая собственную беспомощность и ненавидя себя за столь дурацкий вопрос в день похорон. Когда Роза не ответила, он чуть не попытался вновь забрать у нее ребенка, но передумал, глядя на застывшее лицо. По правде говоря, он просто испугался.

Пять лет спустя, меняя колесо, он сказал Рафаэлю, что его грудь сжег совсем не Бог.

Сонни просто не мог допустить, чтобы Бог был виноват в том, что он, Сонни, в тот момент струсил.

7

Для Рафаэля же все события сложились в цепочку, и понадобились годы, чтобы ее объяснить. Некоторые детали были просто опущены, учитывая его возраст. В далеко не полном виде цепочка событий приняла форму рассказа о ревнивом человеке. Однако со временем Рафаэль станет считать себя мальчиком, жизнь которого разделилась на две части: одна биологическая, а другая — анатомическая. Одна состояла из промежутка в девять месяцев, от зачатия до рождения, а вторая растянулась на целых девять лет. И, в конечном счете, мальчиком, у которого два отца.

Доминг умер у ворот кладбища. Он еще жил во всех других местах: в доме, по дороге в церковь, в самой церкви. Да, жил, ведь невозможно никуда уехать, пока водитель не вывел автобус из парка. Просто он лежал очень тихо.

Но у ворот кладбища он умер. Понимание этого вдруг всей тяжестью обрушилось на Розу, и слезы полились у нее из глаз. Они все текли у нее по лицу, пока процессия шла по мощеной дорожке между могилами, а когда открыли маленький семейный склеп, она зарыдала.

Сонни чувствовал, что Лита должна это увидеть. Девочка явно страдала, видя горе матери. Важно было, чтобы она поняла все значения жизни и смерти, и он инстинктивно ощущал, что не должен ничего от нее скрывать.

Но когда тело Доминга извлекли из гроба, чтобы поместить в склеп, он передумал. Дело было не в теле, а в том, что Роза и Корасон вдруг впали в истерику.

Сонни понял, что ему необходимо немедленно заняться Литой, Рафаэлем, а потом Розой — именно в такой последовательности. Сначала Литой, потому что она оказалась рядом с ним. Увести ее из толпы как можно дальше от пронзительных стенаний и передать кому-нибудь из тех, кто был в доме вчера вечером. Лучше бы Лише. Потом опять нырнуть в толпу и выхватить Рафаэля из рук Розы, как бы она ни сопротивлялась. И, наконец, вернуться за Розой и увести ее силой.

Необходимость соблюдать приличия мешала ему, но Сонни настойчиво прокладывал себе путь сквозь толпу родственников, соседей и друзей Доминга. Странно, что они никак не желали расступаться, но это его не смущало. Если люди не расступались, он их просто расталкивал.

Выбравшись из толпы, он позвал Лишу, но вместо нее появился Туринг. Одной рукой он молча обнял Литу, а другой обхватил Сонни за плечи и швырнул его обратно в толпу. Позже, думая о Туринге, Сонни всегда ощущал прилив нежности, точно такой же, как тогда. А может, все дело было в последовавшей за этим быстрой смене противоречивых событий.

Сквозь приступы истерики Роза вдруг услышала чей-то голос. Она даже не подумала, почему так ясно его услышала, а просто сделала то, что голос ей приказывал.

— Ребенок! Передай мне ребенка.

Примерно через полминуты вопль Рафаэля заставил Сонни содрогнуться. Это был крик страдания и ужаса, как будто ребенок падал на поверхность солнца, проваливался в морскую пучину. Все громче и громче. Это могло означать только что-то ужасное.

И опять нахлынули воспоминания: тайна поведения толпы. Люди *по-прежнему* стояли на пути Сонни, не желая уступать дорогу.

Сонни начал толкать их, сбивая с ног. Он рвался вперед все сильнее и сильнее, а потом, взглянув на их лица, просто пустил в ход кулаки. Крик Рафаэля сводил его с ума, а толпа упрямо стояла у него на пути.

Сонни увидел на земле сильно дымящийся сверток и подумал, что ребенок горит. Но когда он принялся стаскивать с Рафаэля одеяльце, то обнаружил, что никакого огня нет. И все-таки мальчик горел, а теперь к тому же горели и руки Сонни.

И он понял, что это за ожог: дымок поднимался от кислоты. Было ощущение ожога, но не было жара, как от огня. Это походило на действие слезоточивого газа, которое он однажды, еще в студенческие годы, испытал в Ризаль-парке.

— Воды! — закричал Сонни неподвижной толпе. Но люди смотрели на него с молчаливым возмущением, сдерживая дыхание.

Если бы только это был огонь! Тогда он постарался бы сбить пламя и смог бы хоть как-то помочь, вместо того чтобы в отчаянии прикоснуться к невидимой разъедающей жидкости.

— Боже, помоги мне! — простонал Сонни.

Он ничего не мог поделать, не в силах был помешать кислоте, которая разъедала крошечную грудку и тонкие ребрышки его ребенка. Кислота могла прожечь тельце до самого сердца.

— Помогите!

Рафаэль перестал плакать и начал задыхаться. Крики самого Сонни натыкались на стену тупого молчания.

— *Да принесите же кто-нибудь воды!*

Когда он прокричал это в третий раз, вода появилась. Ее принес молодой человек в неуместной на похоронах одежде: на нем были поношенные шорты, сандалии и ослепительно белая футболка. Он достал ведро с водой из-за могильного камня, как будто оно стояло там всегда, на случай ожога кислотой. Он подошел спокойно и неторопливо, с сосредоточенно-деловым видом. Сонни даже показалось, что это приближается доктор со своим чемоданчиком, поэтому он подумал о жене.

Молодой человек действовал так, будто Сонни вообще не существовало. Он присел на корточки рядом с Рафаэлем, и Сонни почувствовал себя лишним. Сначала он оказался в положении наблюдателя, а теперь его просто отодвинули в сторону.

Человек принялся поливать ребенка, зачерпывая воду из ведра и осторожно прикасаясь к коже подушечками больших пальцев. При этом он приговаривал с мягким кесонским акцентом:

— Вот так, вот так. Потерпи еще немного, малыш, потерпи, солнышко. Сейчас все будет хорошо. — Он почти ворковал, склонившись над ребенком, как будто стоял над его кроватью. — Папочка с тобой.

Сонни увидел, что резинка шортов молодого человека прижимает маленькую зеленую бутылку. Он, должно быть, засунул ее туда впопыхах, потому что пробка сидела неплотно и из горлышка скатилась одна-единственная капля, которая уже почти проделала дырку в шортах, как будто сухой лист дымился в лучах зажигательного стекла.

Сонни подумал о заранее приготовленном ведре с водой за могильным камнем и не стал искать смысл там, где его не было.

Люди оттащили его от Лито. И хотя никто не понимал, что происходит, Сонни держали долго, пока он не пришел в себя. Для них он был чужаком и, несомненно, человеком вспыльчивым, легко пускающим в ход кулаки, поэтому его держали, пока он окончательно не успокоился.

Искать смысл там, где его не было. После похорон прошло несколько недель. К Розе стал возвращаться дар речи, а Рафаэль начал поправляться — насколько это было возможно. И тут Сонни наконец-то понял, что произошло.

И сказал, как о чем-то решенном:

— Я убью этого чокнутого ублюдка! Вернусь в Сарап и убью его.

Роза увидела, что Сонни понял только часть правды, и ее ответ прозвучал очень резко:

— Если ты когда-нибудь поднимешь руку на Лито, то потеряешь меня навсегда.

Сонни поверил ей. Он решил, что есть вещи, с которыми нужно мириться, чтобы жить дальше.

Конкистадор закрывает глаза

Лита с Рафаэлем были настолько сбиты с толку, что не поняли, что им кричит мать. Они сбежали по лестнице и застыли в прихожей на полпути между кухней и гостиной, прижавшись к висевшей на стене старой репродукции «Тайной вечери». Сквозь открытую дверь кухни им было видно лежавшую в предсмертной агонии Корасон. Она все еще прижимала руки к ушам, подтянув колени к груди. Она приняла эту позу за несколько мгновений до того, как в нее попала пуля, чтобы уберечься от разлетевшихся по полу осколков стекла.

Розой, как щитом, прикрывался человек, который незадолго до этого впрыгнул в окно. Он перемахнул через мойку и рухнул прямо на линолеум, потом заметался, хватаясь за пол кровоточащими руками, и поскользнулся в луже собственной крови и на валявшихся вокруг осколках. Его одежда и тело были покрыты коркой черной грязи и усыпаны сверкающей стеклянной пылью. Неожиданно он прыгнул, схватил Розу и притянул ее к себе.

Роза была щитом, который этот покрытый грязью и усыпанный стеклом человек волочил за собой, чтобы защититься от двух других людей. Она мельком увидела их за окном; они бежали от дороги в сторону дома и тут же исчезли из виду, когда пуля просвистела у них над головой. В ответ они выстрелили в окно, но пуля, даже не задев черного человека, попала в Корасон.

— Я не знаю, кто вы такой, — сказала Роза, — но требую, чтобы вы отпустили меня и убрались из моего дома.

Вместо ответа человек только прижал ее еще сильнее. Его била дрожь. Он прижимался подбородком к ее плечу, а его небритая щека царапала ей шею.

— Моя мать умирает. Вы подвергаете опасности моих детей.

Его зубы стучали прямо у нее над ухом.

— Немедленно отпустите меня, пока они опять не начали стрелять. Бегите прямо по коридору.

— *О боже,* — произнес человек по-английски. — *Мне конец!*

— *Немедленно отпустите меня и бегите по коридору. Там в конце дверь. Вы сможете скрыться,* — ответила Роза тоже по-английски.

— *Мне конец,* — снова пробормотал человек, тяжело дыша.

1

Бесцветное лицо осторожно глядело само на себя сквозь разноцветные масляные пятна на поверхности лужи. Оно становилось все более озабоченным, и наконец молодые черты сложились в гримасу ужаса и отвращения.

Это из-за пыли, — подумал Винсенте. Он был поражен своим видом, хотя и догадывался, что весь покрыт грязью. Обычно он следил за собой, но за последнюю неделю не выпало ни капли дождя, а днем стояла жара и ветер гонял по улицам тучи пыли.

— Ба-бах! — громко произнес Винсенте минуту спустя.

Прошлой ночью он нарвался в Ризаль-парке на патруль муниципальной полиции и его обрили наголо. В целях гигиены, как они сказали, чтобы уличные мальчишки не разносили педикулез. Но для всех такая стрижка выглядела как наказание. Машинка громко жужжала в толстой руке, оставляя за собой голую кожу в синяках и царапинах с клочками уцелевших волос, которые торчали во все стороны.

Винсенте казалось, что он похож на жертву взрыва из какого-нибудь дешевого комикса и даже хуже. Он поднял брови и снова сказал: «Ба-бах!» А еще, когда он слегка сдвинулся и солнце тоже отразилось в луже, вокруг него возникло какое-то красное дьявольское сияние. Картину дополнил смачный плевок, и Винсенте отошел в сторону, оказавшись в зыбком мареве жгучих лучей. Он остановился. До захода красного солнца оставалось всего полчаса, а он хотел еще добраться до Эрмиты, найти Тотоя и придумать, чем бы заняться вечером.

2

В отличие от Винсенте, Тотой выглядел гораздо моложе своих тринадцати лет. По правде говоря, возраст обоих казался меньше. «Результат недоедания», — объяснил ирландский священник, который раздавал бесплатный суп в районе Рохас. И все-таки Винсенте был чуть покрупнее, а Тотой выглядел совсем крошечным. Он вполне мог бы сойти за восьмилетнего, поэтому другие ребята все время беззлобно подшучивали над ним:

— Эй, Тотой, у меня ухо разболелось. Может, залезешь туда и посмотришь, в чем дело?

Даже его мать, которую Тотой иногда встречал на конечной остановке автобуса, когда она волочила за собой одного или двух чуть живых ребятешек, обычно встречала его словами:

— Я смотрю, ты все такой же заморыш. Поэтому если у него не было занятия получше, Тотой любил стоять на стенах. Оттуда, с высоты, мир был гораздо интереснее.

— А ну слезай со стены, парень, — сказал охранник в синей форме, дежуривший у «Макдоналдса» в районе Эрмиты, и слегка повел болтающимся без дела помповым ружьем в его направлении. — Здесь стоять нельзя.

Тотой поколебался, прежде чем повернуться лицом к охраннику. Это была просто замечательная стена, с которой виднелись ярко освещенные окна ресторана и царившая там завораживающая чистота.

— А почему здесь нельзя стоять? — спросил он. — Какого черта?

Охранник улыбнулся.

— Молод еще так разговаривать, парень. А ну, слезай оттуда!

Тотой опять заколебался, на этот раз потому, что двери «Макдоналдса» были широко открыты и оттуда шел ни с чем не сравнимый запах. Чудесный, манящий запах, таинственный, как аромат духов богатой дамы. Даже еще более таинственный, так как не напоминал ничего из того, что Тотой доводилось пробовать.

— А почему здесь нельзя стоять, *ро?* — переведя дыхание, спросил Тотой, уже повежливее.

— Тебе объяснить?

— Но я же не делаю ничего плохого. Не выпрашиваю милостыню, не пристаю к посетителям. Я даже руку не протягивал.

— Ты снижаешь уровень.

— Уровень?

— Мы должны поддерживать определенный уровень.

— Но я же просто стою на стене.

— На стене «Макдоналдса», а это частная собственность, парень!

— Понятно. — И Тотой опустил руки по швам. — А вы застрелите меня, *ро*? Вы застрелите меня, если я не спущусь?

— Само собой.

— Правда?

— Ну... — охранник сдвинул фуражку на затылок, — нет, но напущу на тебя клоуна.

— А при чем тут клоун?

— Он превратит тебя в кусок мяса, засунет в булочку и продаст.

Да, все правильно: кожа очень белая, а зубы просто огромные! Глядя на плакат, не верилось, что помада может сделать улыбку такой широкой, а губы — такими красными.

— Может, превратит меня в биг-мак? — задумчиво спросил Тотой.

— Запросто.

— Ну ладно, — Тотой в последний раз огляделся вокруг и спрыгнул на землю. — Я слез с вашей дурацкой стены, *ро*. Вы уж только не отдавайте меня этому клоуну.

Охранник кивнул.

— Договорились, парень.

3

Винсенте спускался по бульвару Рохас, держась посередине или лавируя между машинами. Может, по тротуарам и быстрее, но он привык ходить по проезжей части. Он хотел выследить Тотоя до наступления темноты и в то же время искоса наблюдал за машинами: а вдруг повезет? За рулем в основном родители, на заднем сиденье дети; а еще попадались такси с пассажирами.

Он вглядывался в машины скорее по привычке, потому что выпрашивать милостыню в пробках было почти бесполезно. Большинство машин было с кондиционерами, а значит, и окна вечно закрыты. А тут еще эти тонированные стекла: глаз совсем не видно. Разве можно просить милостыню, не глядя человеку в глаза? Кондиционеры и особенно тонированные стекла были настоящим проклятием. Их зеркальная поверхность создавала неприятное ощущение, будто просишь подавание у собственного отражения, только более темного.

Когда Винсенте поравнялся с небоскребом Легаспи и свернул с бульвара налево, он заработал всего один песо. И даже не целой монеткой, а двумя по пятьдесят сентаво, которые ему подали два типа, гоняющие на роликах. Смех, да и только, — подумал он, — пробок больше чем обычно, а доходов никаких.

К счастью, ему подвернулась возможность пополнить свои скудные запасы, когда на ступенях бокового входа в небоскреб он увидел Альфредо. Винсенте взглянул на небо и сообразил, что у него есть еще минут пятнадцать, а потом нужно будет срочно продолжить поиски Тотоя. Можно успеть, если все хорошенько рассчитать и не вступать с Альфредо в длинные разговоры.

Альфредо читал, уставившись в текст круглыми стеклами очков и наклонившись так, что его худое тело почти выгнулось дугой. Он вечно читал. Уличные мальчишки, его клиенты, верили, что он ищет в книгах, где-то между строчками или буквами, некий едва заметный проход, в который можно нырнуть и исчезнуть среди страниц раз и навсегда.

— Привет, Фредо.

Альфредо промолчал, заставив Винсенте стоять в нетерпеливом ожидании, пока

дочитывал абзац. Наконец он поднял голову:

— Здорово, Сенте. — И осторожно отложил книгу в сторону.

— Что новенького?

— Да так... Я смотрю, ты нарвался на муниципалов.

— Ха! — И Винсенте провел рукой по бритой голове с остатками волос. — Как же! Это я сам подстригся.

— Сам?

— Ну да. Это последний писк. Скоро все модники будут так ходить.

— Последний писк... — ухмыльнулся Альфредо и, поправив очки, стал выглядеть старше своих двадцати восьми лет. — Уж не знаю, верить тебе или нет.

— Не стоит, — сказал Винсенте. — Я просто пошутил. Слушай, у меня для тебя есть сон.

— Сон? Извини, но сегодня не твой день. Приходи послезавтра.

— У меня деньги кончились.

— Прекрати, Сенте. Ты же знаешь, что каждый приходит строго в свой день. Это несправедливо по отношению к другим ребятам.

— Но у меня самые интересные сны.

— Это правда, — неохотно признался Альфредо. — Они интересные, и ты их хорошо запоминаешь.

— Ну так как?

— А так, что у меня на сегодня есть сон Тотоя, хотя... — Альфредо махнул рукой, — от этого парня никакого проку. Все его сны — о перестрелках, девицах и драках, где главный герой он сам. К тому же это даже не настоящие сны, а просто его фантазии.

— Точно, — со скучающим видом подтвердил Винсенте, которому часто приходилось выслушивать жалобы Альфредо.

— Конечно, они тоже по-своему интересны, с точки зрения того, что он выбирает для своих фантазий... но все они одинаковые. Сплошные гангстеры, войны да инопланетяне. Не хватает разнообразия.

— Честно говоря, Фредо, — прервал его Винсенте, — я немного спешу. Так что, рассказывать тебе сон или нет?

— Даже не знаю, — сказал Альфредо. — Вроде уже есть сон Тотоя... — Но его рука сама тянулась к магнитофону в сумке. — Ладно, какого черта! Давай твой сон.

— Вот это дело, — кивнул Винсенте. — Он тебе понравится.

Альфредо нажал на запись.

— Так вот. Значит, стоял я около мойки...

Я стоял около белой каменной мойки на кухне, и мне казалось, будто это кухня дома, где я когда-то жил, но не уверен, что помню точно. Потом с улицы вошел отец, а на улице такая жара, я это через дверь чувствую. Тут он и говорит: «Взгляни-ка на это». Смотрю, а он держит в руке совсем крошечного ребенка, сантиметров десять, не больше. Я про себя думаю: этот ребеночек такой крохотный, что с ним надо обращаться очень осторожно, а отец держит его как-то небрежно.

Вдруг он роняет ребенка. Тот падает в мойку и проскакивает прямо в сливное отверстие. Я очень перепугался. Отец тоже разволновался, но стоит как вкопанный и говорит: «Сейчас пойду за помощью к соседям» — или что-то вроде этого. Но я-то думаю: к тому времени ребеночек утонет, ведь в сифоне под мойкой всегда полно воды.

Тогда я залез под мойку, дернул за трубу, и она легко отошла. Ребенок очутился у меня на ладони, но он совсем не дышит, а во рту у него полно какой-то белой жидкости, как будто его стошнило.

Я пытаюсь его оживить. Очень осторожно нажимаю ему на животик, дышу ему в ротик и очень боюсь, как бы чего-нибудь не повредить. Тут ребеночек снова задышал. Я обрадовался, а он опять перестал дышать. Я опять его оживляю. Он подышал несколько

секунд и опять перестал.

И так повторяется все время, только каждый раз ему все хуже. Он пытается заплакать и пошевелиться, но теперь я точно знаю, что он умирает и мне его не спасти. А я все пытаюсь и пытаюсь и делаю ему все больней.

На этом месте я проснулся.

— ...Ты когда-нибудь видел плод? — Что?

— Плод... — помедлил Альфредо. — Это то, что ты описал: совсем крошечный ребенок. Может, твоя мать или сестра были беременны. И ребенок умер в утробе. Ты когда-нибудь видел что-то похожее?

Винсенте помотал головой:

— Вроде нет. А может, и видел, если так хорошо запомнил.

— Откуда ты знаешь, как оживлять людей? Ну, там, нажимать на грудь, дышать в рот?

— Видел.

— Этот сон был чем-то вроде кошмара?

— Точно.

— А когда ты проснулся, то почувствовал себя...

— Плохо.

— Как думаешь, что может означать этот сон?

Винсенте рассмеялся.

— Я знаю, что *ты* про него думаешь.

— Тогда расскажи.

— Ты думаешь, что ребенок — это я сам и что я злюсь на отца за то, что он исчез, когда я был еще маленьким. А еще ты думаешь, что этот ребенок — Тотой, потому что я иногда о нем забочусь.

— Ммм...

— А еще ты подумал о мойке. Ты запомнил, когда я сказал, что она каменная и со сливом, и решил, будто это как-то связано с моими воспоминаниями о прошлой жизни.

— Да, — кивнул Альфредо. — Ты совершенно прав. Твоя пронизательность, как всегда, превзошла все мои ожидания. — Потом он наклонился и взглянул Винсенте прямо в глаза. — Пора бы мне уже к этому привыкнуть, но никак не получается. Не могу представить, что ты выдашь в очередной раз. Ты все время застаешь меня врасплох.

— Ты это всегда говоришь.

— А что мне еще остается? Ты постоянно удивляешь меня.

— Пожалуйста, дай мне мои деньги.

— Вот именно, — с облегчением вымолвил Альфредо. — *Quod erat demonstrandum*. Что и требовалось доказать. — Он выключил магнитофон и полез в карман за мелочью.

4

Тотой устроил себе новый наблюдательный пункт, забравшись на бамбуковые строительные леса, которые окружали то, что когда-то было входом в плавательный бассейн. Несколько месяцев назад этот участок был выкуплен под застройку, и теперь Тотой наблюдал отсюда, как Винсенте трусцой бежит в его сторону. Он рассчитал, что до того, как пересечь дорогу, тот окажется прямо под ним, а значит, можно будет неожиданно прыгнуть на него сверху. При малом весе Тотоя его прыжки не были слишком опасными для его жертв.

Не часто ему выпадала такая возможность, ведь Винсенте был практически единственным, кто спокойно относился к подобным шуткам. Обычно он говорил: «Поосторожнее, а то когда-нибудь вырастешь большой и сломаешь мне шею». Но этим все и ограничивалось. Тотой же считал, что это даже не упрек, а просто утверждение — конечно, он со временем вырастет.

Винсенте заметил Тотоя, еще когда завернул за угол Нестор-Родендо-авеню. Он привык высматривать его на стенах, деревьях или фонарных столбах, поэтому тонкий силуэт Тотоя было совсем не трудно заметить на фоне строительных лесов.

Винсенте на мгновение задумался. Доски на высоте почти два метра, значит, прыжок сверху будет болезненным. Но, с другой стороны, Тотой может обидеться, и их дружба окажется под угрозой.

Не было ничего конкретного, одни догадки.

Винсенте попал в Манилу лет пять назад, приехав туда рейсовым автобусом с кондиционером. Он приехал из Батангаса вместе с отцом и так и не понял зачем, потому что никто ему не объяснил. Он уже не надеялся когда-нибудь это понять. Примерно через день после приезда в Манилу его отец исчез.

Воспоминания об этом, как и обо всем, что с ним тогда случилось, были очень смутными. Как-то, он уже не помнил, было это утром или вечером, отец купил ему содовой и попросил подождать его у светофора. Время текло час за часом, а отец все не возвращался. Когда совсем стемнело, Винсенте стал уличным мальчишкой.

Догадки... Поездка в автобусе с кондиционером стоит дорого, значит, не похоже, что его специально привезли в Манилу, чтобы там оставить. Он помнил, что жил дома счастливо и ни в чем не нуждался. Дом был двухэтажным, бетонным и стоял на окраине города. У них был цветной телевизор, металлическая сетка от москитов на окнах и ковер на полу в одной из комнат.

Видимо, от него отказались не из-за бедности, как от других ребят. И не потому, что не любили. Винсенте помнил, как родители обнимали, целовали его и вообще относились к нему с нежностью.

Память не сохранила названия его родного городка или деревни. По мнению Альфредо, Винсенте забыл все эти детали из-за травмы, связанной с потерей семьи, что казалось маловероятным. Но зная, что одно время Винсенте вдруг вообще перестал говорить, Альфредо уверенно заявлял об этом как о довольно распространенном последствии все той же травмы.

И если Винсенте в конце концов опять заговорил, то лишь благодаря Тотоя. До встречи с ним он, наверное, целый год ни с кем не разговаривал. Как-то вечером, проходя мимо развалин старого города, он остановился и прислонился к дереву. Он услышал шорох в ветвях, но не придал этому значения и не увидел скрытую листьями маленькую фигурку, которая выбрала себе жертву и готовилась прыгнуть.

Винсенте лежал на спине под бамбуковыми лесами, подтянув колени к груди и пытаясь восстановить дыхание. Тотой уселся рядом, ожидая, когда к приятелю вернется способность говорить. Но Винсенте по-прежнему молчал, даже когда начал дышать ровно. Он просто лежал на мостовой, уставившись в небо.

— Может, я уже слишком большой, чтобы вот так прыгать? — спросил Тотой, смущенный молчанием. — Что скажешь, Сенте? Я уже слишком большой для этого?

Но Винсенте продолжал молчать.

— Может, мне больше не надо так делать? — твердил Тотой, волнуясь все больше. — А вдруг я сломаю тебе шею?! — Он задрал футболку и взглянул на свой плоский живот. — Наверное, я растолстел и стал большим и тяжелым. Как думаешь, Сенте?.. Сенте! — совсем уж испуганно крикнул Тотой. — Да скажи хоть что-нибудь!

— Ладно, — сказал Винсенте. — Чем ты хочешь заняться сегодня вечером?

Сны

— *Записываешь?* — *Да.*
— *Я начинаю?* — *Давай.*
— *Ладно. Значит, я стою на улице и вдруг слышу, как девушка зовет на помощь. Я хватаю...*
— *Стоп!* — *А?*
— *Пистолет.*
— *Что?*
— *Пистолет. Ты услышал, как девушка зовет на помощь, схватил пистолет и спас ее.*
— *Да нет! Я не говорил, что это пистолет.*
— *Но ведь ты собирался...*
— *Ничего я не собирался.*
— *Значит, это был нож или мачете.*
— *Нет.*
— *Палка.*
— *Нет! Хватит тебе, Фредо. Ты хочешь, чтобы я рассказывал или нет?*
— *Давай.*
— *Ладно. Тогда я схватил...*
— *Топор.*
— *Нет.*
— *Гранату?*
— *Нет! Это вообще было не оружие, а... сумка.*
— *Сумка... Только так можно уйти от погони. И что же было в сумке?*
— *Пистолет.*
— *Ну ладно. Хватит.*
— *Но это еще не все!*
— *Хватит. Мне не нужен этот сон. Ты рассказал мне уже штук двадцать точно таких же. Тотой, постарайся понять: меня не интересуют твои фантазии, то, что ты придумываешь днем. Меня интересуют сны, которые ты видишь ночью.*
— *Но это и был сон!*
— *Нет, не был.*
— *А ты откуда знаешь?*
— *Знаю, потому что это не похоже на сон.*
— *Но я видел его ночью!*
— *А ты спал в это время?*
— *Ты не говорил, что надо спать. Ты просто сказал про день и ночь.*
— *Тотой, ты специально все запутываешь. Тебе давно уже пора знать, что я имею в виду. Сны, которые ты видишь, когда спишь. Именно за это я тебе плачу.*
— *Э-э-э-э...*
— *Слушай, почему ты не хочешь рассказать мне сны, которые ты видишь, когда спишь? Может, ты считаешь их совсем не интересными? Может, ты думаешь, что твои дневные фантазии интереснее?*
— *Да. Они очень интересные.*
— *Может быть, в твоих ночных снах есть что-то такое, о чем ты не хочешь рассказывать? Они страшные? Ты просто не хочешь их вспоминать или не можешь вспомнить?..*
— *Фредо, у меня живот болит. — Что?*
— *У меня уже несколько дней болит живот. Меня пару раз рвало, но все больше несет.*
— *Ну... тебе, наверное, нужно лекарство? Возвращайся, когда я закончу работу, и мы сходим в аптеку.*
— *Нет, спасибо. Я пойду, а то живот совсем разболелся.*
— *Хорошо.*
— *Могу я получить свои деньги?*

— ...Ну конечно, Тотой. Дай только я выключу эту штуку.

2

Альфредо нажал на «stop» своего «Вокмана», снял наушники и принялся массировать виски, пытаясь успокоить назойливую головную боль. Никакой боли на самом деле не было, но у него появилось ощущение, что она должна быть. Из семи ребят, которых он регулярно опрашивал, именно Тотой вызывал у него ассоциацию с головной болью.

Как он непохож на Сенте!

Альфредо уложил «Вокман» в рюкзак и поднялся. Он огляделся и с удивлением обнаружил, что уже темно. Последний раз он оглядывался, когда разговаривал с Винсенте. Тогда бульвар Рохас и вода в заливе были красивого оранжевого цвета.

— Свет солнца, — пробормотал Альфредо.

Какой-то прохожий остановился и повернулся, подумав, что Альфредо обращается к нему, и не сразу понял, что худощавый человек на ступеньках небоскреба Легаспи говорит сам с собой, а возможно, и с темным небом, ведь его взгляд направлен именно туда.

— Свет от ближайшей звезды преодолевает сто сорок девять миллионов километров.

Прохожий зашагал снова, но уже быстрее, как будто был встревожен подобной информацией и тем благоговейным тоном, каким это было сказано.

— Свет от звезды, находящейся в ста сорока девяти миллионах километров! — громко повторил Альфредо. Боковым зрением он увидел прохожего, догадался, что тот подумал, и почувствовал смутное раздражение.

— Двигаясь с непостижимой скоростью в триста тысяч километров в секунду!

Сенте, задай какой-нибудь простой вопрос. Что такое свет?

Свет — это волна фотонов, которые движутся со скоростью триста тысяч километров в секунду, пока не достигнут сетчатки нашего глаза. Тогда свет резко останавливается, превращаясь в импульс энергии, а мозг преобразует его в изображение. Свет можно увидеть, только когда он находится в состоянии покоя. Хотя, с другой стороны, свет никогда нельзя увидеть в состоянии покоя, как бы быстро мы ни двигались...

В этом-то и проблема, Сенте. На некоторые вопросы, даже самые простые, есть только сложные ответы. Некоторые вещи слишком сложны, чтобы их можно было выразить просто.

Почему существуют беспризорники?

Альфредо задавал себе этот вопрос столь же часто, как и его коллеги, друзья, родственники и любой другой человек, но у него не было ясного ответа. Вернее, было даже несколько четких, хорошо аргументированных и вполне рациональных ответов, но все они, скорее всего, являлись неверными.

Например, давно известно, что существует различие между филиппинцами и европейцами в области социальной психологии. Филиппинцы придают большее значение сообществам, а европейцы — отдельной личности. И потому в английском языке понятия «одинокий» и «несчастный» выражаются двумя разными словами.

Некоторые филиппинские психологи утверждают, что прямое заимствование европейской психологии представляется проблематичным, так как филиппинская модель все равно возьмет верх, исходя из существующей традиционной практики. И все-таки в случае с беспризорниками и семья, и общество отвернулись от них в самом раннем возрасте, а значит, эти дети вырастают законченными индивидуалистами, в отрыве от какой-либо социальной группы.

Все правильно, но все же *почему существуют беспризорники?* Альфредо пытался заполнить пробел, который существовал в этом вопросе в научных трудах, и считал его главным мотивом собственных исследований.

Вот только никакой это был не мотив. Его исследования действительно могли принести

пользу, но интересовало Альфредо совсем другое. Любому психологу было по силам заполнить пробел в изучении психологии филиппинских беспризорников, но Альфредо не хотел этим ограничиваться, потому что вопрос *«почему существуют беспризорники?»* так и оставался без ответа.

Имелось и другое объяснение: Альфредо вырос в Аяла-Алабанге, одном из самых богатых и хорошо охраняемых районов Манилы. Это значило очень многое в городе, где пропасть между богатыми и бедными глубже, чем в любом уголке мира. В этом было что-то от взаимного притяжения положительно и отрицательно заряженных человеческих частиц, от чувства изумления, которое испытывали богатые перед тем, что существовало совсем рядом с ними.

Нет, это объяснение тоже не годилось. Оно было слишком очевидным, слишком бросалось в глаза.

Во всяком случае, настоящий вопрос звучал не *«почему существуют беспризорники»*, а *«почему он постоянно думает о Сенте?»*

Альфредо знал, что ответ очень трудно выразить словами. Если он и существовал, то был поистине космического масштаба и такой же сложный, как свет закатного солнца.

3

Небоскреб Легаспи был тридцатиэтажным зданием с зеркальным холлом, вежливым швейцаром и двумя скоростными лифтами. В лифтах часто можно было увидеть увешанных золотом молодящихся женщин с грубо размалеванными лицами. На первых трех этажах располагались магазины и бутики. Четвертый этаж был административным, а с пятого можно было попасть в открытый бассейн, куда был строго-настрого запрещен вход людям в шортах или сандалиях. На шестом этаже и выше размещались квартиры, начиная с пятикомнатных, рассчитанных на большую семью, и заканчивая крошечными однокомнатными квартирками для студентов. Весь же верхний этаж, так называемый «пентхаус», занимала одна-единственная квартира. Здесь жил Альфредо.

Он быстро обошел комнаты, включая свет, чтобы заполнить встретившую его у входа безмолвную пустоту. Когда вся квартира ярко осветилась, Альфредо прошел на кухню и налил себе стакан минеральной воды, потом перебрался в гостиную, тяжело опустился на диван и включил автоответчик. Было только одно сообщение.

— Привет, Фредо, — произнес автоответчик.

— Привет, Ромарио, — машинально ответил Альфредо.

— Это Ромарио. Сейчас четыре часа дня, поэтому я думаю, что ты еще где-то шляешься. Собираешь свой материал. Перезвони мне, когда вернешься.

Следующие пять минут Альфредо просидел совершенно неподвижно, только дыша и время от времени моргая.

— *Итак, сначала немного расскажи мне о себе. Сколько тебе лет и как тебя зовут.*

— *Винсенте. Мне тринадцать лет. А тебе?*

— *Хорошо, Винсенте. Тебе действительно столько лет?*

— *Совершенно точно.*

— *Можешь рассказать мне, как ты очутился на улице?*

— *Мы с отцом приехали в Манилу из Батангаса, а потом отец исчез. Это случилось примерно пять лет назад.*

— *Исчез?*

— *Я ждал его у какого-то светофора, но он так и не пришел.*

— *И ты больше никогда его не видел?*

— *Нет.*

— *Что ты тогда подумал?*

— *Удивился, куда он пошел.*

- *И ты не знаешь, куда он мог пойти?* — *Нет.*
— *Или что с ним случилось?*
— *Нет.*
— *Хорошо... а что ты можешь рассказать о своей матери?*
— *При чем здесь моя мать?*
— *Ну... ты с ней поддерживаешь какую-нибудь связь?*
— *Нет. Она живет где-то в Батангасе. Это все, что я знаю.*
— *А другие родственники? Братья, сестры...*
— *Когда я уехал, никаких братьев не было. Кажется, есть две сестры, но я не уверен.*

Две или три.

- *А дяди, тети, бабушки и дедушки?..*
— *Может быть, только при чем тут это? Я сам по себе.*
— *Сам по себе. — Да.*
— *Интересная мысль.*
— *Но так оно и есть.*

Так оно и есть, Сенте.

Солнечный свет проходит сто сорок девять миллионов километров со скоростью триста тысяч километров в секунду. Когда поздно вечером он достигает бульвара Рохас, небо окрашивается в темно-оранжевый цвет, но днем небо голубое, потому что свет по-другому рассеивает молекулы воздуха.

Свет никогда нельзя увидеть в состоянии покоя, как бы быстро вы ни двигались, даже если будете бежать все быстрее и быстрее, мчась сквозь Солнечную систему, пока не достигнете скорости двести девяносто девять тысяч километров в секунду. Взгляните тогда на свет. Вы увидите, что он по-прежнему убегает от вас с такой же непостижимой скоростью. Тем временем работа вашего мозга замедлится, а наблюдатель, движущийся с несколько меньшей скоростью, увидит вас совершенно неподвижным и размазанным в пространстве.

Вернувшись на Землю, взгляните на часы. Они будут показывать не такое время, как у ваших друзей, родственников и любого другого человека.

А может быть, и не надо возвращаться. Продолжайте движение, и примерно через четыре с половиной года вы достигнете Проксимы Центавра — ближайшей звезды по отношению к Солнечной системе.

4

Альфредо очутился у себя в кабинете. Именно очутился, потому что совсем не собирался туда заходить, садиться и включать компьютер. Если бы его спросили, он бы ответил, что продолжал сидеть на диване, глядя в одну точку, а в голове у него все звучал вкрадчивый голос с автоответчика. Перемещение стало реальностью, когда экран компьютера переключился в режим ожидания и на нем появилось изображение гипнотических цветных полосок Мёбиуса — слишком яркое, чтобы его проигнорировать или принять за галлюцинацию.

Кабинет был главным местом в квартире, потому что Альфредо проводил в нем много времени, и освещение соответствовало его назначению. Настольная лампа заливала его мягким светом, разгоняя прячущиеся по углам тени. Через открытую дверь падал успокаивающий яркий свет из гостиной. Шторы были отдернуты, поэтому луна, звезды и ярко освещенные городские окна тоже находились под рукой.

Во всем здесь чувствовалась система, хотя посторонний человек не увидел бы ничего, кроме академического хаоса. Заваленный книгами и бумагами пол, обклеенные записками стены. Повсюду были разбросаны толстенные папки, из которых вываливалось содержимое.

В отличие от беспорядка, царившего на полу и стенах, рабочий стол Альфредо мог

служить примером аккуратности. На нем находилось всего четыре предмета, не считая компьютера и лампы. Во-первых, ручка для правки распечаток. Во-вторых, лоток для неотредактированных распечаток. Еще один лоток для правленных распечаток. И, наконец, фотография в рамке, сделанная лет десять тому назад, в день, когда его жене исполнилось девятнадцать, за полтора месяца до их свадьбы. Жена была в голубой футболке с эмблемой собачьей выставки на груди, с сигаретой во рту. Выражение ее лица сильно напоминало пародию на знойную американскую кинозвезду.

Еще одна важная часть обстановки: дорогая стереосистема, окруженная полками с надписанными и расположенными в хронологическом порядке кассетами. Она никогда не выключалась, поэтому красные и зеленые огоньки на панели светились днем и ночью.

Альфредо взглянул на полку с кассетами. В магнитофон была вставлена та, которую он прослушивал сегодня утром, одна из самых ранних.

— Я прятался с ружьем на дереве и ждал, когда появится враг, чтобы его застрелить. Выпустил бы всю обойму прямо ему в бабку. И вдруг вижу, что он захватил Джозу.

— Джоза... Это та симпатичная девушка, которая работает в бассейне «Парадиз»?

— Точно.

— Она тебе нравится?

— Кому же она не понравится!? Я не мог его застрелить, потому что боялся попасть в Джозу. Тогда я бросил ружье и спрыгнул с дерева. Он увидел меня и попытался напасть. Мы стали драться, но я оказался проворнее и убежал. Он все-таки успел в меня выстрелить и ранил в плечо. Я откатился в сторону, и остальные пули прошли мимо. Потом я сам напал на него и победил. Схватил его пистолет и пристрелил, несмотря на рану в плече. А потом я спас Джозу.

— Кто же был этот твой враг?

— Какой-то усатый тип.

— Но почему он оказался твоим врагом?

— Это опасный человек, профессиональный похититель людей.

— А что произошло потом, когда ты спас Джозу? Ты никогда об этом не рассказываешь.

— ...Ничего. На этом все закончилось.

— Может быть, ты поцеловал ее или...

— Поцеловал ее?

— Ну да или что-то в этом роде. Может быть, она отблагодарила тебя? Это нормально, ведь ты спас ее.

— Согласен, но никаких поцелуев не было. Джоза очень приличная девушка. К тому же она встречается с менеджером из «Парадиза», так что тут ничего не светит. У этого парня «тойота», черт его побери! К тому же он лет на двадцать старше меня.

— Ладно... А больше тебе ничего не приснилось на этой неделе? Может, были и другие сны вроде тех, о которых мы говорили в прошлый раз?

— Нет. Мне приснилось только это.

— Понятно... Может, на следующей неделе ты постарайся...

— Фредо, а почему тебе не нравятся сны про то, как спасают девушек?

— Э... не то что они мне не нравятся... Просто ты рассказываешь мне свои сны полтора месяца, а моя работа рассчитана по крайней мере на год. Мне бы хотелось больше разнообразия.

— Нет, дело не в этом.

— Не в этом?

— Нет. Разве тебе не снится, как ты спасаешь девушек?

— Мы здесь не для того, чтобы обсуждать мои сны.

— Так давай обсудим. Снится или нет?

— *Тотой, я не буду отвечать на этот вопрос.*
— *Почему?*
— *Потому что в моей работе очень важно... э... чтобы ты не знал обо мне ничего конкретного.*
— *Это еще почему?*
— *Потому что это может повлиять на наши отношения. Ты можешь невольно подстраиваться под меня, рассказывать мне то, что, как ты считаешь, я хотел бы услышать.*
— *Ну-у-у, если дело в деньгах, то я отдам за твой рассказ один из тех песо, что ты мне дал.*
— *Ты все правильно говоришь, Тотой, но мне пока хватает денег... Так что постарайся рассказать мне на следующей неделе что-нибудь новенькое.*
— *А вот ты постарайся понять, почему тебе не нравятся сны о том, как спасают девушек.*
— *Ты в самом деле так считаешь? — Да, считаю.*

Альфредо нажал на клавишу, чтобы убрать заставку с лентой Мёбиуса, и обнаружил, что не только машинально включил компьютер, но еще и открыл файл.

C: .doc

В верхней части страницы жирным шрифтом было выделено название докторской диссертации по философии: «Социальная организация в молодежной городской среде на Филиппинах: сознательное и бессознательное изложение истории падения и перемены статуса».

А чуть ниже выделялась фраза, имеющая гораздо более личный оттенок: «*Хватит на меня смотреть, Фредо! Пиши меня!*»

Альфредо нахмурился и пробормотал:

— Это уже повтор. — А через несколько секунд заменил ее на «*Не откладывай на завтра, Фредо! Пиши меня!*»

Быстрые движения зрачка

1

— Я знаю только один способ подбить танк. Для этого нужна специальная граната.
Винсенте посмотрел на раскрытые ладони Тотоя, увидел кучку гвоздей, а потом перевел взгляд на медленно ползущий поток машин, сворачивающих на Юнайтед-Нейшенс-авеню.
— Мы не должны ошибиться в выборе цели, — продолжал между тем Тотой. — Транспорт с пехотой нам не нужен.
— Значит, маршрутка исключается?
— Она перевозит пехоту.
— Точно.
— Да, забудь про машины пехоты. Мы должны подбить одну из последних моделей штурмовых машин.
— Дорогую машину?
— Танк.
— Ладно, пусть будет танк. — Винсенте осмотрел скопившиеся в пробке машины в поисках подходящей марки. — А «тойота» сойдет за танк?
— Э-э-э... Нет. — А «дэу»?
— Да ну ее!
— «БМВ»?

— «БМВ»? Да ты рехнулся, Сенте. Мы можем тут проторчать весь вечер и не увидеть ни одного «БМВ». — Тотой стоял на цыпочках, нервно покусывая нижнюю губу, и вдруг показал пальцем на красный седан. — Вот цель, «хонда».

Водитель разговаривал по мобильному телефону, ничего не замечая вокруг. Это был человек лет тридцати с приятным, располагающим к себе лицом, явно отец семейства. По его рубашке было видно, что он проработал весь день в помещении с кондиционером.

Странно, что он не включил кондиционер в машине, потому что стекло со стороны водителя было опущено. Его лоб блестел от пота, рукава были закатаны, а изо рта торчала сигарета. Судя по его расслабленной позе и выражению нежности на лице, он разговаривал с женой или с ребенком.

— Но почему он? — спросил Винсенте. Тотой хмыкнул.

— А почему бы нет?

— ... Не знаю. Просто... почему именно он?

— Тебе на все надо объяснение?

— Нет, не на все.

— Тогда в чем дело?

— Я же сказал, что не знаю. Похоже, он... возвращается домой. Он как раз звонит туда, чтобы сообщить, что застрял в пробке. Он едет домой, к семье.

Тотой изучающе посмотрел на «хонду» и на водителя.

— Этот парень ведет танк. А сейчас он вызывает по рации целые батальоны подкреплений, поэтому, если мы его не подобьем, его армия захватит Манилу.

Винсенте рассмеялся.

— Ты думаешь, это смешно? — Уф!

— Сенте, что же тут смешного, если враг захватит Манилу?! Погибнут тысячи людей, и их кровь будет на твоей совести. Ты этого хочешь? Вот что я тебе скажу, — и глаза Тотоя широко раскрылись в предвидении ужасной бойни. — Лично я этого не хочу.

2

— *Ах вы, сукины дети! А ну, вернитесь, вы, маленькие ублюдки!*

— Твой семейный человек... — прокричал Тотой, летя вперед с прижатыми к груди кулаками, — ...здорово разозлился.

— Это точно, — согласился Винсенте. Его ноги были длиннее, поэтому бежать ему было гораздо легче. — Еще как разозлился.

Винсенте нравилось быстро бегать по улицам ночного города. Ему казалось, что умение бегать — это ценное качество. Выбоины, трещины в асфальте, открытые сточные люки, скользкие канавы, застроенные лачугами боковые улочки, меняющиеся каждый день по мере сноса трущоб. Осколки стекла. Куски зазубренного металла с острыми краями. Можно запросто упасть на бегу и пораниться обо что угодно. Трудно было представить себе человека, который смог бы быстро бежать по улицам ночной Манилы, — разве что у него не оставалось другого выбора.

Пару лет назад, когда Винсенте слонялся возле моста Киапо, мимо вдруг пробежал человек. Вполне приличный, с дипломатом в руке, похожий на водителя «хонды», которому они только что прокололи колесо. За ним, метрах в десяти, мчалась целая шайка — человек семь.

Винсенте не стал смотреть, чем все закончится. Он и так был уверен, что жертве никуда не уйти. Он не знал только, убили этого человека или нет. Во всяком случае, его дело было плохо...

Вот с ним бы такого не произошло. Винсенте знал: будь на нем обувь этого человека и десять метров расстояния, он легко убежал бы и не попал бы им в руки.

— Устал? — спросил Винсенте.

Тотой в ответ только кивнул, чтобы не сбить дыхание.

— Тогда, может, еще?

Тотой опять кивнул, и они побежали дальше.

Они бежали так, что их плечи находились почти на одинаковом расстоянии. Когда один из них поворачивал голову, он видел другого на том же самом месте. Фактически они едва передвигались по отношению друг к другу.

Зато вокруг них все менялось.

3

Кто же все-таки застрелил кошку?

Студент колледжа из обеспеченной семьи застрелил ее из маленького автоматического пистолета, который папаша подарил ему на восемнадцатилетие. Время от времени студент рассказывал историю, как однажды выстрелил в припадке гнева, но в ответ на расспросы начинал пугаться в деталях и делал вид, что ему неприятно об этом вспоминать. На самом же деле он ни разу не выстрелил в припадке гнева, потому что на то были причины, о которых он действительно не хотел рассказывать.

Однажды вечером он поехал на свидание с девушкой в бар Макати. Он мчался на мотоцикле по пустынным улицам вокруг лежавшей в руинах гостиницы «Патай». Когда он свернул с Сайанг-авеню на Шугат-драйв, в свете фар неожиданно возникла кошка. Он резко затормозил. Мотоцикл вырвался из-под него и заскользил по мостовой, высекая искры. Он с трудом поднялся, трясясь от ярости и пережитого потрясения, и тут увидел кошку, из-за которой чуть не разбился сам и почти наверняка загубил мотоцикл.

А через полминуты его история о стрельбе из пистолета в припадке гнева приобрела кое-какие основания. Он по-прежнему путался в деталях, но при этом его щеки, по крайней мере, не горели от стыда.

Пьяный полицейский в самом скверном настроении вел патрульную машину через то, что когда-то, во времена его молодости, было кварталом красных фонарей, настоящей золотой жилой для несовершеннолетних шлюх и сутенеров. Он остановил машину, посмотрел на пустые дома и долго вглядывался в перспективу улиц, которые прежде ярко сверкали в свете неоновых ламп. Его глаза слезились от воспоминаний и пива, и он хрипло прошептал:

— Я вымирающий вид, человек из прошлого.

Тут на глаза ему попала кошка. Полицейский машинально достал револьвер и выстрелил в нее. Увидев, как она истекает кровью, он вытер рукой глаза и открыл еще одну банку пива, а потом тронул машину, отъехал от бордюра и продолжил медленное путешествие по закоулкам памяти. Через час он застрелился.

Женщина, ребенок которой умер от заражения крови, потому что его оцарапала какая-то заразная тварь, тронулась умом и бродила по улицам, обуреваемая жаждой мщения, убивая всех кошек подряд и делая зарубки на деревянной рукоятке пистолета.

Обкуренный наркоман, чувствующий свою неуязвимость, желание бросить вызов всему миру и готовый продемонстрировать это любому движущемуся объекту.

Ненавистник кошек. Любитель мышей. Защитник крыс. Шофер гангстера.

4

— Мне все равно, кто ее застрелил, — сказал Тотой. Он лежал на мостовой, раскинув руки, а когда поднялся, на брусчатке остался влажный след от пропотевших шортов и футболки. — Я устал. Никогда в жизни так долго не бегал.

Винсенте присел на корточки рядом с залитым кровью комком шерсти и провел рукой по редким клочкам волос, уцелевшим у него на голове после встречи с патрулем муниципалов.

— А мне не все равно. Странно, зачем он это сделал?

— Я бы остался здесь на всю ночь, лишь бы никуда больше не ходить.

— Да нет, я о кошке. Как можно настолько разозлиться, чтобы ее убить?

— Я серьезно. Я так устал, что заснул бы прямо здесь.

— Ну ладно, если бы вокруг жили люди. Кошка могла мяукать и мешала кому-то спать.

Но здесь ведь никто не живет.

— У меня во рту пересохло. Хочу чего-нибудь попить.

— Ты потрогай, она еще теплая.

— Может, поищем какой-нибудь мини-маркет? Проскользнем мимо охранника и стырим банку кока-колы.

— Бедная кошка...

— О, кока-кола... «Освежающий и незабываемый вкус!»

— Думаю, что только одно из двух.

— Кока, — нетерпеливо произнес Тотой. Винсенте взял в ладонь кошачью лапку, провел большим пальцем по втянутым когтям и покачал головой.

Разговаривать с Винсенте иногда бывало непросто. Он мог начать болтать о странных вещах, и к тому же у него была привычка настолько чем-то увлекаться, что он целых две недели, а иногда и больше, не мог говорить ни о чем другом. Несколько месяцев назад он буквально зациклился на аде.

На этот счет не существовало никакого официального требования или правила, но считалось, что за миску бесплатной похлебки полагается выслушать проповедь. Ирландский священник, прихрамывая и волоча за собой искалеченную во времена миссионерской молодости на Минданао ногу, подходил к месту в столовой, где вы сидели под полотняным навесом. Какое-то время он наблюдал, как вы уплетаете рис, а потом, стоило вам только взглянуть на него, подмигивал и расплывался в улыбке. Когда же до доньшка миски оставалось совсем немного, он кашлял, прочищая горло, и чрезвычайно бойко, хотя и с акцентом, шпарил на тагалоге.

Обычно он начинал так:

— Хочу вам кое-что рассказать, ребята. Сидите спокойно и слушайте. Прошлой ночью я лежал в постели и не мог заснуть, со мной такое бывает, и тут мне в голову пришла необычная мысль. Одному Богу ведомо, где находится рай. Для нас же, для вас и для меня, место, где находится рай, — вечная тайна. Однако — и это тоже тайна — мы точно знаем, как найти рай. Мы не знаем, где он находится... и все-таки можем его найти. Интересная мысль, правда? Давайте немного поговорим об этом.

Но в тот вечер события приняли другой оборот. Едва священник начал прочищать горло, как Винсенте сказал:

— Падре, я боюсь, что попаду в ад.

— О, — ответил священник, удивленный не столько смыслом сказанного, сколько готовностью Винсенте поддержать разговор, ведь его нахлебники обычно не отличались особой разговорчивостью. — ...Ну, я бы сказал, что ты слишком молод, чтобы думать о таких вещах. Может, расскажешь, как ты дошел до этого?

— Просто я так думаю.

— Это глупая мысль. Я давно тебя знаю, ты хороший мальчик. Слишком хороший для дьявола.

— И все-таки я думаю, что попаду в ад.

— Понятно. — Падре сплел пальцы с обкусанными ногтями, и они образовали некое подобие арки. — Винсенте, что ты натворил? Может, хочешь рассказать это мне лично, только мне? Мы могли бы пройтись или...

— Я только собираюсь это сделать, но еще не сделал.

— Собираешься согрешить?

— ...Не знаю, как мне этого избежать.

— Но, сын мой, для этого и существует церковь. Она дает тебе силы и направляет, чтобы...

— Ад, — сказал Винсенте, — это навсегда, и он никогда не кончается. Стоит только в него попасть, как уже не выбраться.

Священнику явно не понравилось, что его перебили, но он взял себя в руки.

— Ты прав, Винсенте. Муки ада вечны.

— Как вы думаете, если мой отец умер, он в аду?

— ...Твой отец?

— Но это возможно? — Я...

— А кто-нибудь попадает в ад? — ...Да.

— Значит, это возможно.

— Ты можешь сказать такое, если его уже нет среди живых. Но...

— Я думаю, он именно там, потому что бросил меня. И еще мне кажется, что его там пытаются черти.

— А вот если я попаду в ад, то стану чертом, — вдруг резко перебил его Тотой. И сразу же заметил, как в голосе Винсенте что-то изменилось. Он неожиданно стал холодным и решительным, а Тотой знал, что это предвещает неприятности. Виновника неприятностей могли лишиться бесплатного супа. — Как только я туда попаду, тут же попрошусь в черти.

— Послушай, Тотой — проворчал священник. — Ты ни на минуту не должен хотеть стать чертом. Ворота рая для чертей закрыты, и они испытывают те же муки, что и проклятые души.

— Падре, мне кажется, что его там пытаются черти, — повторил Винсенте, не обращая ни малейшего внимания по попытку Тотоя перевести разговор на менее опасную тему. Он отставил миску в сторону, хотя в ней еще оставалось немного супа. — Он в аду, и ему оттуда не выбраться. По-моему, это несправедливо.

— Чертей должно быть очень много, — произнес Тотой с возрастающим беспокойством. — Ведь в аду полно места.

Но теперь уже священник стал таким же непроницаемым, как Винсенте.

— Тебя волнует совсем не справедливость, — сказал он с убежденностью, которая приобретается только на собственном опыте. — Чтобы найти справедливость в жизни, ты должен понять, чего хочет Господь. — И, как бы в подтверждение своих слов, постучал костяшками пальцев по искалеченной ноге.

— Я не пытаюсь искать справедливость в жизни. Человек попадает в ад после смерти, и, по-моему, Бог поступил несправедливо, отправив туда моего отца.

— Винсенте, если твой отец в аду, что никому из нас не дано знать, его отправил туда не Бог. Все совсем не так. Принимая то или иное решение при жизни, мы сами определяем, что с нами случится после смерти.

— Никто не может *решить*, что он отправится в ад.

— Ты хотел сказать, что никто *не хочет* туда отправляться, но...

Винсенте снова перебил священника:

— Если Господь отправил моего отца в ад, я смогу увидеть его, только отправившись туда вслед за ним.

— Э... — сказал священник, — похоже, я медленно соображаю. Теперь я вижу, к чему ты клонишь.

— Вы думаете, что в аду есть дни для посещений?

— Погоди-ка, сын мой...
— Я в этом сомневаюсь.
— Сын мой...
— Значит, если я не сделаю ничего плохого в жизни, то никогда больше его не увижу.
А если сделаю, то встречу с отцом, но навечно останусь в аду.
— Сын мой, да послушай же меня!
— И вы считаете, что это справедливо?
— Я уже сказал: чтобы найти справедливость в жизни, нужно понять...
— *О Господи!* — взорвался Винсенте. — Я не спрашиваю о желаниях Господа или о вашей чертовой ноге! Я спрашиваю вас, справедливо ли это?!
Священник растерялся.
— Я... — только и смог он сказать.
— Пожалуйста, не прогоняйте нас! — взмолился Тотой.
— Так как же, падре, да или нет?! — вне себя выкрикнул Винсенте и вскочил. — Неужели, черт подери, трудно ответить?

Священник был добрым и милосердным человеком, поэтому не отлучил ни одного из мальчиков от кухни, несмотря на ругань и драку, которая разгорелась за остатки еды в миске, когда Винсенте отшвырнул ее от себя.

— Не волнуйся, сын мой, — сказал падре, когда Тотой пришел к нему на следующий день и стал пространно извиняться за поведение своего друга. — Конечно же, приходите оба. Добро пожаловать. Приходите в любое время. Драка за еду не самое плохое из того, что происходит в этой жизни... хотя мне бы очень не хотелось, чтобы она повторилась. — А потом добавил: — Да, знаешь, прошлой ночью я разговаривал с Богом. Никто из вас не отправится в ад: ни ты, ни Винсенте, ни его отец. Передай это Винсенте. Я не хочу, чтобы вы думали о чертах, ты меня понял?

Тотой заверил его, что не станет больше думать о чертах. И сдержал свое обещание.

Но Винсенте продолжал о них думать. Каждую ночь, целых две недели. Что тут поделаешь? Такой уж он был человек.

Тотой вскочил.

— Вот что я тебе скажу, Сенте. Я не собираюсь целый месяц говорить только о том, кто подстрелил эту кошку. Ясно?

Винсенте немного помолчал и сказал:

— Давай поищем мини-маркет. После такой пробежки я бы не отказался от кока-колы.

5

Но никакого мини-маркета не было и в помине. Не было вообще ничего. Идти было совершенно некуда, но не имело смысла и возвращаться. Каждый из ребят спрашивал себя, не заблудились ли они, особенно Тотой, которому вообще, насколько он себя помнил, никогда не случалось заблудиться. Это было все равно что вдруг разучиться плавать, когда ты уже нырнул в реку.

В свою очередь, Винсенте пугало не столько само это место, как то, что такое запустение могло существовать посреди Манилы. Обычно вокруг всегда были люди.

А еще его смущало, что здесь когда-то, причем совсем недавно, кипела жизнь. Об этом говорило буквально все вокруг: покрытые слоем грязи витрины магазинов, свисавшие ключьями рекламные плакаты и разбитые неоновые надписи. Сквозь окна ресторанов, казалось, можно было различить посетителей, сидящих за бутылкой пива. В одном заброшенном баре был даже музыкальный автомат. Он лежал на боку, посреди кучи покореженных банок из-под пива и смятых газет, похожий на японский сундук с драгоценностями, плавающий в море проклятых банкнот. Непонятно, с какой стати все эти

вещи, которые еще могли бы послужить, попросту бросили здесь, вместо того чтобы привести в порядок. Как будто за какой-нибудь час ночная жизнь переместилась в другое место.

Та же мысль явно пришла в голову и Тотоя, который выразил ее на свой манер.

— Я смотрю в оба, — тихо произнес Тотой, и они прошли целую улицу, не обменявшись ни единым словом.

Винсенте удивленно поднял брови:

— С какой стати?

— Клоун!

— ...Какой еще клоун?

— Клоун из «Макдоналдса». Похоже, это из-за него здесь никого нет. Наверное, он тут охотится.

Винсенте был доволен, что приятель не стал вдаваться в объяснения насчет клоуна. Ему и так было не по себе; не хватало еще выслушивать фантазии Тотоя.

Они почувствовали облегчение, выбравшись на пустырь, освещенный редкими кострами из мусора и луной. За ним виднелся ряд приземистых лачуг, в некоторых горели электрические или керосиновые лампы.

— А здесь как дома, — сказал Тотой.

— Ха-ха!

— Можно у кого-нибудь узнать, как добраться до Эрмиты.

— С нас не убудет.

— Ну, так что...

— Давай лучше попробуем сами.

6

Когда они достигли середины пустыря, Тотой сказал:

— Это из пистолета. Винсенте кивнул в ответ:

— Громко.

— Совсем близко.

— В какой-то хибаре.

— Хорошо, что мы ее уже прошли.

— Точно.

Они замерли и прислушались. Эхо выстрелов отражалось от окружающих пустырь лачужек и отдавалось в груди мальчиков.

— Вот этот громче других.

— ...Кто-то кричит.

— Не останавливайся.

— Да, надо делать ноги.

Спасение девушек

1

Он ходил из гостиной в кабинет, поглядывая на экран компьютера, а потом от стола к окну, щуря глаза от булавочных уколов пришедшего издалека света. Под «*Не откладывай на завтра*» он напечатал: «*Представь себе атом водорода*».

Итак, представь себе атом водорода, Сенте. Самый распространенный атом с единственным электроном, вращающимся вокруг ядра. А теперь представь, что увеличил

ядро в пять триллионов раз, и оно стало размером с монетку в один песо. При этом масштабе электрон будет от него на расстоянии одного километра.

Километр между ядром и электроном, если бы ядро было размером с монетку в один песо. Даже если бы ты мог увидеть атом, в нем ничего невозможно разглядеть, кроме пустоты. Столько места для движения по кругу.

Так много места, что если выстрелить нейтрино в свинцовую плиту толщиной со световой год, вполне вероятно, что нейтрино ни с чем не столкнется и вылетит с противоположной стороны.

Неплохой шанс выжить, если ты блок свинца толщиной со световой год, который пытается прострелить себе голову из пистолета, заряженного нейтрино.

И тоже неплохой шанс, если ты — решивший покончить счеты с жизнью нейтрино, прыгающий с тридцатого этажа небоскреба Легаспи. Ты бы врезался в мостовую и промчался сквозь нее: сквозь асфальт, почву, скальное основание, сквозь всю планету — и продолжал мчаться вперед.

Неплохой шанс выжить для непостижимо большого и непостижимо малого.

Ты мог бы надеяться, что так будет и с девушкой, если она прыгнет с тридцатого этажа небоскреба Легаспи. Ведь вокруг столько места, столько пустоты, в которой можно вращаться, что атомы девушки и атомы мостовой могли бы договориться между собой и пропустить ее, не причинив ей вреда.

Звучит довольно разумно. Вот только оказывается, что для постижимого шансы никудышные.

Альфредо вытер пот с верхней губы. — Стоп, — сказал он себе и нажал на кнопку «delete».

2

Альфредо решил отказаться от сегодняшней встречи с Тотоем. Пожалуй, ему надо с большей осторожностью подходить к сознательным рассказам о жизненных катастрофах и падениях, чем к бессознательным. Но это могло и подождать, поэтому он, как обычно, занялся своим любимым воспитанником, если, конечно, такое определение подходило для Винсенте. Четкими заглавными буквами он написал на кассете, где был сон Винсенте: «#43. Умиравший/мертвый ребенок, равнодушный отец».

Альфредо хорошо помнил, о чем они говорили, поэтому не стал сразу прослушивать запись, а вернулся к предыдущим материалам, также связанным с отцом.

— Отец, отец, — бормотал Альфредо, ведя пальцем по полкам, где были записи Винсенте. Многие из сорока трех записей так или иначе касались отца, поэтому было из чего выбирать. Палец задержался на #4, потом на номерах 5, 6, 9, 11, 16, 17, 18, 23, 24, 28, 30, 31, 36, 37 и в конце концов остановился на номере «#29. Бегущий человек (версия 2)/отец-ад».

— ...Ты уже не в первый раз рассказываешь мне этот сон.

— Да, но мне больше ничего не снилось на этой неделе.

— ...Понятно.

— Ты не заплатишь мне за него?

— Почему ты так решил?

— Просто ты жалуешься, что Тотой все время рассказывает тебе одно и то же.

— Это разные вещи. Сейчас меня интересует, почему этот сон приснился тебе несколько раз.

— Ну да, он снился мне несколько раз.

— А как часто он тебе снится? Раз в неделю, в месяц...

— Иногда бывает, что каждую неделю, а иногда не снится подолгу.

— И сколько это уже продолжается?

— Ну, не знаю. Примерно год.
 — Примерно год. Но ведь...
 — Что?
 — А то, что мы познакомились примерно год назад, и тогда ты сказал, что все так и было на самом деле. И еще ты сказал, что это случилось два года назад. Вот я и удивляюсь, почему это вдруг стало так важно для тебя.
 — Э-э...
 — Скажи, почему ты думаешь, что это важно?
 — Скажи сам.
 — Нет, сначала ты.
 — Фредо, мы сегодня говорим уже очень долго. Я устал. И потом, я хочу найти Тотоя, пока не...
 — ...Не стемнело. Хорошо. Итак... если человек плохо ориентируется в городе, то, по-твоему, на него могут напасть хулиганы. При этом ты уверен, что смог бы уйти от погони, оказись на его месте.
 — Ну...
 — А еще ты говоришь, что этот человек был хорошо одет, и в руке у него была сумка. — Да.
 — Итак... это о чем-нибудь тебе напоминает? Или о ком-нибудь?
 — Нет.
 — Ну же, Сенте! Это должно тебе о ком-то напоминать.
 — Напоминает о человеке, который убежал от погони.
 — Прекрасно, но и еще о ком-то. Послушай, мы знакомы уже почти год. В прошлом году тебе стал сниться сон про хорошо одетого человека с сумкой в руке, который не ориентируется в городе. Почему ты смеешься?
 — Это ты. Ты думаешь, что этот человек — ты.
 — Что же тут смешного?
 — Хорошо одетый?
 — Я ношу дорогие вещи.
 — Неужели? — Да... А сумка?
 — У него не сумка, а дипломат.
 — У меня тоже не рюкзак.
 — Но уж точно не дипломат.

— Черт, — сказал Альфредо, нажав на кнопку «stop», и поглядел на трезвонящий телефон. Он считал звонки, злясь на себя, что отключил автоответчик. После двадцатого стало ясно, что Ромарио от своего не отступится.

3

Их связывало только то, что когда-то давно они учились в одной школе. Им нравилась разная музыка, разные фильмы и книги. Ромарио говорил короткими законченными фразами, а Альфредо и сам себя понимал не сразу. Он родился в богатой семье, а Ромарио пришлось зарабатывать самому. Когда Ромарио еще гулял напропалую, Альфредо уже был женат. Когда же Ромарио нашел свою единственную любовь, любовь Альфредо выбросилась с балкона собственной квартиры.

Именно по этим причинам, а также многим другим, эта дружба была для обоих предметом постоянного недоумения, судя по тому, сколько времени они посвятили за все эти годы обсуждению того, как они встретились и почему все еще не разбежались в разные стороны.

Несколько секунд Ромарио молчал, явно не желая говорить, а потом спросил:

— Паре, с какой стати ты делаешь вид, что тебя Нет дома? Ведь мне с работы видно, что у тебя горит свет.

Альфредо кашлянул.

— Я просто забыл выключить свет, паре.

— Черта с два! — рявкнул в ответ Ромарио. — Ничего ты не забыл. Просто хотел проверить, на сколько у меня хватит терпения.

— Извини.

— Сам-то ты никогда не догадаешься позвонить. Никогда! Кто кому звонит? Всегда я тебе звоню.

— Извини еще раз.

— Знаешь, что я об этом думаю? Ты меня испытываешь. Если бы я не позвонил, то не прошел бы испытания, и мы, возможно, не увиделись бы целых полгода.

— Нет, паре, — твердо сказал Альфредо, удобнее устраиваясь на диване и сунув трубку куда-то под подбородок. — Никуда бы я не исчез на полгода. Но вот насчет испытания ты, наверное, прав.

— Еще как прав.

— Может быть, не мне, а тебе надо было стать психологом.

— Может быть.

— Ты прошел испытание. Я рад, что ты не повесил трубку.

— Еще бы тебе не радоваться. Альфредо улыбнулся:

— Вот я и радуюсь.

— Отлично. Подожди, я сейчас.

— После рекламной паузы мы сыграем для вас композицию, записанную двумя ребятами, которые здорово изменили представления о техно в Пиное и теперь играют в самых стильных клубах Макаати. Вы знаете, о ком я говорю — сразу к нам из Кардона-Ризаль; увеличьте громкость и оторвитесь с нами. Но сначала — короткое сообщение от «Бургер-машины». Это ваш круглосуточный бургер, бургер, который никогда не спит...

На других радиостанциях, если линия была занята, звонившим проигрывали какую-нибудь классику из стандартного набора записей фирмы «Касио», а вот у Ромарио их переключали на радио «Флип ФМ» — единственную станцию в Маниле, круглосуточно передававшую танцевальную музыку. И все потому, что она тоже принадлежала Ромарио.

— А тебе известно, — однажды спросил его Альфредо, — что радиоволны от «Флип ФМ» распространяются далеко в космос? Через несколько миллионов столетий они достигнут ушей новых слушателей — инопланетных существ.

Ромарио ничуть не смутился.

— Это замечательно, Фредо. Мне нравится долгосрочная стратегия, но в данный момент меня больше волнуют существа в Илокос-Норте. Перезвоню, когда мне удастся передать мало-мальски приличный сигнал на Северный Лусон.

— Ну вот и я, — прозвучал голос Ромарио, прорвавшись сквозь переделанные ритмы техноджаза или чего-то подобного. — Предлагаю пойти к японцам. Вчера вечером я здорово перебрал и чувствую себя просто отвратительно. Японская кухня пошла бы мне на пользу.

— Неужели?

— Странный ты малый. Да что тут такого? Японская кухня всем подходит.

Альфредо помолчал.

— Всем?

— Всем. Мне, тебе — всем.

— Все — это больше, чем двое. «Все» предполагает и других.

— Ну... — было слышно, как Ромарио перебирает какие-то бумаги. — Ну так как, паре? Как насчет японцев?

— Только ты и я, да?

Снова послышался шелест бумаг. — Ну...

— Ромарио! — Что?

— Ты, я и кто еще?

— Ну... Я буду с Сильвией. Альфредо прикрыл глаза:

— А Сильвия приведет...

— Не знаю. Да какое это имеет значение?

— ...девушку.

— Нет, коробку с пончиками. Да, девушку! Она, вроде, работает в журнале *Inquirer*. Просто удивительно, что у такой красотки никого нет. Личико прямо ангельское, и к тому же умница. Любит книги.

— Ромарио... — перебил Фредо.

— Оп-па, — сказал Ромарио. — Мне пора. У меня сегодня еще одна встреча. Слушай, Фредо, и запоминай. Я пробуду на работе еще минут сорок, а потом отправлюсь в ресторан. Если надумаешь прийти, перезвони, я за тобой заеду. А если нет, то ты просто дурак, и очень скоро тебе не на ком будет ставить свои дурацкие опыты.

— Хорошо, — произнес Альфредо в уже замолкшую трубку.

4

— *Это не рюкзак!*

— *Но уж точно не дипломат.*

— *...Отлично.*

— *И не какая-то там паршивая сумка.*

— *Но и не дипломат.*

— *Извини.*

— *Тебе не за что извиняться.*

— *Мне показалось, что ты слегка обиделся.*

— *Обиделся? Совсем нет.*

— *И бегущий человек — это тоже не ты. То есть я понимаю: ты думаешь, что это мог быть ты. Вроде того как пару недель назад мне приснилась кошка, а ты сказал, что этой кошкой мог быть Тотой. Это я понимаю. Кошка действительно чем-то напоминала Тотоя.*

— *Значит, бегущий человек не был похож на меня.*

— *Точно не был.*

— *Тогда, может быть, он напоминал кого-то другого?*

— *Вот об этом я как раз собирался сказать. Он чем-то был похож на моего отца.*

— *Угу. И чем же?*

— *Они оба погибли одинаково.*

— *Если только твой отец погиб, Сенте.*

— *Он погиб, и погиб именно так. Думаю, что он попал в ловушку. За ним погнались, а он, как и бегущий человек, не знал, что делать, поэтому его поймали. Я это так себе представляю.*

— *Гм...*

— *Ты тоже так думаешь?*

— *Это сложный вопрос. Судя по тому, что я о тебе знаю, возможно, что твой отец и погиб. И я предполагаю, что если он погиб, то все так и было.*

— *Ладно. Я думал, ты попросишь меня об этом рассказать.*

— *...Я не стал бы тебя об этом просить. То есть, по-моему, невозможно узнать, что случилось с твоим отцом, но, если подумать... все могло произойти именно так, как ты описываешь.*

— *Да.*

— *Все это очень печально.*

— Печально?
— А ты так не думаешь?
— Это смотря для кого. Печально для него, потому что он перед смертью сильно перепугался. Но... — Но?..
— Не знаю. Тотую пару раз в неделю снится его мать, а она такая зараза! Ты когда-нибудь видел мать Тотоя?
— Нет.
— Вечно грязная, худющая, на лице десяток белых шрамов, и люди говорят, что у нее СПИД. Когда она умрет, то, скорее всего, попадет в ад, потому что пичкала наркотиками сестренку Тотоя, чтобы малыша выглядела больной. Однажды не рассчитала дозу, и та умерла. Кому же из нас лучше: мне или Тотую? Когда я смотрю на его мать, то думаю, что по крайней мере не увижу своего отца в таком состоянии. Он не валяется весь в дерьме где-нибудь под забором. В моей памяти он остался хорошим человеком, значит, он не в аду. Он в раю, и я когда-нибудь увижу его, если только не... В чем дело?
— ...А что?
— Ты так на меня посмотрел... В чем дело?
— Разве я на тебя посмотрел?
— Ты посмотрел на меня как-то странно.
— Неужели?
— Да. Когда я сказал насчет рая и что снова встречу с отцом.
— И что же в моем взгляде было... странного?
— Похоже, ты подумал, что я ошибаюсь.
— Насчет чего?
— Насчет того, что встречу с ним снова.
— ...Э...
— Ты думаешь, я ошибаюсь. Это видно по твоему лицу.
— ...Нет.
— Нет? Тогда посмотри мне прямо в глаза и скажи: встречу я с отцом в раю или нет?
— Ну...
— Почему ты не хочешь сказать?
— Не мне об этом говорить.
— Но ведь ты согласился со мной насчет того, как он мог погибнуть.
— Это разные вещи.
— Ничего больше не говори! И так ясно, о чем ты думаешь. Что-то я не пойму тебя, Фредо. Может, ты знаешь то, чего я не знаю?
— ...И что же я такое могу знать?
— Выключи эту штуку. Мне что-то расхотелось играть в вопросы и ответы.
— Это не игра, Сенте. Я хочу, чтобы ты сам попытался ответить на свой вопрос. Так что же мне может быть известно?
— Я не уверен.
— Не спеши, подумай.
— Ты... ты думаешь, что я не встречу с отцом в раю, а это значит, что либо я туда не попаду, либо...
— Сенте!
— Уже темнеет. Я сказал, что хочу закончить разговор до темноты. А сейчас уже темно.
— Тебе нужно найти Тотоя.
— Да, мне нужно его найти. Сегодня вечером мы идем за бесплатным супом. Мне надо спешить.
— Хорошо...
— Тогда дай мне, пожалуйста, деньги.

Альфредо вынул пленку из магнитофона, вставил ее в коробку и положил на пол. Его голове было мягко на ковре, левая нога упиралась в жесткий пластиковый плинтус, и бумаги с шуршанием разлетелись по полу, когда он раскинул руки.

Он подумал: извини Сенте.

Извини. Этот разговор об аде застал меня врасплох. Я мог бы лучше ответить на твои вопросы.

Дело в том, что галактики разбегаются в разные стороны, как точки на шарике, когда его надуваешь. У атома водорода только один протон. В капле воды сотни миллионов атомов водорода, а галактики состоят из сотен миллионов звезд.

Девять планет вращаются вокруг нашей звезды. Мы не центр Солнечной системы, а Солнечная система совсем не центр нашей галактики, которая в свою очередь не является центром разбегающейся Вселенной.

Мать Тотоя не отправится в ад, потому что она уже там. Твой отец не в аду, потому что там никого нет. Но он и не в раю, потому что там тоже никого нет. Когда шайка бандитов гонится за тобой по незнакомым улицам или ты врезаешься со скоростью двести миль в мостовую, летя вниз с небоскреба Легаспи, — после этого не происходит ровным счетом ничего.

Что и требовалось доказать

1

Хибары в дальнем конце пустыря были слеплены из старых досок, кусков пластика и рифленого железа. Здесь мальчики полностью потеряли ориентацию. И только небо оставалось неизменным: мелькало у них над головами, когда они сворачивали то вправо, то влево — в проходы настолько узкие, что ребята едва протискивались в них своими далеко не широкими плечами.

Они пытались менять направление и тактику, считали повороты, чтобы выйти на открытый участок. Если дорога, выбранная Тотоем, приводила их слишком близко к опасному месту, Винсенте тут же решительно менял направление. А если, окончательно запутавшись, Винсенте принимался кружить на одном месте, инициатива переходила к Тотоя.

Но что бы они ни делали, охота, казалось, шла повсюду: она пыхтела сзади, рычала впереди и со всего маху ударялась о стены лачуг. Со всех сторон, все ближе и ближе. В какой-то момент им показалось, что они выбрались, но вдруг метрах в двадцати-тридцати опять затрещали выстрелы. Тогда они повернули назад от того места, где слышалась стрельба, и явственно ощутили запах пороха.

Винсенте крепко ухватил Тотоя за рукав футболки. Тотой замедлил бег.

— Пора с этим кончать, — прошипел Винсенте, — а то нарвемся прямо на них. Если будем бежать, они нас подстрелят.

Голова Тотоя повернулась, словно стрелка компаса, и он прошептал:

— Ладно.

— Они будут стрелять по всему, что движется.

— Я бы сейчас забрался на стену. Мы были бы там в безопасности.

— Нет тут никакой стены. Нам просто нужно затаиться. Мы их не интересуем. Затаимся и пропустим их.

— Хочешь замереть на месте? Винсенте кивнул.

— Стой спокойно, пускай себе бегут.

Им не пришлось долго ждать. Неожиданно появился человек. Он мчался, словно груженный лесовоз по ночной дороге, заполняя собой все пространство, и так же неожиданно исчез в темноте. Но только не впереди. Увлекаемый страхом, он провалился куда-то вниз в треске ломающихся досок.

За его падением в сточную канаву последовало несколько секунд тишины, после чего он одним рывком выбрался наружу, весь покрытый липкой жидкостью, и помчался дальше. Кровь так шумела у ребят в ушах, что они даже не слышали его стонов.

А через пару мгновений появились два человека в костюмах.

2

С тем, который свалился в сточную канаву, все было кончено. Ему не могли помочь ни автоматический пистолет, ни внушительный рост. Его должны были настигнуть и прикончить те двое в костюмах, такая уж ему выпала судьба, как ни крути. Об одном только надо было помнить: смерть настигнет любого, кто вздумает встать на ее пути.

И Сенте это понимал. В конце концов, именно он предложил остановиться, затаиться и пропустить погоню. Тотой же так и не понял, что произошло. Когда те двое пробежали мимо, он едва успел произнести «фьюить», а Винсенте уже рванул с места, как китайская шутиха, и припустил за ними.

Тотою захотелось повалить его на землю и спросить, что это еще за дурацкая игра и с какой стати им влезать в погоню, вместо того чтобы воспользоваться возможностью и уйти от нее. Хорошо бы прыгнуть на него сзади. Но спина Винсенте едва виднелась в темноте. Он бежал так быстро, что, казалось, пытается обогнать преследователей.

У Тотоя было полно вопросов, но обдумывать их не оставалось времени. Все внимание сосредоточилось на необходимости не потерять из виду мелькавшую впереди футболку Сенте и следить, напрягая глаза в темноте, за тем, как бы не оступиться.

И все же какая-то крошечная часть мозга продолжала задавать вопросы. Это вызывало удивление и легкое раздражение, но ничего нельзя было поделать. Странно, он чувствовал, что его голова существует как бы отдельно от тела.

Все началось с ритма, заданного его бегущими ногами, если предположить, что у них был какой-то ритм. Раз-два, раз-два-три, раз-два-три-четыре... Потом числа вдруг превратились в слова, и в его голове зазвучала считалка.

— Надо попасть в ритм, как ты не понимаешь!

— Я что тебе девчонка, что ли? — выкрикнул Тотой, когда после очередного прыжка веревка обвилась у него вокруг ног. — Я похож на девчонку? Может, я ношу юбку?

— Думаешь, одни только девчонки прыгают через веревочку?

— А где ты видела, чтобы мальчишки скакали через нее?

— Боксеры прыгают! Олимпийские чемпионы по боксу!

— Ну да!

— Еще как прыгают! Ты считаешь себя лучше боксеров?

— Вот именно!

— Ха! И такой заморыш считает себя круче олимпийских чемпионов по боксу!

— Да!

— Ах ты заморыш...

— Да пошла ты... — Тотой схватил веревку и швырнул матери в лицо. — На! — крикнул он и пошел прочь.

Она окликнула его шагов через десять.

— Эй, Тотс, не валяй дурака. Это только сначала трудно, а потом получится.

— Да не хочу я, чтобы получалось, — бросил Тотой через плечо.
— Я просто хотела развлечься, но если не хочешь, мы не будем прыгать.
— Развлечься... — произнес Тотой с таким же отвращением, с каким называл имена особо опасных полицейских.
— Вернись, Тотс. Я так редко тебя вижу... Ведь ты мой сын.
— Сын! — с неприкрытой издевкой выпалил Тотой. — Ты хоть помнишь, *что* ты меня заставляла делать в прошлый раз?
— Ну, хватит об этом! — заявила мать. — Этот мужик все равно бы тебя не трахнул! Мы перерезали бы ему глотку задолго до этого!
— Значит, я не был тебе сыном, когда ты сторговала меня этому жирному австралийцу? Но все в порядке, ведь ты собиралась убить его еще до того, как он расстегнет штаны?!

Мать развела руками.
— Тотс, одному Богу известно, сколько раз я раскаивалась, что задумала такое. Неужели ты не можешь меня простить? — Тотой повернул к ней голову. — Ведь была пьяная в стельку! — добавила она жалобно и улыбнулась, видя, что он возвращается.

Они присели в тени автобусной остановки и закурили. Обычно Тотой не курил. Лет до одиннадцати он баловался окурками, но так и не пристрастился к курению. А тут закурил вместе с матерью, потому что она предложила ему целую сигарету «Чемпион» из голубой пачки, а он знал, как много это для нее значило.

— А-а, — сказала мать, глубоко затянувшись ментоловой сигаретой. — Похоже на прохладный ветерок с моря. Тотс, как-нибудь мы поедем с тобой в деревню, где я выросла. Тогда ты поймешь, что такое ветер с моря.

— Неплохо бы, — согласился Тотой, подумав, что скорее уж деньги дождем прольются на землю, чем сбудется эта мечта.

— Познакомишься с дедушкой и бабушкой, если они еще живы, с дядями и тетями. Они тебе понравятся. Там полно твоих двоюродных сестер и братьев, так что будет с кем поиграть. — Она зевнула и стряхнула пепел. — В твоем возрасте я только и делала, что играла.

— Наверное, прыгала через веревочку.

— Сейчас по мне этого не скажешь, но тогда я прыгала лучше всех. Быстрее всех, и при этом еще кружилась так, что юбка была как пропеллер. Другие девчонки быстро уставали и не могли петь считалку, а я пела так громко, как мне хотелось, и успевала еще подсматривать за мальчишками, которые играли в баскетбол.

— Вот видишь, — сухо заметил Тотой. — Мальчишки играли в баскетбол.

— Они не прыгали потому, что были слишком перепуганы! Считалка пугала их до чертиков. — Мать рассмеялась и ущипнула Тотоя за щеку своими костлявыми пальцами, чуть не попав ему сигаретой в глаз. — Наверно, поэтому ты так разозлился. Ты тоже испугался! Тотой пожал плечами:

— Какая-то странная считалка. Всех людей съели.

— Так и должно быть, Тотс... — Докурив почти до фильтра, мать пустила ровное кольцо дыма. — Если бы она не была страшной, ничто не удержало бы нас от глупостей.

3

Тотой ошибался. Если бы Винсенте хотел обогнать тех типов в костюмах, то легко бы это сделал: расстояние между ними быстро сокращалось, и он уже не раз мог свернуть во все более широкие боковые улицы. Но Винсенте и не собирался их обгонять. Он присоединился к погоне чисто машинально, без всякого плана.

Одно только его беспокоило.

— Не беги за мной, — тяжело дыша, бросил Винсенте, хотя Тотой был так далеко, что

не мог его слышать. Каждый раз оглядываясь через плечо, Винсенте видел, что хрупкая фигурка маячит где-то сзади.

— Не беги за мной. Встретимся у «Макдоналдса» в Эрмите. Будем просить милостыню на выходе.

В свою очередь, людям в костюмах было не до мальчишки. Казалось, они вообще не замечали своей новоявленной тени.

Весь покрытый дерьмом белый человек вывел своих преследователей из района трущоб в более зажиточный квартал. Как только они там оказались, спринт превратился в бег трусцой, точно они решили полюбоваться красивыми видами, хотя и пыхтели, едва передвигая налитые свинцом ноги.

Цветущие деревья по обеим сторонам улицы напоминали Винсенте пепел, выпавший после извержения вулкана Пинатубо. Правильно, — подумал Винсенте. Оно произошло где-то между исчезновением отца и прыжком Тотоя с дерева в районе Интрамурос, когда Винсенте уже семь месяцев ни с кем не разговаривал. Он узнал об извержении в автомобильной пробке, когда все водители слушали последние известия. Пепел падал на Манилу несколько дней подряд. Его серые хлопья носились в воздухе, покрывая ветви деревьев, собираясь в кучи у обочин.

Винсенте почти улыбнулся, представив, как бы это воспоминание понравилось Альфредо, если бы это был сон. Он наверняка спросил бы: «Этот сон был чем-то вроде кошмара?»

— Конечно.

— Значит, ты проснулся, и тебе было...

— Плохо.

— Как думаешь, что бы это могло значить?

— Я знаю, что ты об этом думаешь!

— Ну, рассказывай.

— Ты думаешь, что цветы на деревьях — это пепел, бегущий человек — мой отец, а Тотой бежит за нами потому, что хочет меня спасти, прыгнув на меня, как тогда, с дерева.

— Ты совершенно прав. Твоя проницательность просто превзошла все мои ожидания. Пора бы мне уже к этому привыкнуть, но никак не получается. Не могу представить, что ты выдашь в очередной раз. Ты все время застаешь меня врасплох.

— Ты это всегда говоришь.

— А что мне еще остается? Ты постоянно удивляешь меня.

— Пожалуйста, дай мне мои деньги.

— Вот именно. *Quod erat demonstrandum*. Что и требовалось доказать.

Винсенте чуть не налетел на двух типов в костюмах. Взглянув вперед, он увидел в свете уличных фонарей, как бегущий человек вдруг остановился метрах в тридцати-сорока от них.

4

Он подумал, что костюмы настигнут беглеца, не снижая скорости, и моментально его прикончат, но вместо этого они сразу же разошлись по противоположным сторонам дороги и, пригнувшись, медленно двинулись по покрытым травой обочинам, как охотники, подкрадывающиеся к загнанному зверю. Винсенте осторожно шагнул вперед, оставаясь посреди дороги.

Он сделал десяток коротких шагов и попытался представить, о чем думает тот человек, стоя на карачках и глядя в землю.

Как бы в ответ человек бросился ничком на асфальт и повел пистолетом сначала в направлении левого, а потом правого типа в костюме, на мгновение задержавшись на

маленькой мишени в центре.

Винсенте не мог понять, почему беглец сразу же не начал стрелять. Может, попадать в людей в темноте и с такого расстояния труднее, чем кажется, а может, в обойме совсем не было патронов или оставалось штуки две.

Пистолет двинулся снова.

Сзади слышались легкие шаги, это приближался Тотой.

Винсенте почувствовал странную боль в груди, как будто чья-то рука сжала ему сердце, и повернулся к костюму справа. На том была рваная рубашка вся в черных пятнах.

— Почему ты его не застрелишь? — спросил Винсенте, указывая на человека. — У тебя что, тоже патроны кончились? Надо стрелять прямо сейчас.

Костюм только сейчас заметил мальчика и бросил в ответ:

— Кто ты такой, парень? — И сердито добавил: — Это не игра! Убирайся отсюда к черту!

Тогда Винсенте повернулся к костюму слева. Тот посмотрел на него, как на пустое место, и сказал:

— Парень, будешь тут ошиваться — тебе конец.

Винсенте так и не понял: это угроза или костюм требует, чтобы он убрался?

— Для меня это не игра, — ответил Винсенте и почувствовал, что дышать стало легче.

Оказалось, что у бегльца больше сил, чем можно было предположить, судя по его безвольной позе посреди дороги. Он с трудом поднялся и заковылял через двор к какому-то дому.

Двое в костюмах наконец-то открыли огонь.

Человек вскрикнул и бросился головой вперед в первое попавшееся окно, которое оказалось окном кухни.

Суперсимметрии

1

Альфредо открыл двустворчатое окно гостиной и вышел на лоджию. Одной рукой он держался за перила, а в другой была фотография в рамке с его письменного стола. Огни города переливались и двигались: мигали фары машин, кто-то открывал шторы, а кто-то поднимал жалюзи, как будто дома были выгравированы на металле. Свет отражался в ночных облаках, и сам город казался темнее раскинувшегося над ним неба.

С высоты тридцатого этажа среди всего этого многообразия кубов и треугольников, среди геометрически правильных коробок торгового центра и квартала офисных зданий Альфредо искал и в конце концов нашел особую форму.

Сенте.

Возьми шесть кубиков и сложи их в форме распятия. Потом возьми еще два и расположи их по обеим сторонам креста. У тебя получился тессеракт, трехмерная фигура. Но это всего лишь след четырехмерного куба.

Если разложить квадрат, получится линия.

Два измерения складываются в одно.

Куб складывается в крест. Три измерения превращаются в два.

Проекция гиперкуба дает тессеракт. Четыре измерения складываются в три.

Ты существуешь в трех пространственных измерениях. Точно так же, как одномерный мальчик не может наблюдать двумерный квадрат, а двумерный мальчик — трехмерный куб, так и ты не можешь увидеть четырехмерный куб.

Четырехмерный куб есть нечто, что тебе просто не дано понять. Другое дело —

тессеракт. Это уже что-то значит.

Так все обстоит для тебя и для меня, Сенте. Нам дано видеть только тень вещей, но не их суть.

2

Ранний вечер. На плите кастрюля с тушеной курицей, которую осталось только подогреть, а рядом кастрюля с рисом. Ты стоишь на лоджии нашей квартиры, облокотившись на ограждение и любуясь открывающимся видом. Сенте расположился с книгой на диване в гостиной.

Он частенько поглядывает на тебя. Иногда ты перехватываешь его взгляд и киваешь ему в ответ. Он тоже кивает или улыбается и снова погружается в книгу.

Потом он находит в книге какую-то мысль, которая, как он считает, могла бы тебя заинтересовать. Это широко известный научный факт, из тех, что так нравятся тебе, или недостающая деталь картинки-загадки, или очередная глубокая мысль.

Сенте обращается к тебе по имени и громко читает отрывок, чтобы тебе было слышно. Он старается говорить четко, пытаясь поделиться с тобой радостью, которую испытал, поняв мысль, облеченную в слова.

Он заканчивает читать, но продолжает смотреть в книгу, потому что знает: если вновь посмотрит в твою сторону, то тебя уже не будет. За ту минуту, что он читал отрывок, ты успела прыгнуть, или поскользнуться, или потерять сознание и упасть.

Это сон.

И всю ночь, пока я сплю, Сенте все смотрит и смотрит в книгу.

3

Альфредо представил, что выпускает фотографию в рамке из рук. Ему видно, как она пролетает этажей пять-шесть, потому что в стекле рамки ярко отражается свет мелькающих мимо окон. А потом, с верхнего этажа небоскреба Легаспи, уже невозможно понять, врезалась ли она в землю или пролетела насквозь.

4-3

Тессеракт

— О'кей, — сказал Шон.

Две пули попали в грудь. Сила удара не отбросила его назад; ноги просто подогнулись, и он рухнул на пол кухни. И, уже на полу, третья пуля впиалась ему в бедро.

Шон пролежал несколько секунд без единой мысли, ощущая одно только беспокойство. Ему казалось, что он выбросился из самолета, попал под машину, что его смыло волной или он оступился и полетел с лестницы. У беспокойства не было ни начала, ни конца. Оно все состояло из безграничного удивления. Если бы в эти мгновения кто-нибудь спокойно с ним поговорил и объяснил, что произошло, Шон со всем согласился бы.

Когда шок прошел, осталось только всепоглощающее ощущение ограниченности времени. Времени, чтобы успеть додумать одну-единственную, последнюю мысль.

Вслед за этим ощущением нахлынула волна воспоминаний, и он увидел лицо девушки.

Из-за нее уже не могло разгореться морское сражение, она не улыбалась загадочно, а смотрела прямо и серьезно, и Шон знал: она сделает все, что в ее силах, чтобы защитить его.

Лито

В свете керосиновой лампы ее серьезное лицо в капельках пота было похоже на полированную бронзу. Лито скатал шарик из риса и положил дочери в рот. Она прикрыла глаза и выплюнула его.

— Невкусно? — спросил Лито, и она кивнула в ответ.

Лито с облегчением вздохнул. Когда Изабелла была беременна, он каждую ночь лежал без сна, со страхом думая, какую форму примет уродство его будущего ребенка. А когда девочка родилась и, после тщательного осмотра, оказалась совершенно нормальной, его беспокойство только усилилось. Значит, уродство скрывается внутри: а вдруг она родилась без одного легкого, с больным сердцем или с дефектом какого-нибудь другого жизненно важного органа?

Поэтому он испытал огромное облегчение, когда девочку отняли от груди и выяснилось, что ненормальность заключалась только в ее отказе есть рис. Да, возникли бесконечные проблемы, потому что у его родителей рис подавали по три раза на день, и ребенок поглощал такое количество жареной картошки, что Лито тошнило при одной мысли об этом. Но несмотря на столь странное питание, малышка превратилась в здоровую и красивую трехлетнюю девочку.

Сзади раздался голос жены:

— Опять выплюнула?

Лито смахнул комарика с ноги дочери: — Да.

— Лито, если ты хочешь, чтобы она ела рис, перестань ее заставлять, и все получится само собой. Поверь мне.

— Нет, Изабелла, — сухо ответил Лито. — Это ты мне поверь. Она не станет его есть.

— Но если ты попытаешься...

— Изабелла, — перебил ее Лито, — хватит об этом.

Изабелла подчинилась. Ее муж был по природе человеком мягким, но становился на удивление непреклонным, когда речь заходила о том, чем кормить дочь. Слава богу, что его раздражение вызывал только такой пустяк, как рис.

— Ну и жара, — сказала Изабелла, чтобы сменить тему. — Такие ночи кажутся бесконечными. Заснуть просто невозможно.

— Это точно, — почти сразу же отозвался Лито. — Лучше устроимся спать на улице.

Изабелла кивнула, радуясь, что голос мужа звучит уже не так раздраженно, и подошла к двери их хижины из пальмовых листьев.

В темноте виднелась лодка. Лито вытащил ее на берег, подальше от прилива. За ней расстилалось сверкающее в лунном свете море, а еще дальше мерцали, как бусинки рассыпавшегося ожерелья, огни главного острова — Лусона.

Огни Сарапа виднелись в миле от их островка.

Рафаэль

Через открытую дверь кухни Рафаэль видел лежащую на полу бабушку. Она была вся в крови, как те люди из попавшего в автокатастрофу маршрутного такси, а за ней в разбитом окне над мойкой появились голова и плечи какого-то мальчика.

У него была стриженная наголо голова с торчащими клоками волос и грязное лицо. Рафаэль не мог понять, что здесь делает этот мальчик и откуда он появился, но главное — почему разбито окно. От испуга его замутило, и по телу пробежала дрожь, как от холода. Он прижал руки к груди. Его пальцы прикоснулись к твердым бугоркам шрамов в надежде, что не будет опять боли от ожога.

В этот момент над головой мальчика показался мужчина, и сразу же раздались крики. Он узнал голос матери, который звучал тише и спокойнее остальных, но более требовательно. Крики все не прекращались. Это были какие-то странные и непонятные обрывки слов.

Вдруг все затихло. Он услышал, как мужчина разговаривает с его матерью.

Потом раздались три громких хлопка. Рафаэлю показалось, будто когтистая лапа ударила его по голове, потащив назад, и он провалился в темноту.

Сонни

— Готово, — сказал Сонни и поднялся, любуясь собственной работой. С новой шиной «хонда» выглядела даже лучше, чем до прокола, и была ему дороже.

И еще ему нравилось, что его рубашка перепачкана грязью и машинным маслом. Давно он уже так не уставал. Сонни сразу же решил, что в ближайшую субботу отправится с Рафаэлем в торговый центр, угостит его пищей или каким-нибудь американским экспресс-блюдом, может быть, сводит в кино; они полюбуются витринами, а потом, чтобы копилка добрых дел хорошего папы никогда не иссякала, он сделает ему сюрприз и купит велосипед.

Велосипед. Возможно, придется снять колеса-стабилизаторы. Рафаэль станет кататься по Балути-авеню, а он будет трусить за ним, придерживая его хрупкую спину, заклеивать пластырем расцарапанные коричневые коленки, заменять проколотые шины.

Сонни решил позвонить Розе, чтобы поделиться с ней этой мыслью. В тот же день она могла бы выйти погулять с Литой и купить ей что-нибудь подходящее для девочки — платье или украшение.

— Первую в ее жизни цепочку, — произнес Сонни. — Золотую.

Всю следующую минуту он разглядывал «хонду», как будто сам собрал ее по винтику, а потом достал из кармана брюк мобильный телефон и начал набирать номер. Но вдруг передумал, уже дойдя до последней цифры. О таких вещах не стоит говорить по телефону, особенно если где-то поблизости крутится Корасон, что весьма вероятно. Лучше он расскажет обо всем Розе потом, когда они будут лежать в постели и она удобно пристроит голову на его левой руке. Самое подходящее время.

Сонни сел в машину, завел мотор и принялся ждать, когда можно будет вписаться в поток машин.

Терой

Терой стоял, прижавшись к стене, возле разбитого окна. Жожо был рядом, а между ними — уличный мальчишка.

Тот самый странный мальчишка, который преследовал их по пятам.

— Хочешь пистолет? — спросил Терой.

Это было нечто вроде шутки. Конечно, он не собирался отдавать пистолет этому странному сорванцу. Кто знает, что ему может взбрести в голову. А вдруг он ненормальный?

— Хочешь посмотреть, что там происходит? Свободной рукой Терой схватил мальчишку и развернул его так, что тот оказался как раз у разбитого окна.

— Ну вот, теперь тебе все видно. Что там? Никакого ответа.

— Я знаю, что ты умеешь говорить. Что ты там видишь?

Снова молчание. Но мальчишку не застрелили и даже не пытались застрелить.

Терой огляделся по сторонам, поднял пистолет на уровень головы мальчишки и толкнул его вперед. Он не хотел, чтобы тот дергался и мешал ему.

Сквозь окно была видна кухня, а в ней — англичанин. Он прижимал к себе молодую жену, щину, используя ее вместо щита. Пожилая женщина лежала на полу, истекая кровью.

Терой не стал стрелять, потому что не хотел убивать молодую женщину. Не стал стрелять и англичанин. Возможно, он боялся попасть в мальчишку, но скорее всего, у него

просто кончились патроны.

— Бросай пистолет! — крикнул Терой англичанину.

Тот прокричал что-то в ответ на своем языке.

— Убери свою чертову башку! — приказал Терой женщине. — Убери башку, и я прикончу его!

Корасон

Тело Корасон самостоятельно боролось за жизнь, принимая совершенно не свойственные ему решения: механизм свертывания пытался остановить кровь, вытекающую из входного и выходного отверстий в боку, мускулы напряглись, сжимая края раны.

Сознание то покидало ее, то возвращалось вновь. Когда оно возвращалось, Корасон сознавала, что лежит на полу кухни. Это беспокоило ее, но не больше, чем если бы она проснулась в неудобном положении, а потом целый день ворчала, жалуясь на боль в затекшей шее.

Когда же она теряла сознание, мозг проявлял большее беспокойство. В бреду ей казалось, что в дом дочери проник Черный пес и собирается растерзать всю семью. Хуже того, если только могло быть еще хуже, она была почти уверена, что сама навела на них Черного пса, ведь она не сделала ничего, чтобы этому помешать, или, скорее всего, как-то облегчила ему задачу словом либо делом. Она сделала что-то не так, совершила какую-то ошибку, которая преследовала ее все эти годы и в конце концов привела к тому, что произошло.

— *Perro negro, perro mio, Dios mio!* Черный пес, пес мой, Бог мой! — горячо молилась Корасон. — *Pog favor, d#233; su protecci#243;n a esta casita y esta familial* Прошу тебя, защити мой дом и мою семью!

Но молитва была такой же путаной и неопределенной, как ее вина, поэтому она не была услышана.

На ее счастье бред постоянно прерывался, не доходя до ужасного конца. Не считая тех нескольких секунд, когда сознание возвращалось к ней, Корасон снова и снова видела сидящего посреди дороги Черного пса, который смотрит на нее взглядом, похожим на дуло пистолета. Ей не довелось увидеть кровавой развязки — она умерла раньше.

Дон Пепе

Рот дона Пепе был красным и сухим в том месте, где лопнул, сорвавшись с губ, кровавый пузырь, глаза закатились, а пальцы хищно скрючились.

В испанском городе Сан-Себастьян владелец ресторана вспомнил о самом привередливом посетителе, которого ему когда-либо доводилось обслуживать, — о старике в льняном костюме, который говорил с непонятным акцентом и выглядел так же нелепо, как и его серебряная коробочка для зубочисток. Где-то в провинции Кесон молодой племянник докера из Манилы, содрогаясь от страха, слушал рассказ о красном тумане и мачете. На острове Негрос могильщик осветил фонариком украшенные надписями стены склепа, построенного в старом кастильском стиле. В особняке в районе Аяла-Алабанг шесть доберманов лизали лапы, прислушиваясь, не доносится ли звук мотора «мерседеса».

Эти обрывки и другие, похожие на них, и были формой, в которой метис продолжал существовать. Сложенные вместе, они давали о нем такое же превратное представление, как стайка мелких рыбешек — о Южно-Китайском море. В этом отношении смерть низвела его именно до такого состояния, которого он больше всего опасался при жизни.

Лита

Лита точно знала, что делать. Она обхватила руками голову Рафаэля, зажав ему глаза, и

потянула его назад. Рафаэль не мог сопротивляться, потому что она была крупнее и сильнее его.

Она дернула Рафаэля с такой силой, что он налетел на нее, и они оба упали на пол прихожей. Но даже в падении Лита не отрывала руки от глаз Рафаэля. Когда же оба оказались на полу, она перевернула его на живот и всем телом прижала к полу.

В таком положении Рафаэль ничего не видел, не мог двигаться и находился под ее защитой. Сколько себя помнила, Лита всегда знала, как поступать в таких обстоятельствах. Она научилась этому от родителей, годами наблюдая за тем, как они ухаживали за ним, разговаривали и даже укладывали его спать.

Она крепко держала Рафаэля до тех пор, пока выстрелы не прекратились и мать не позвала их. Тогда она почувствовала, что опасность прошла и можно его отпустить.

Жожо

Жожо услышал, как Шон сказал «о'кей», и в тот же момент Терой стал стрелять поверх головы уличного мальчишки. Он выстрелил три раза, а потом оттолкнул мальчишку и полез в окно.

Жожо бросил пистолет.

Спотыкаясь, мальчишка отошел в сторону и сделал несколько неуверенных шагов прочь от дома. Он прикрывал уши ладонями, ведь Терой выстрелил прямо у него над ухом, и казалось, что он с трудом сохраняет равновесие.

Жожо подошел к мальчишке, который медленно кружил вокруг одного ему ведомой точки посреди дороги, и взял его за запястье. Пальцы свободно сомкнулись вокруг тонкой кисти, как будто Жожо хотел сжать их в кулак.

— Садись, — сказал Жожо. Слова давались ему с трудом. Язык распух, а голова, казалось, была наполнена дымом. Мальчишка ничего не ответил, и Жожо потянул его за руку вниз. — Садись, парень. Сейчас тебе будет лучше.

Тот сел, а потом лег на спину. Уже в кухне пистолет Тероя выстрелил еще раза три-четыре, и мальчишка дергался после каждого выстрела. Как будто пули попадают в него, — подумал Жожо.

— Эй, эй! Успокойся, ты не ранен. В доме раздался женский крик.

— Ты не ранен, — повторил Жожо и наклонился к мальчишке. — Не понимаю, что ты здесь делаешь и зачем побежал за нами, но думаю, что ты сам знаешь.

На этот раз мальчишка отреагировал, но совершенно непонятным образом. Он мазнул взглядом по Жожо и уставился в небо.

— Я вообще не знаю, как здесь оказался, — продолжал Жожо. — Если бы ты у меня об этом спросил, я бы ответил: просто оказался. Я бы сказал, что так уж... — Жожо нахмурился. Голос отца вдруг прозвучал в его наполненной дымом голове, как будто сорвавшись с распухшего языка, — ... вышло.

Отец, говорящий как священник. Клубы красного тумана, поднимающиеся ранним утром над спинами рубщиков сахарного тростника. Неподвижная фигура на пороге дома, от которой пахнет шелухой кокосовых орехов, упавших с дерева...

Его большой палец машинально повернул обручальное кольцо на пальце левой руки.

— Все кончено, — сказал Жожо и резко поднялся. — Я жив, я возвращаюсь домой.

И он пошел помочь Терою, который неуклюже выбирался из окна кухни.

Тотой

В доме раздалась еще три выстрела, потом крики и плач. Тотой машинально отметил, что плакал и кричал в основном ребенок.

Вскоре из окна стал вылезать человек в костюме. Похоже, он зацепился за осколок стекла, торчащий в оконной раме. Может, даже порезался, потому что вдруг дернулся в

сторону, поскользнулся и упал на землю.

Второй тип в костюме помог ему подняться, и оба пошли вдоль подъездной дорожки, даже не взглянув на Тотоя, а потом потрусили вниз по Дороге в направлении трущоб.

Тотой подошел к лежащему посреди дорожки Сенте и сказал, усевшись рядом с ним:

— Я пытался догнать тебя, но ты бежал так быстро, что я отстал. У меня слишком короткие ноги, и мне не угнаться за тобой, когда ты так быстро бежишь.

Но, похоже, Сенте не слушал. Сжав губы, он по-прежнему смотрел в небо немигающим взглядом, как это уже было однажды, когда Готой спрыгнул на него со строительных лесов.

— Ты выдохся? — спросил Тотой. — Или сердись на меня?

В ответ тишина.

— Чего ты здесь развалился?

Тотой ненадолго отвлекся, прислушиваясь к звукам внутри дома. Плач почему-то усилился. Когда же он опять повернулся к Сенте, глаза его друга уже были закрыты.

Вдруг Тотоя пришла в голову одна мысль. Он осторожно приподнял футболку Сенте и положил ему руку на грудь. Грудь была теплой и влажной, но только от пота, и ощущалось биение сердца.

— Фу, — произнес Тотой, убирая руку. — А мне показалось, что ты умер. — Он помолчал и добавил: — Это все стрельба. Я боялся, что тебя убили.

Плач в доме вдруг резко прекратился. Теперь ночная улица казалась совершенно спокойной.

— Но ты ведь жив, — сказал Тотой и улегся рядом с Сенте, подложив руки под голову. — Ты просто думаешь.

Альфредо

Альфредо прекратил думать. Он закрыл балконную дверь, уселся на диван, снял трубку, набрал номер и стал терпеливо ждать, когда освободится линия, слушая единственную в Маниле радиостанцию, круглосуточно передающую танцевальную музыку.

Ромарио не заставил себя долго ждать.

— Ну что? — раздался его голос.

— А то, — ответил Альфредо, — что чем шире круг света, тем больше область непознаваемого.

— Что?

— Это последнее, что я сказал жене. Вернее, последняя строчка абзаца, который я ей читал. Я так и не знаю, услышала ли она эти слова.

Ромарио кашлянул и произнес: — О...

— Разве я тебе об этом не рассказывал?

— ...Нет.

— Ну, вот и рассказал... Ладно, заезжай за мной.

— Ты пойдешь в ресторан? — Да.

— Точно? — Да.

— О боже! — произнес Ромарио, и Альфредо услышал в трубке, как он захлопнул свой дипломат. — Фредо, оставайся на месте. Я выезжаю. Буду у тебя минут через пятнадцать.

— Отлично.

— Вот здорово! Сильвия обрадуется, а ее подруга тебе очень понравится. Это именно та девушка, которая тебе нужна... — Ромарио запнулся. — Фредо, только смотри не передумай.

— Не передумаю, — ответил Альфредо. — Когда подъедешь, позвони из машины, и я спущусь.

— Через пятнадцать минут.

— Договорились, — сказал Альфредо и хотел положить трубку.

— Нет, подожди! — раздался вдруг голос Ромарио, когда трубка уже почти коснулась

рычага.

Альфредо снова поднес ее к уху.

— Сделай что-нибудь, — сказал Ромарио. — Что?

— Ну... постарайся выглядеть прилично. Прими душ и оденься получше. Успеешь принять душ за пятнадцать минут?

— Думаю, что успею.

— Тогда иди в душ.

— Хорошо.

— Приличный костюм! Чистая сорочка! — Да.

— Через пятнадцать минут!

— Да, — подтвердил Альфредо и нажал на рычаг.

Роза

Вооруженный филиппинец крикнул в окно кухни, чтобы она убрала свою чертову голову, и тогда он сможет убить человека, стоящего за ней.

В этот момент человек закричал по-английски:

— *Мне конец. Я весь в дерьме. Упал в канализацию.*

Филиппинец с пистолетом снова велел ей убрать голову.

— *Я сдохну, весь в дерьме, на этой чертовой кухне.*

— Убери голову! — в третий раз заорал филиппинец.

— Я не могу ее убрать! — крикнула в ответ Роза. — Не стреляйте, прошу вас! Вы уже застрелили мою мать! В доме двое маленьких детей! Умоляю, не убивайте их!

Что-то неуловимо изменилось в лице филиппинца, и он сказал:

— Твои дети останутся живы. — Потом замолчал и больше не кричал на нее.

Роза моргнула. Она с трудом соображала, но мысли были вполне ясными, и она спокойно спросила по-английски:

— *Вы могли бы выстрелить поперек головы мальчишки?*

— *Но как?* — всхлипнул тот. — *У меня не осталось ни одного патрона!*

— *Если вы меня не отпустите, он убьет нас обоих,* — сказала Роза.

Англичанин резко вдохнул. В этот момент Корасон испустила последний вздох.

— *О'кей,* — сказал он и отпустил Розу.

Она отпрянула в сторону, и человек на мгновение остался один. Он сжал кулаки и весь напрягся, приняв теперь уже бесполезную защитную позу, а потом упал, сраженный пулями.

Роза сползла на пол и закрыла глаза руками.

Она слышала, как филиппинец пролезает в окно.

— Вы обещали, что мои дети будут живы, — прошептала Роза.

Хрустнуло стекло, и она поняла, что он прыгнул с мойки на пол и уже здесь.

— Умоляю вас, — сказала Роза.

Она отняла руки от глаз и увидела, что бандит стоит около умирающего англичанина, стреляя ему в голову. Он продолжал стрелять, пока не израсходовал все патроны. После каждого выстрела у Розы перехватывало дыхание, а когда все кончилось, она пронзительно закричала.

Пока Роза кричала, бандит перезарядил пистолет, а кровь англичанина быстро растекалась по полу. Роза все кричала, пока не поняла, что он ждет, когда она замолчит.

Крики прекратились.

— Это ваша мать? — спросил бандит, указывая свободной рукой на тело Корасон.

Роза не знала, как реагировать.

— Мне жаль, что она умерла, — спокойно сказал филиппинец.

Она кивнула.

Филиппинец кивнул ей в ответ и повторил: «извините» — все тем же странно

вежливым и невозмутимым голосом. Потом подошел к мойке, забрался на нее и исчез.

Роза позвала:

— Лита, Раффи!

И сразу же из коридора донеслись успокаивающие звуки детского плача.

— Дети, в кухню нельзя. Здесь все... оставайтесь в...

Оставайтесь? Но это же смешно! Оставайтесь, пока я не наведу порядок, не уберу куда-нибудь Корасон и покрытого дерьмом иностранца, не вымою пол?

Роза сидела среди крови и осколков стекла, переводя взгляд с одного тела на другое.

Она сказала себе: надо подумать минутку. Ведь я все это уже видела. Так бывает после взрыва динамита; мне это знакомо. Теперь я знаю, что делать.

И она снова окликнула детей:

— Лита, Рафаэль, оставайтесь на месте.

Винсенте

Винсенте лежал на асфальте рядом с Тотоем.

Он не был убит, он думал.

Он гнался за бегущим человеком и видел, что бывает с беглецом, когда его поймают. В доме он видел мальчика, которому было столько же лет, сколько ему, когда пропал его отец. Он видел мойку со сливом, хорошую мойку, какие бывают в приличных домах.

И он подумал: я должен понять, что все это значит.

Винсенте задумался.

Как-то Фредо завел разговор о том, что значит думать.

— Когда ты говоришь: «я только что о чем-то подумал», — ты хочешь сказать: «я только что перестал о чем-то думать». Мысль уже какое-то время была у тебя в голове, и ты обдумывал ее со всех сторон, даже не сознавая, что ты делаешь. Это могло продолжаться несколько дней, недель или даже лет.

Винсенте подумал: бегущий человек не был моим отцом, а мальчик — совсем не я. Я даже не уверен, была ли у нас в доме похожая мойка.

Может быть, я ничего не должен в этом понимать.

Может быть, все это ничего не значит.

Но ведь это что-то да значит.

И тогда Винсенте перестал думать.

На дорожку свернула машина. Винсенте с Тотоем сели, щурясь от яркого света фар, пока водитель их не выключил. Они оба узнали его, но он, похоже, их не узнал, в недоумении глядя поверх их голов.

В освещенных окнах домов, что протянулись вдоль засаженной цветущими деревьями улицы, виднелись люди. Возле одного дома в садике стоял человек в шортах и с дробовиком в руке, а его жена наблюдала за ним из окна. Совсем недалеко, кварталов за пять, слышались и смолкли звуки полицейской сирены.

— Пора делать ноги, — тихо сказал Тотой, когда мимо пробежал владелец «хонды».

— Роза! — завопил он. — Что здесь, черт подери, происходит?

— Да, пора, — согласился Винсенте.

Когда они вышли на улицу, сзади слышался женский голос и сразу же раздался полный ужаса вопль мужчины.

Он крикнул:

— О боже! — так, будто вера вдруг покинула его.

Тотой обернулся, а Винсенте не стал.

От автора

Иногда под тессерактом понимается проекция гиперкуба, а иногда и сам гиперкуб. Я предложил свое собственное объяснение, потому что оно мне больше нравится. То же касается и всего, о чем говорится в этой книге.